

Александр ПОТЁМКИН

а

По рог

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ

Фото Владимира Мусаэляна

Александр Потёмкин

Я

Повесть

Издательский дом «ПоРог»

Москва 2013

УДК 82-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П 64

П 64 Александр Потёмкин
Я, повесть - М.: ИД «ПоРог», 2013 — 384с.
ISBN 978-5-902377-43-6

С детства сирота Василий Караманов столкнулся с жестокостью и низостью людей. Озлобившись, не желая считать себя одним из *них*, он начинает искать доказательства ущербности человеческого рода. Как исправить положение, ускорить эволюцию, способствовать появлению нового, высшего вида разумных существ?.. Философско-психологическая повесть Александра Потёмкина разворачивается как захватывающий поток сознания героя, увлекает читателя в смелый интеллектуальный и нравственный поиск, касающийся новых эволюционных путей развития человечества.

В оформлении обложки использована картина Сальвадора Дали «Геополитический младенец, наблюдающий рождение нового человека» .

Другие книги Александра Потёмкина
спрашивайте в книжных магазинах
и ИД «ПоРог», тел. (495) 611 03 39

© А. Потёмкин, 2004
© Издательский Дом «ПоРог», 2004
© И. Резников, оформление, 2004

ISBN 978-5-902377-43-6

Я

Бог стал человеком,
чтобы человек стал Богом!

Василий Великий, IV век

«Надо было спешить. Все стало наконец понятно, все выстроилось в логическую линию, и сознание успокоилось. Прежние поиски собственного Я обрели, казалось, покой, в котором я так нуждался с самого детства. Никогда не думал, что истина так неожиданно ворвется в мое сознание! А все произошло просто и быстро, как это обычно случается: как-то утром я проснулся на своем тюфяке – и на меня буквально обрушилось оригинальное решение будущего бытия. Как будто чей-то мудрый голос с каким-то неведомым умыслом подсказал, что я, Василий Караманов, двадцатисемилетний мужчина, согбенный под тяжестью глубоких переживаний, должен спешить реализовать себя, осуществив тем самым свое тайное предназначение. Не где-нибудь в глухой

российской провинции, не в Сивой Маске, в Сургуте или в одном из поселков автомобильной якутской магистрали между Алданом и Беркакитом, а в столичной дворницкой берлоге в Староваганьковском переулке. На улице, изрядно потоптанной известными гражданами нашего Отечества; напротив окон Государственной библиотеки, того самого столичного заведения, где человек черпает совершенно другие, отличные от навеянных давеча моему воспаленному уму знания. Ох, если бы ее читатели – студенты, профессора, другие представители интеллигенции – знали, чего я вдруг так страстно пожелал! Ох, если бы они имели представление, на что я так смело решился! Что так торопливо хочу предпринять! В чем мечтаю найти умиротворение! Они подумали бы, что на меня влияют таинственные силы; стали бы публично доказывать, что без сильнейшего давления и принуждения человек никогда бы самостоятельно не решился на такой поступок; что я заколдован, спятил,

совершенно лишился ума; что этот мой предстоящий ход оплачен очень высоким гонораром; что я жажду доказать себе, миру настоящего и будущего необыкновенность собственной личности, представить на суд общества силу духа и воли Василия Караманова, а не обоснованную научную истину! Но что мне до этого? Чепуха! Я обязательно совершу задуманное. В этом мире нет человека, способного остановить меня. Да, мое решение было неожиданным. Еще день, неделю назад я никак не ожидал такой развязки. Но что было прежде – день за днем и всю мою жизнь? Разве не жизнь помогала мне находить самого себя самым неожиданным образом? Не она научила меня вести поиск осуждаемого обществом? Поступать в угоду себе? Однажды, в самом раннем детстве, у ворот церкви я услышал фразу, злобно брошенную в мой адрес: «Презренный мальчишка!» После этого я стал старательно копить в памяти события, доказывающие мою презренность. Когда мне

было пять лет, мой отец изнасиловал финскую туристку и нанес ее мужу тяжкие телесные повреждения. Чтобы показать своему северному соседу и гражданам собственного Отечества неотвратимость и строгость советского правосудия, коммунистическая Фемида вынесла приговор: высшая мера наказания. Его расстреляли. Тогда все в округе стали обзывать меня «отпрыском выродка». В шестилетнем возрасте я лишился матери: после такого семейного позора она быстро пристрастилась к наркотикам – молотым головкам мака, росшего у нас на каждой пяточке земли, и в двадцать восемь лет умерла от передозировки кукнара – опийного отвара. И тогда все, знакомые с этими историями – а их было большинство в городе, – стали обзывать меня «презренным мальчишкой». В семь лет по субботам, когда ортодоксальным евреям строго запрещается делать какую-либо работу, я обходил их дома в своем квартале, чтобы разжечь печь, керосинку, включить свет, наколоть дрова,

приготовить чай. За это они давали мне пряники, а порой и деньги. О, это было великое испытание! «Семья у него, конечно, преступная, но что этот недоносок делает в еврейских домах? Таких презирать надо!» – говорили вокруг. Мне уже безумно нравилось, что моим сверстникам запрещают со мной общаться. Им не позволяли со мной играть, приглашать меня в дом, делиться со мной пищей! Я уже гордился тем, что директор школы допрашивает меня, чем я занимаюсь по субботам у иудеев. В душе я посмеивался и над учителями, требовавшими от меня не ходить по домам иноверцев. Впрочем, мои столь ранние шабатные визиты вовсе не вызывали у людей любопытства или желания что-то понять, осмыслить; они рождали лишь брезгливость и презрение. Эту их неприязнь я чувствовал повсеместно. Везде и во всем. В праздничный или будний день. В едких и пренебрежительных взглядах, в проклятиях, срывающихся с языка, в многочисленных запретах: получать от-

личные или хорошие оценки, добавку в школьном буфете, новогодний кулек с подарками, поохотиться с рогаткой на перепелок. Не раз случалось, что когда я заходил на Пасху в церковь, меня выводили оттуда со словами: «Тебе, гаденыш, здесь нечего делать! Пошел вон из храма!» Меня ненавидели не только люди: породистые псы и уличные дворняги облаивали меня с жуткой ненавистью, их клыки почти касались моего бледного болезненного тела. Злые осы вились вокруг меня, как саранча над пшеничным полем. Скорпионы прятались в истоптанной обуви, чтобы укусить; гуси, вытянув шеи и грозно махая крыльями, больно щипали голые детские ноги; коварные вороны выдергивали мои рыжие волосы с радостным карканьем. И сейчас, когда я вспоминаю эти страницы собственной биографии, меня охватывает, как бывало в детстве, искреннее уважение к самому себе: в семь лет начать конфликтовать с миром! Как это случилось? Как такое могло про-

изойти в сознании обычного ребенка? Правда, тогда мир для меня ограничивался пространством небольшого провинциального городка, затерянного на огромной территории коммунистической империи; но людские страсти в нем бушевали не меньше, чем в крупнейших мегаполисах планеты. Я рос, и моя дерзость росла вместе со мной. В девять лет, чтобы вызвать к себе новую волну общего презрения, к чему я уже начал сознательно, систематически стремиться, я на время летних каникул пристроился на живодерню. На этой работе обычно трудились приезжие, – они-то меня и взяли. Вначале мне не хотели доверять мелкокалиберную винтовку, но однажды, когда во время обеда санитары постукивали водочными стаканами, я сам схватил ружье и выстрелил в пса, агрессивность которого была очевидна. Собака завизжала и замертво брякнулась на мостовую. Мужики заорали: «Браво!» После этой истории я осмелел и стал увереннее вести себя на городских улицах: если пра-

вила предписывали отстреливать только бесхозных, бродячих собак, то я бил всех, но прежде всего – своих знакомых обидчиков. Кто мог защитить сироту, кроме него самого! Впрочем, я не только желал мщения; я стремился вызвать у всех в округе лютую ненависть. Тогда мне самому часто хотелось быть одинокой бродячей собакой, в которую всякий норовит бросить камень или выкрикнуть вслед злобную брань. Вот откуда все пошло! Вот где начинался мой сложный путь к решению, которое я давеча принял. С самого раннего детства меня увлекал конфликт между мной и обществом; увлечение это, как видно, осталось на всю жизнь. В десять лет я выкинул другой дерзкий фортель, после чего меня стали ненавидеть даже сверстники. Футбольный матч нашей городской команды с обояньским «Колосом» в самом начале сезона вызвал большой интерес зрителей. Трибуны были переполнены. Их на нашем стадионе было две: западная и восточная. На юге, за футбольными воротами,

высилась трехметровая кирпичная стена по всей ширине футбольного поля. Северные ворота были огорожены пятиметровой высоты металлической сеткой. Я знал, что никак не смогу попасть на футбол: откуда у сироты деньги на билет! В тот день я заготовил острое шило, спрятался за прогнившей калиткой овощного погреба в восьми метрах от южной стены стадиона и стал ждать начала встречи. В самом начале сезона футболисты часто бьют мимо ворот. На это я, десятилетний Василий Караманов, как раз и рассчитывал. Уже спустя несколько минут после начала матча мяч перелетел через стенку и буквально плюхнулся мне в руки. Я тут же нанес ему три-четыре удара шилом, бросил его на открытое место и снова спрятался за калиткой. На это у меня ушло не больше одной минуты. Еще через минуту на стене появился боковой судья. Увидев спущенный мяч, он послал за ним какого-то юного спортсмена, а сам оповестил главного судью, что мяч напоролся на

острый предмет. Игра продолжилась. Через десять минут эпизод повторился. С невероятной радостью я наносил мячу новые удары шилом; потом спрятался в прежнем укрытии. Опять возник боковой судья, опять были крики, что нужен новый мяч. В первом тайме так повторилось четыре раза. Перед началом второго тайма на стенке оказался какой-то спортсмен. «Что, будет охранять мячи? – подумал я. – Надо искать новый ход!» Когда пятый мяч перелетел через стенку стадиона, «охранник», стоявший на ней, стал спускаться. Конечно, спускался он к мячу – а значит, и ко мне, – спиной. Я мигом схватил мяч, залез на высокий тополь, стоявший рядом, и укрылся в апрельской листве. После продолжительных поисков спортсмен увидел меня на дереве и спросил: «Эй, пацан, слышишь, ты не видел, куда мяч подевался?» Я спрятал мяч между упругими ветками, слез с тополя и с нарочито покорным видом развел руками: дескать, отвлекся в этот момент. Менял место на дере-

ве. А сам подумал: «Не пускаете на стадион, ненавидите меня, страдать вынуждаете – теперь сами мучайтесь». «Слушай, – сказал спортсмен, – я на стенку поднимусь, а ты покарауль здесь. Последний мяч у нас остался». – «А как же я футбол смотреть буду?» – с наивным видом спросил я. «Подзатыльников захотел получить? Стой здесь, не то уши надеру! Знаю я тебя, жидовский помощник с местной живодерни!» – приказным тоном бросил он. Я подумал: «Ах так, признал! Ну, я вам сейчас устрою! – Однако сказал другое: – Хорошо, дяденька, буду караулить мячи. Только вы меня не бейте». Впрочем, совершенно другая мысль пронеслась в голове: «Только руку подними, я тебя со стены сброшу! Нашелся тут храбрец, мальчишку бить! Во мне всего двадцать пять килограммов! Герой!» Спортсмен поднялся на стенку, закричал, что мяч не найден и что охрана усилена. Через двенадцать минут мяч опять перелетел на мою сторону. Я подбежал к нему и взял в руки. Шила с собой

не было: я оставил его на дереве. Мяч оказался каким-то потрепанным: кожа изрядно стерлась, под ладонями чувствовались небольшие бугорки. «Говорите, последний?» – спросил тогда я. «Бросай быстрее! Наша команда проигрывает. Еще двадцать минут. Быстрее!» Я взглянул на спортсмена и спросил: «Сколько вас там на стадионе?» – «Эй, пацан, бросай мяч! Три тысячи болельщиков ждут. Бросай, а то сейчас спущусь...» – «Три тысячи, говоришь?» – продолжал я. «Да, три, а может, больше. Бросай!» – «Три тысячи – и не смогли одного Ваську Караманова на стадион пустить! Не дам я вам мяч! Вот вам дуля!» – прокричал я и бросился бежать. Я тогда добился своей цели: матч был сорван. Больше недели на меня шла охота. Местный футбольный тренер по кличке Тула даже десятку пообещал тому, кто меня поколотит. Ночью я спал в городском парке в лодке на качелях, а днем прятался в орешнике на самой окраине города. На девятый день меня выследил ка-

питан Подобед из детской комнаты милиции. На мотоцикле он доставил меня в свой покосившийся офис и с невероятной злостью оттаскал за уши. Этот ментовский прием я помню по сей день. Когда мои уши стали походить на огромные пельмени, он менял тактику и начал требовать от меня, чтобы я уговорил свою тетку, у которой жил, написать заявление с просьбой отправить меня в детский дом из-за недостатка средств и сил для моего воспитания. «А где такой детдом?» – сквозь слезы спросил я, думая уже о другом. Мне тогда нестерпимо захотелось свести к минимуму мир своего общения. Именно в детской комнате милиции у меня впервые появилось это еще не совсем осознанное стремление к одиночеству. Ведь все вокруг было так чуждо, так глубоко враждебно! «Моя тетка такого заявления не напишет», – с искренним сожалением сказал я тогда Подобеду. «Как так? Почему?» – насторожился тучный неказистый мужичок, сопроводив свой вопрос отрыжкой сала,

чеснока и самогона. «Кто ей бутылки будет собирать? Кто тару сдаст, чтобы ей на “Имбирную” хватило? Ведь она без водки дня не проживет. Я до сих пор по выходным дням ее еврейскими деньгами снабжаю. Без них она просто погибнет. А в будни по улицам пустые бутылки собираю». Почесал тогда капитан свою невыразительную голову, видимо, подумал, сделал несколько телефонных звонков и выложил мне новое предложение: «Тогда, негодяй, пиши заявление сам на имя начальника милиции, что тетка твоя, как ее... Пелагея Свяжская, в дальнейшем – П.С., свои обязанности по опекунству не выполняет. Регулярно пьет, алкоголичка, поэтому ты голый и босый, а желудок у тебя постоянно пуст. Понял? Найдем тебе приличный детдом, а ее направим в ближайший лечебно-трудовой профилакторий. Может, она завяжет с пьянством. Сколько ей лет?» – «Старушка, – сказал я, – на несколько лет старше моей умершей матери. Ей уже больше тридцати. Но я никогда не

сдам ее в ЛТП. В детдом, правда, хочется. Но это вовсе не значит, что я готов заложить собственную тетку. Нет! Любой ценой никогда ничего делать нельзя. Особенно мне!» – «Почему “особенно тебе”?» – с любопытством спросил меня мелкорослый Подобед. «Я ведь сам по себе. Таким людям опасно давать волю фантазиям». Капитан милиции, видимо, ничего не понял. Он опять почесал свой облысевший затылок, сделал еще несколько телефонных звонков и заявил: «Поедешь в Недригайловскую детскую колонию. Это несколько южнее Сум. Туда, правда, направляют с тринадцати лет. А тебе еще нет одиннадцати. Не страшно, в сопроводительных документах напишем другой год рождения. И метрику новую вручим. Тетка твоя, Пелагея Свияжская, пойдет этапом прямо в Жиздринский ЛТП. А в вашу квартиру нового участкового вселим. Улучшим жизнь каждого. Как партия учит! Но главное – избавим город от мусора». Так 14 апреля я навсегда оставил свой родной Пу-

тивль, заочно попрощавшись с тетушкой – милой, но вечно пьяненькой женщиной. Капитан Подобед даже не пустил меня домой забрать свои вещи. Правда, бог с ними, с этими тряпками, – но я навсегда лишился фотографий родителей. Я стал как бы человеком ниоткуда. Именно такого беспризорника, лишённого своих родственных корней, обретшего в тяжелой детской жизни стойкие повадки одинокого сорванца, повезли на попутных машинах в сопровождении милицейского сержанта в поселок городского типа Недригайлов, в детскую колонию. Разница между детдомом и колонией была существенная. Обитателями детдома были сугубо гражданские дети, по разным причинам лишившиеся родителей: гибель на вьетнамской и ближневосточной войне, пьянство, проституция, долгий тюремный срок, смерть. Детдомовских опекало само государство, а мы в колонии находились почти на арестантском положении. Кормили и одевали нас из бюджета органов внутренних

дел, а за каждым нашим шагом с вышек наблюдали мордастые прапорщики внутренних войск – правда, безоружные. В колонии малолеток было около трехсот человек. Среди них оказался и я, Василий Караманов. Несмотря на радость, что окружающий мир для меня сузился, стал более понятным, менее истеричным и могущественным, жить все чаще становилось невмоготу. Ежедневно я сталкивался с вещами, которые никак не хотел воспринимать мой взрослеющий разум. Ну зачем, к примеру, было взрослому человеку бить мускулистой ногой такого мальчишку, как я? Или заставлять хлебать пустые, обезжиренные щи носом? Подкладывать в почерневшую от стирок без мыла постель клопов? Постоянно лишать сна криками «подъем!», вынуждать онанировать на слово «КПСС», слизывать грязь с их сапог? Неужели затем, что охранники смеялись, когда клопы наслаждались нашей кровью? Что они по-настоящему радовались, когда их ноги касались наших сухих,

неокрепших ребер? Испытывали оргазм, когда наши языки касались их кирзовой обуви? Облизывались, когда мы, голодные, втягивали своими носиками воняющий падалью суп? Как мне надо было понимать мир, в который меня так беспощадно втолкнули? Что я вообще должен был думать о людях? Кто они? Что они за чудовища? Кем я мог представить себя в будущем? Человеком или каким-то другим существом? Но каким именно? Ведь на самом деле выбора не было. Человек – или крыса, мышь, жираф, волк! «Кем же стать? – думал тогда я. – Неужели похожим на этих скотов типом? Если я начну к ним прислушиваться, постараюсь их понять и оправдать, значит, в моем сознании возникнет полное прощение их поступков, поведения, образа мыслей. Но прощая, я становлюсь таким же, как они. А ведь именно этого я категорически не хочу. Не желаю! Боюсь! С другой стороны, что толку возмущаться и страдать? Надо искать себя!» Вместо четвертого класса, в котором

я с горем пополам учился в Путивле, в колонии я попал в пятый, самый младший. Сузившийся вокруг меня мир не обрадовал меня, не дал внутреннего успокоения. В огромном мире Путивля у меня было намного больше возможностей противостоять агрессии посторонних, направленной на мое Я. Даже жуткий коротышка Подобед в сравнении с недригайловскими воспитателями имел существенные преимущества. Он хотя бы говорил со мной – правда, презрительно и грубо; он хотя бы признавал меня как субъекта права – тут же, однако, показывая, что плюет на мой гражданский статус; он глядел на меня как на заморыша, которого можно избить, – но обязательно в самом конце побоев показывал пряник. Впрочем, окажись он здесь, в колонии, – почти наверняка примкнул бы к этой стае извращенных «воспитателей». Местная детская колония больше походила на полигон для умерщвления человеческого духа и плоти. Можно ли было в этих условиях мечтать о чем-то

человеческом? Прочесть книгу, восхититься музыкой, остановиться перед картиной знаменитого художника, увлечься творчеством, углубиться в академические знания? Влюбиться? Разве в таком затравленном существе, каким был я, могло родиться чувство любви? Нет, даже не к женщине, – хотя бы к жизни, к природе, к себе самому, наконец! Разве в такой истерзанной душе, как моя, могла родиться поэтическая строка, мелодия? Судя по моему опыту, этого нельзя было достичь никогда! За примерное поведение через полгода – год воспитанников детской колонии отправляли домой, к родителям. На что мог рассчитывать я, Василий Караманов? Дома – нет, родителей – нет, память о них горькая, опекунов – нет! Кто взял бы такого замухрышку, как я? С такой родословной? Одиннадцатилетнего колониста? Толпы иностранцев еще не колесили по стране с желанием усыновить наших мальчишек. Российское посольство в Вашингтоне еще не ввело традицию уст-

раивать новогодние праздники для усыновленных американцами детей России. Общество еще не знало нам цену. Собственно, сколько мог стоить в нашей стране человек? Ребенок, взрослый, весь народ? Гроши, мелочь, копейки, пустячок! Да я и сам совершенно не ведал, за сколько можно продать себя, особенно за границу. Как впоследствии оказалось, деньги весьма приличные! И охотников до таких покупок стало предостаточно. Родись я не в семидесятые, а в восьмидесятые или девяностые годы – жил бы совсем иначе. И помыслы были бы другими. Не то, что сейчас! Скрывая свои чувства и стараясь держать себя в руках, я присмотрел в колонии учительницу. На вид добрую, симпатичную, улыбающуюся. Подумал, что она могла бы стать превосходной матерью. Мне, любому другому воспитаннику. Уж очень нравился мне ее взгляд... Но вдруг в один из майских вечеров подошел ко мне начальник режима майор Пантюхов. «Эй, рыжий, – бросил он сквозь зубы, – мне донес-

ли, что ты анашу куришь. Я тебе выписал пятнадцать суток карцера. Впрочем, одиночку могу заменить на тридцать суток полевых работ. Если недобросовестно трудиться будешь – увеличу срок до ста дней, на весь аграрный сезон. Могу сдать тебя в аренду за мешок картошки в день. Кто позволил в колонии анашу курить?» Я опешил. Неприкрытая наглость речи охранника заставила меня тут же в тон ответить: «Я никогда еще этим делом не баловался: ни сигареты, ни анашу, ни гашиш в рот не брал. Откуда у меня деньги на все это? Но спорить с вами не собираюсь. Выбираю карцер, одиночку». – «Наглец! Что за дерзость! – рассвирепел майор. – Ты что, месяц в карцере хочешь гнить? Мечтаешь по собственному дерьму шагать от подъема до отбоя? Я тебе даже парашу в камеру не поставлю! Сволочь! Марш на вахту! Пойдешь с прапорщиком в усадьбу к Семихатовой. Твой рабочий день будет продолжаться с восьми утра до десяти вечера. Провинишься – трид-

цать розог и в карцер. У Семихатовой тебя денно и ночью станут охранять шесть кавказских волкодавов. Попытаешься бежать – псы разорвут тебя в клочья. Так что помощи ждать неоткуда. Помни: всего лишь одна жалоба, намек на плохое поведение – и ты тут же окажешься в одиночке. На все лето. Туберкулез тебе обеспечен». Разве после этой пантюховской тирады можно было поверить, что человек – это божественное создание, венец природы? Что он разумен, что мы одного с ним племени, что все мы одинаковы? Полная чушь! Никогда не верил в это и никогда не принимал умом и сердцем такой постулат. Чувствуя свою какую-то другую биологическую принадлежность, стремясь освободиться от тягостной мысли о собственном человеческом происхождении, я впервые категорично сам себе заявил: «Нет, я не человек, я совершенно не похож на *тех* людей, которые меня окружают. Я должен найти себя в нечеловеческом, искать себя в другой ипостаси. Там, где нет и не

будет места тем горьким переживаниям, что мучают меня с самого раннего детства». Взволнованный этой неожиданной мыслью, я стоял перед майором Пантюховым. Влажный майский ветер трепал мои рыжие кудри. Было тепло, но, зябко кутаясь в арестантскую робу, я почему-то дрожал всем телом; меня лихорадило. Чтобы отвлечься от унижительной сцены, я без особого любопытства, даже как-то вяло взглянул на недригайловские городские окраины. На свежевспаханной черной земле по отлогим склонам местной впадины мельтешились люди. Тут уже с некоторым интересом я пригляделся: детей среди них не было. «Я взрослею!» – подумалось тогда мне. Так впервые я попал на принудительные работы. Нет, не судом был я к ним приговорен, а волей одного мелкого мерзавца, воспитателя колонии Пантюхова. «Вали на вахту, рыжая психана!» – вернул меня к реальности майор. Молча, глотая горькую слюну, я поплелся на вахту. Впрочем, тогда, в детстве, слюна у

меня всегда горчила, словно кровоточащая рана. Но позже это прошло. Сейчас меня угнетала лишь тревога, что общение с людьми – непреходящий процесс. Ох, скорее бы закончить его! «Такой походкой на хлеб не заработаешь. Давай быстрее, вонючка!» – раздался окрик майора. Я уже научился не принимать близко к сердцу оскорбления, поэтому той же медленной походкой шел дальше. У вахты мне навстречу вышел прапорщик. Так, ничего особенного, обычный человек: злое выражение пьяного лица, бледные, невыразительные глаза, тяжелые, опухшие от водки кулаки. Козырек фуражки был задран к макушке – казалось, она вот-вот свалится; вместо сапог – спортивная обувь; на пальцах плотно сидели медные перстни. «Спать будешь на сене в сарае, – улыгмативно заявил он. – Запрещено обращаться к хозяевам с просьбами. Они ни слова не должны слышать о твоём состоянии: мучает ли голод или жажда, страшно ли, устал ли работать, мечтаешь ли о свобо-

де. Все эти мысли оставь в своей рыжей башке. Ты меня, надеюсь, понял? – Тут он шлепнул меня по затылку. – Все вопросы только через меня! Услышу хоть одну жалобу или руководство сделает мне по твоей вине замечание – мигом исчезнешь в яме с гашеной известью. Весной тут этих ям пруд пруди. Пшел! Поспешай! Меня уже Нюрка ждет, а тут тебя доставить надо. Тьфу!» «Какие они все похожие! – подумалось тогда мне. – Меняются только лица, фигуры и звания, а речь – одна на всех. Как будто они вызубрили текст какого-то неизвестного автора. Ой, не хочу его читать! Не дай бог, заставят вызубрить!» Я еле поспевал за быстро шагающим военным в гражданской обуви. «Так торопит, что даже забыл про мою вечернюю овсянку. Правда, жидкую, на воде, но все же теплую! – мелькнуло у меня в голове. – Впрочем, может, хозяйюшка накормит». Никакого опыта общения с женщинами у меня не было. Лишь пьющая тетка да несколько школьных учительниц. В

Путивле это были еще молодые барышни, которые стеснялись приближать к себе таких уличных бродяг, каким был Василий Караманов. Да я и сам не стремился общаться с ними. Какая в десятилетнем возрасте связь с женщинами! Учителями!.. Очень скоро я убедился, что ошибался и насчет ужина, и насчет моих хозяев. Нет, не так устроена жизнь *этих* людей. Когда мы поравнялись с густыми зарослями шиповника, я услышал остервенелый лай собак. Тут же кто-то басом прогорланил: «Мол-чать!» Минуту спустя бас повторил свое требование. Собаки перестали лаять, переходя на сдавленное рычание. Так злобно рычат лишь кавказские волкодавы, – у них при этом даже зубы стучат. Насколько помню, я к этому времени не очень боялся собак: они травили меня не раз в родном городе. Но месть моя – отчаянного живодера – была уже в прошлом. Сквозь кустарник я различил мощные тела животных. Собаки буйствовали у металлической ограды, но их остерве-

нелость пугала лишь прапорщика. Он то и дело стонал: «Эй, хозяин, угомони псов». Тут из-за ограды вышел пожилой мужик. Во всяком случае, он таким мне тогда казался. «Ну что, паршивец, привел пацана? Чего такого сухоребрика? Сможет ли он по двенадцать часов работать? У меня не детский дом отдыха! Попробую пару деньков, если толку от него никакого не будет – заменишь. Завтра к Пантюхову с жалобой пойду, что доходягу прислал. Разве этот малолетка – работник? Возьми-ка самогон, вояка вшивый, и проваливай. Тебя, небось, Нюрка дожидается. А ты, штрафник, – обратился он ко мне, – иди за мной». Мужик отвел меня в сарай, показал на сено и направился к выходу. «А где еда, вода, туалет?» – бросил я ему вслед. «Ты это что, рыжий, в санаторий прибыл, в пионерский лагерь? Когда я за советскую власть воевал, мы мышей ели. Голод был! Вон в углу мешок овса стоит. Зубы у тебя молодые, протрут. И что ты за арестант, если про туалет спрашиваешь?

Выйди за сарай! Места тут много». – «А собаки?» – спросил я. «Собаки, собаки! Привыкнете друг к другу. Завтра я подниму тебя в семь утра. Пойдешь свиней кормить. Потом огород прополоть надо, в поле выйти. Работы будет много. Это лучше, чем за оградой баклуши бить, на никчемные уроки время тратить». Он ушел, не сказав больше ни слова. «Хорошо, – подумал я, – надо обживать сарай». Тут необходимо отметить: мне было всего одиннадцать лет, по документам – тринадцать, но по жизненному опыту – все восемнадцать. Обычное явление: дети-сироты взрослеют рано. Поэтому для начала я деловито осмотрелся. Никакого света в сарае не было – ни керосиновой лампы, ни свечей. В середине мая темнело около девяти вечера. «Значит, – решил я, – совсем скоро наступит полная темнота». Я заторопился найти мешок с овсом. Для этого много времени не понадобилось: за мотыгой, облепленной свежей грязью, стоял заштопанный рыбацкой леской мешок.

Влажный, прелый, смешанный с зернами других злаков овес вначале есть не хотелось. Впрочем, некоторое время спустя я как-то машинально, сперва медленно, как бы даже нехотя стал выбирать лучшие зерна; несколько из них взял на зуб. Потом, увлекшись, принялся искать зерна уже более старательно, очень скоро наполнил ими карман и энергично заработал челюстями. Не хочу вспоминать вкусовые ощущения, но скажу, что в том возрасте я ел практически все сырое, неспелое, и никакого особого пристрастия к еде у меня не было. Мой желудок перерабатывал все: от горьких лесных каштанов, сахарной свеклы, кислых диких яблок, сырых картофельных клубней, перепелиных яиц до обжаренных на костре черных дроздов, которых всю позднюю осень и зиму я отстреливал из рогатки. Единственным лакомством, которое я себе позволял, были капустные кочерыжки. Я забирался на колхозное поле уже на закате, когда красное солнце назойливым пламенем лезет в глаза, ис-

кал небольшие головки капусты, тщательно счищал с них широкие листы до самых кочерыжек и, смакуя, долго грыз их, прощаясь с огромным красным диском. Когда наступала полная темнота и есть мне уже не хотелось, я возвращался на пустеющие улицы Путивля. Одинокий образ жизни приучил меня к темноте: в ней я чувствовал себя более безопасно. А когда с улиц исчезали последние полуночники, я, шагая совершенно один по ночному городу, начинал чувствовать себя абсолютным хозяином жизни. Так хотелось быть один на один с собой и владеть этим пустынным, до боли моим миром!.. Первую ночь в сарае я спал без сновидений. Лишь изредка просыпался, когда в нос лезла солома. Наутро мужик был еще мрачней, чем в предыдущий вечер. Он лишь крикнул мне: «Вставай, рыжий пес!» – как-то вяло махнул рукой – дескать, поспешай за мной, – и пошел на выход. Пришлось торопиться. Тут со мной произошло невероятное событие: волкодавы, еще вчера гото-

вые завалить ограду, чтобы разорвать нас с прапорщиком в ключья, как-то очень дружелюбно подбежали и, прижимаясь к моему худому детскому телу, пошли рядом. Один пес даже лизнул мне руку! Это был первый поцелуй в моей жизни. Я не поверил! Но собака лизнула еще раз. Я ошалел от радости! Другой пес носом пытался достать мое лицо. Так, ласкаясь, они довели меня до свинарника. Каким-то еще не совсем понятным символом показалась мне эта трогательная история. Мне хотелось поделиться с кем-то своей радостью: впервые в жизни меня обласкали – пусть не человек, собаки! Но никакого собеседника поблизости не было, и я вдруг почувствовал, что уже не ищу его: он был мне совершенно не нужен. Я стал получать удовольствие от диалога между недокормленной малолеткой Василием Карамановым и умудренным опытом собственного *Я* существом, ищущим свой нечеловеческий статус и при этом всем своим внешним видом похожим на человека. Если

вначале к этому внутреннему диалогу я относился как к забаве, чудачеству, то очень скоро беседы одного и другого Я стали для меня внутренней необходимостью. Разве может представить себе такое обычный человек: беседовать всю жизнь исключительно с самим собой? Каждый назвал бы меня психически больным! Параноиком! Слабоумным! Но я-то был в совершенном здравии. С кем же мне еще было говорить в безлюдной тесноте свинарника? Или в Путивле, или в детской колонии, в атмосфере ненависти, окружавшей меня? Если смотришь на мир с неприязнью, разве возникнет желание общаться с ним? Стать его составной частью? Конечно, нет! Вначале обитатели свинарника тоже встретили меня враждебно. Я горько пожалел, что прежде мне доставалось мало свинины на тарелках и в мисках. Ох, не те были повара, не те материальные возможности! Но в ходе пытливых раздумий у брошенного малолетки даже возникла первая творческая идея: было бы куда

проще и выгоднее ухаживать не за дюжиной, а за одной большой свиньей. Если каждое из двенадцати животных весит около двухсот килограммов, то одна свинья новой породы может потянуть на все три тонны. Свиноводство стало бы куда более рентабельным! Да и я заимел бы мощного приятеля. Тогда я еще не знал, что существует такая наука, как генетика, что именно она способна помочь мне в поисках собственного Я. Впрочем, вскоре эти на первый взгляд ничемные для общения существа показали необыкновенные примеры дружелюбия. Они стали мне ближе, чем добрые волкодавы. В своих чувствах я продвинулся еще дальше: мне показалось, что я предпочел бы жизнь среди свиней жизни среди людей! Уже через неделю я переселился из сарая в тамбур свинарника и ощущал себя очень комфортно, потому что был ласково принят свиным стадом. Мужик виделся со мной редко, лишь каждый второй день я находил его скудные подачки: краюху черствого хле-

ба, несколько сморщенных луковиц, пару клубней картофеля да хамсу – мелкую соленую рыбешку. Но я не был голоден: мешок овса, кубышка посевного мака, желуди, сваренные для свиней, – всего хватало! Нет, вопросы еды меня вовсе не занимали. Я был занят другими размышлениями и упивался разговорами с самим собой. Как-то под вечер я нес из колодца воду, чтобы напоить свиней. За мной неслись домашние псы. Они почти всегда провожали меня по этому маршруту. Вначале я даже подумал, что они приставлены ко мне, идут по следу, чтобы я не сбежал, или что им поручено пресекать мои мальчишечьи вольности. Хотя разве до проказ мне было! Однако довольно скоро я понял, что заблуждался. Между нами возникла некая неуловимая приятельская связь. Известно, что разные виды животных нередко сближаются между собой более тесно, чем с человеком. Собаки остервенело лаяли на людей, часто рычали даже на своих хозяев, но оберегали и ласкали

меня. Эти взаимоотношения с псами лиш-
ний раз подтверждали: выбранное мною для
размышлений направление, в основе кото-
рого лежал посыл, что я не человек, было
правильным. Так вот, иду я с ведрами воды
– и вдруг через калитку во двор входит учи-
тельница, чей добрый взгляд всегда вызы-
вал у меня в колонии сентиментальные мыс-
ли. Я улыбнулся, хотел было остановиться,
поставить на землю воду и поздороваться.
Но женщина, взглянув на меня, опустила
глаза, ее лицо приняло злобное выражение,
она лишь выкрикнула собакам: «На место,
предатели!» – и прошла мимо. Никакого
желания остановиться, сказать слово, спро-
сить о моем житье или учебе у нее не было.
Я опешил и уже ей вслед сдавленным, оби-
женным голосом бросил: «Здравствуйте,
Анна Клементьевна! Это я, Василий Кара-
манов из Недригайловской колонии». У-
чилка даже не обернулась. Она прошла
мимо, как будто меня не существовало. Как
будто перед ней было не живое существо, а

полевой сорняк, оголенный ветром одуванчик. Это событие вынудило меня с новой силой возненавидеть человечество; желание стать другим существом во мне усилилось. Гадкий вечерний эпизод в барском дворе еще раз заставил задуматься: к какому биологическому виду я принадлежу? С болезненной настойчивостью я стал искать в себе черты характера и особенности сознания, которые фундаментально отличали бы меня от представителей человеческого рода. Но воспаленный разум ничего, кроме стремления к мщению, не выдавал. «Как так, – возмутился я, – эту женщину я представлял матерью, не только своей, но всех колонистов, а она из той же породы пантюховых!» Тут собака лизнула кисть, словно понимая мое состояние. Я пришел в себя, поднял ведра, полные воды, и понес в свинарник. От места моей работы до дома, в который вошла училка, было никак не больше пятидесяти детских шагов. «К кому же она направилась? – подумал я. – К мужику, что ли? Кто

вообще живет в этом доме? Как выглядит мой хозяин? Кому принадлежит этот рубленый домина?» Я почему-то решил, что мрачный мужик был зрителем этого захолустного поместья: видимо, его суровость, жадность, необщительность убедили меня в этом. Чтобы твердо знать, кто в усадьбе хозяин, а кто гость, я решил, дождавшись темноты, взглянуть в окна деревянного дома. Шел девятый час вечера. Я внес в свинарник воду, разлил ее по корытам, вышел в тамбур, или, на недригайловском сленге, в стайню, и улегся на зерно. Ячмень покусывал тело, словно струйки воды в душевой комнате детской колонии. Мне это нравилось. Желая продлить удовольствие, я то и дело переворачивался, сбрасывая прилипшие к телу зерна, чтобы затем вновь и вновь чувствовать их колкие прикосновения. Хотелось говорить, говорить много. Разговор с самим собой строился по принципу разделения собственного *Я*. Именно в те годы я понял, что размышлять и говорить с самим

собой – это два совершенно разных занятия. Каждое из них было настолько самостоятельным и оригинальным, что нуждалось и в своем времени, и в особенном внутреннем состоянии. До полной темноты оставался час; меня этот срок для беседы с собой устраивал. При этом глазом и ухом я следил за тропинкой от дома до калитки усадьбы. Высказываемые мысли, свои и чужие, выглядели наивными, но были глубоко искренними. Что серьезного можно было ожидать от размышлений одиннадцатилетнего подростка, случайно прочитавшего всего лишь две книжицы – «Моделирование обуви: кожа в руках художника» Костяняна и «Перелетные птицы» Маргариты Ги? Впрочем, надо сказать, что книги эти я нашел случайно в куче бумаги, которую натащили сверстники, чтобы выполнить школьный план по сбору макулатуры. Но почему я выбрал именно эти книги? Я всегда был без обуви, – не буквально босой, но ходил в развалившихся ботинках с мусорки, которые к тому

же были на несколько размеров больше, чем нужно. Нередко башмаки, составляющие пару, были разного фасона и цвета. Как я уже говорил, рогатка для меня была инструментом добывания хлеба насущного. Перепела, дрозды, рябчики, дикие голуби являлись предметом моей постоянной охоты. Если в первой книге я искал решение, как достойно обустроить себя, то во второй – как эффективней увеличить трофеи, чтобы наполнить свой и теткин желудки. Бедность и непрекращающаяся борьба за выживание помогали мне развивать защитные функции организма, учили мириться с недоеданием, одиночеством, холодом, искать все новые способы обеспечивать себя всем необходимым. «А помнишь, – спросил я себя, – как в долгих скитаниях по Путивлю ты по лицам и повадкам выбирал мужчин, которые подошли бы к образу отца? Тогда тебе представлялось, что он вовсе не расстрелян, а застался, чтобы подсмотреть за твоей жизнью, поведением, способностью выживать в бе-

зотцовщине. Казалось, что он вот-вот появится, обнимет, накупит одежды, сладостей – и начнется новая жизнь. Ты даже пару раз приглядел себе возможных отцов, но дело дальше не пошло. Ты не смог признаться им в своем выборе». – «Конечно, такое никогда не забудется. Помню, как слезы наворачивались на глаза, обида сжимала горло». – «А не забыл ли ты, как однажды поправившуюся чужую тетку назвал мамой, а она в ответ бросила: “Проваливай, дурачок! Что, пряник решил выманить?” А потом даже добавила: “Иди, иди отсюда, мелкий мошенник”. Да, ты хлебнул много разочарований. Осталось ли в памяти, как всю четверть на большой перемене ты бегал на квартиру Хватайко, чтобы принести училке к обеду авоську с горячими щами, котлетками и кондитерскими изделиями, а она выше тройки тебе никогда не ставила и ни разу ничем не угостила? Хотя безмозглому сыну директора почты Штучкина и придурковатой дочери начальника водокачки Бабош-

кина она ставила пятерки и угощала маковыми бубликами». – «Ох, все помню, каждый день моего детства превосходно сохранился в моей памяти! Я даже помню, как в детском саду в средней группе я впервые стал ощущать по отношению к себе открытую несправедливость, может быть, даже враждебность. В нашем дворе росло с десяток тутовых деревьев. Заготовительная контора дала детсаду коконы шелкопряда, чтобы дети кормили их листьями шелковицы. Каждые четыре недели коконы, опутанные белоснежной шелковой паутиной, сдавались в заготконтору. Те мои сверстники, кто занимался этим делом, получали как добавку к ужину ложку повидла и шайбу хлеба. Воспитатели детсада ни разу не допустили меня к шелкопрядным столам. Они занимали этим делом соседских ребят или детей своих родственников и знакомых. Так что ни повидла, ни хлебных добавок я так и не увидел. Почему-то каждый взрослый хотел дать мне подзатыльник или обругать, а вос-

питатели искали меня только для того, чтобы поручить самую унижительную работу. Может быть, воспоминания о поступках моих родителей толкали их на это? Сейчас приходит на память, как вручали мне описанные трусы девчонок, чтобы я относил их к ним домой, а назад приносил сухие. Кому же дать такое задание, кроме как сиротской душе? Никто же за это с них не спросит! Не было случая, чтобы меня хоть кто-то поблагодарил, дал хотя бы маковку, сморщенную ягодку изюма! **Они** лишь рычали: “Почему она натворила такое?” – и шлепали меня по голове, как будто я нес ответственность за такие девчачьи недоразумения. Наверное, **им** казалось, что они дают пощечину моему отцу или поносят мою мать. Может, я сам, рыжий и худой, вызывал ненависть окружающих? Именно в детском саду номер три города Путивля меня впервые потянуло к одиночеству. Я почти всегда сидел где-нибудь совершенно один, вдали от воспитателей и сверстников. Лишь солнце ласкало

меня, а взбалмошные бабочки вызывали интерес к жизни». – «Сохранилось ли в твоей памяти, как на уроке рисования в детский сад пришла корреспондент местной газеты “Путивльская правда”? Она взяла твой лист бумаги и ахнула: “Какая красивая Кремлевская стена! Как зовут мальчика? Об этом таланте необходимо написать!” К ней тут же подошла воспитательница, взяла твой рисунок и сказала: “Кремлевскую стену нарисовал Виктор Выпорков, сын начальника «Сумсельхозтехники». Ты удивился, но промолчал и отошел в сторону». – «Да! Как же такое забыть? А на следующий день в газете было написано, что “пятiletний Витенька Выпорков на уроке рисования старательно выводил Кремлевскую стену”. Или другой случай: кто-то из старшегруппников разбил окно в соседнем доме. Вся администрация детского сада всполошилась: хозяин дома был каким-то крупным хозяйственным начальником, а тот, кто разбил окно – сыном партийного босса. Чтобы

снять проблему, – не ссорить же крупного хозяйственника и коммунистического лидера районного масштаба! – педсовет постановил: наказать Ваську Караманова. Меня на три часа поставили в угол на колени. Но тут произошла еще одна несправедливость. Наказание было увеличено на полтора часа, потому что владелец разбитого окна пожелал лично увидеть проказника, чтобы натреть уши. Он прибыл позже, чем обещал. Меня лишили ужина, и я получил несколько болезненных подзатыльников – рука у него была тяжелая. Но меня удивила пена на губах хозяйственника. Он лупил меня по затылку и неистово кричал: “Рыжая гадина, ты у меня узнаешь, как чужие стекла бить! Я тебе покажу кузькину мать, отпрыск уродов!” А я тогда подумал: “Вот вырасту, ни одного твоего стекла целым не оставлю!”» – «И ведь ты не забыл обещания?» – «Как забудешь? Долг платежом красен! Три года спустя в крещенские морозы я выбил у него в доме все стекла. Когда раздавался

треск разбитого стекла и оно разлеталось по снежным сугробам, мне казалось, что изо рта хозяйственника выскакивают зубы и летят в розовощекие лица воспитателей, рая и царапая их. “Вот так вам!” – мелькало у меня в голове». – «По-моему, уже достаточно стемнело». – «Ты прав, пора подниматься, чтобы разглядеть, кто живет в этом доме». Я встал, глотнул из ведра воды, бросил несколько ячменных зерен себе на язык и вышел из свинарника. Пятьдесят шагов до бревенчатого дома я преодолел достаточно быстро. Впервые я оказался в запретном месте – у дома хозяина усадьбы и собственной детской судьбы. Прежде ареалом обитания служили для меня сарай, свинарник, огород, небольшое, около полугектара, поле и дорожки между ними. Тут я ежедневно работал и мог свободно перемещаться в любом направлении. Но находиться перед хозяйским домом мне было строго запрещено. Был бы постарше – чувствовал бы себя крепостным. Но в детстве мое сознание отягчали

другие переживания. Когда я подошел к дому, то понял, что заглянуть в комнаты будет сложно. Мой рост – около ста пятидесяти сантиметров – не позволял осуществить задуманное. Я огляделся: рядом со мной цвела яблоня. Бледно-розовые лепестки неслись по ветерку, как майские бабочки. Едва я залез на яблоню, как тут же увидел Анну Клементьевну. Обнаженная, она, казалось, сидела на плечах мужика, ее ноги обвивали его шею, а руки были закинута за голову. Я тогда еще не понимал, что означало это странное положение человеческих тел. Мне не раз приходилось видеть в городском парке лежащих любовников, но так открыто, голых – впервые. Я отвел взгляд, попытался взглянуть в другие окна, но везде было темно и безжизненно. «Неужели она ему жена? Или любовница этого чудовища? Что, выходит, это она высмотрела тихого, забитого Караманова и подсказала Пантюхову направить беспомощного раба к ней на работу? Кормить и чистить ее живот-

ных, следить за огородом, полоть поле? Без платы, без кормления, без необходимого белья, постельного и личного? Без слова! самого короткого: здравствуй, привет, спасибо. На такое унижение ближнего своего готов почти каждый из *них*. Но я другой! На бесстыдство я не способен. Нет, я не из этой породы, я не из людского теста слеplen. У меня нет ни матери, ни отца. Может, это умысел каких-то тайных сил? Какой-то космический разум пожелал сотворить из такого, как я, – человеконенавистника? А я, дурень, глядя на ее благородное лицо в колонии, мечтал о материнской ласке! К чему мне все это человеческое? Кретин! Я ведь должен стремиться к другому. Значит, она и есть Семихатова! Ну и что? Тюремщица с благородным лицом! Помещица в облике моралистки!» Так в одиннадцатилетнем возрасте я еще глубже убедился в нечеловеческом своем происхождении. Но отчужденность подростка более экспрессивна, чем выражение тех же чувств у взрослого. Пол-

ный негодования, я спустился с дерева и побрел в сарай. Сказать честно, никакого конкретного плана в моем возмущенном сознании не было. Но стремление своего Я к каким-то агрессивным действиям я сдерживал с трудом. Почему я несея в свинарник? Не знаю. Вошел в темную бывшую ночлежку. По памяти подошел к керосиновой лампе. Нащупал спички. И тут неожиданная мысль пронзила сознание: а почему не запалить этот хозяйский дом? Ведь когда один человек горит, то другим до глубины души радостно! Ведь в этом и состоит *их* суть: если стало плохо тому, кому было хорошо, – *они* устраивают праздники. По-детски радуются. Умиляются, плачут слезами удовольствия. Таким образом я окончательно попрощаюсь с человеческой породой. Этот прощальный огонь озарит душу нового существа, станет толчком к зарождению совершенно нового обитателя Земли. И с высоты своего уникального положения я стану наблюдать, как пьяные, ожиревшие пожар-

ные начнут с ленивым безразличием разворачивать брандспойты; как ржавые краны, выплюнув пару капель воды, расчихаются, чтобы потом замолчать надолго, до капитального ремонта; как заспанные соседи выставят в окнах *свои* счастливые физиономии, чтобы получить заряд положительной энергии на сон грядущий; как крики погорельцев утонут в радостных воплях толпы. Эта неожиданная идея обрадовала меня. За всю мою одиннадцатилетнюю жизнь у меня еще не было более счастливой мысли. Ошалев от такого сногшибательного решения, я схватил спички, охапку соломы и бросился к дому с ненавистными жильцами. Слабый оконный отсвет помог собрать несколько березовых поленьев. На солому я положил дрова, на дрова – опять сухой соломы, чиркнул спичкой – и пламя стало набирать силу. Его языки уже лизали первый пояс сруба. «Может, в основе преступления моего отца лежала ненависть к людям? И самоубийство матери объясняется теми же при-

чинами?» Вдруг совершенно другая мысль пришла в мою детскую голову: «Что это я делаю-то, ведь я же не человек! Что это я своими действиями себя очеловечиваю? Нет! Прочь все людское! Видимо, меня толкнул к этому остаток человеческого в моей натуре. И поступки моих родителей тоже чисто человеческие!» Я испугался. Испугался того, что новая сущность, к которой я так мечтал приблизиться, могла стать такой же человечески мерзопакостной. Я бросился в свинарник, схватил корыто с водой, подбежал к огню и стал заливать его. Одного корыта не хватило. Я стал носиться к колодцу с ведром, чтобы окончательно залить уже тлеющий огонь. Собаки молча бегали за мной, словно понимая, что творилось в моей душе. Когда я убедился, что опасности пожара больше нет, я побрел в свинарник, чтобы распрощаться с друзьями-свиньями, потом обнялся с волкодавами и как-то очень спокойно, даже несколько торжественно открыл калитку и вышел со двора. «Куда ты

сейчас отправишься, Василий? – спросил я себя. – Начну искать себя! Пора! Пора! Прекрасно, что этот поиск я начинаю в одиннадцать лет. А то ведь можно не успеть!» Я тогда еще не знал: Вселенной, чтобы сотворить человека, потребовалось тринадцать миллиардов лет. И какое получилось неэффективное творение! Великое искушение досталось поколениям – изменить в человеке человеческое. Но работа застопорилась, она не движется. Самодовольство представителей человеческой породы, их несовершенный генетический ансамбль являются главнейшей помехой к самосовершенствованию. Надо же кому-то начать это нелегкое дело! Ведь если довериться лишь времени и пространству мутаций, то сколько сотен тысяч лет потребуется, чтобы, наконец, вывести новое существо, которое сменит порочный вид людской!.. Случай с попыткой поджога дома учительницы Недригайловской колонии стал на следующий день предметом бескончаемых дискуссий. Меня нашли спящим в

лесу, избивали кнутами, бросили в карцер, напрочь лишили горячей пищи, прогулок, четверговых бань. Как Пантюхов обещал, так и сделал: в карцере параша не выставлялась. Пришлось решать свои проблемы в камере... Юридическая ответственность в России наступает в четырнадцать лет. Мне было одиннадцать, по липовым документам – тринадцать. Но это обстоятельство совершенно не смутило Пантюхова, Семихатову и других управленцев детской колонии. Чтобы сделать меня юридически ответственным лицом, они опять переписали метрику. В новой метрике была указана новая дата рождения, еще на несколько месяцев раньше. Вот так я быстро выросел! Мое дело слушалось в судебной комнатухе с облезлыми, пожелтевшими обоями не более трех минут. Судья, усталый человек с лицом такого же цвета, как и обои, и подпорченной эмалью на зубах, бегло зачитал приговор, и меня на пять лет отправили в колонию для несовершеннолетних преступни-

ков, в город Перевоз на реке Пьяна. Как же я должен был относиться к человечеству? Мог ли я *его* уважать? Хотелось ли мне походить на людскую породу? Нет и еще раз нет! Никогда! Впрочем, эта мысль поселилась в моем сознании еще в раннем детстве. И не было пока в моей жизни ничего, что заставило бы меня изменить свои взгляды. Как центральная газета «Правда» что в Путивле, что в Недригайлове, что в Перевозе была одна и та же, так и психология людей в этих провинциальных городках России была одинакова у всех. Ментальность людей, окружавших меня, была тоже какой-то общей, как бы центральной. Оказавшись в Перевозе, я тут же попал в переplet. Представители администрации колонии требовали, чтобы я надел на рукав красную повязку и целый день прошагал по лагерной территории между спальными бараками, выставляя напоказ «красноту». То есть продемонстрировал не только лояльность, но и готовность к сотрудничеству с лагерной адми-

нистрацией, вплоть до показаний против арестантов. А малолетние преступники с колотушками в руках уговаривали этого ни в коем случае не делать. «Жить в бараке с этими, – думал я, – и доносить на них другим, сидящим в кабинетах? Может, это людская логика, но никак не моя. Разве человек способен быть другом Василия Караманова? По-моему, таких данных у *него* нет». Мои раздумья не понравились обеим партиям: и те и другие решили меня поколотить. Первые били днем, вторые ночью. В лагерной больнице я пролежал около ста дней, а когда в конце октября был выписан, получил распределение на должность помощника кочегара в местную котельную. Стремление к одиночеству у меня усилилось. Так, монотонно, отдалившись от активной лагерной жизни, я прожил почти пять лет. Я был единственным в лагере, кто ни разу не получил продовольственной передачи, не распечатал ни одного письма, единственным, кого не приглашали на свидание с родствен-

никами, кого не освободили досрочно. Но я был и единственным, кто несколько раз перечитал все книги библиотеки. Именно здесь мои фантазии и влечения обрели невероятный размах. Я не хотел учиться, потому что в школе надо было общаться. А я хотел молчать. Я думал. Я вел диалог с самим собой. Зимой и летом я почти не выходил из кочегарки: работал, размышлял, вглядывался в звездное небо. Одних заключенных освобождали, других привозили, третьих переводили во взрослые колонии и тюрьмы. В один из последних мартовских дней меня вызвали на вахту и сообщили, что я свободен. Я и не заметил, как пролетели пять лет! Потребовали сдать арестантскую одежду и убираться на все четыре стороны. Эта новость меня вовсе не обрадовала: идти было совершенно некуда. Но она и не вызвала у меня никакого огорчения: не существовало нитей, связывающих меня ни с охранниками, ни с арестантами Перевозского лагеря. Мне было все равно. Я мог найти

себя и в заключении, – впрочем, свобода давала мне такие же шансы. Перед начальником по режиму я стал раздеваться: сбросил бушлат, китель, тяжелые башмаки, носки, брюки, рубашку, майку. Когда начал снимать трусы, он вдруг заорал: «От-ста-вить! Мигом получишь пятнадцать суток карцера за оскорбление офицера!» – «Вы же потребовали сдать лагерную униформу! Я лишь выполняю приказ». – «Иди в каптерку и переодевайся. Что перед носом свое веснушчатое тело демонстрируешь? Пошел!» – «Мне не во что переодеться», – вяло сказал я. «Как не во что?» – вскипел он. «Так! Я сирота. Когда попал к вам, мой рост был 159 сантиметров. Сейчас – 182». – «Не могу же я вот так просто дать тебе право государственное имущество присвоить!» Майор позвонил – видимо, в бухгалтерию, – и задал вопрос: «Караманову что-нибудь начислено? Девять рублей тридцать две копейки? А сколько стоит его форма? Как это? Вместе с обратным билетом двадцать три рубля

сорок копеек? У него нет никакой личной одежды. Надо пересчитать». «За пятилетний срок я успел заработать целых девять рублей с копейками. Неужели и на воле так платят?» – пронеслось в моей голове. Бухгалтерия отобрала мой замызганный углем бушлат, тянувший на пять рублей, и взамен вручила обходной лист, в котором говорилось о перерасчете моего скромного капитала и государственного имущества – остатков арестантского платья. Мне выдали рубль семьдесят, охранник открыл дверь и, глядя мимо меня, бросил: «Вали, нерадивый!» Так в возрасте шестнадцати лет (по документам – почти девятнадцать) я вышел на волю. В карман кителя вложил свои документы – справку об освобождении и фальшивую метрику – и без особой радости шагнул за ворота. Пасмурное небо показалось как никогда серым. Снег сошел, было грязно, сыро и многолюдно. Хмурые лица прохожих, их какая-то озадаченная походка и нервные движения конечностей вызы-

вали у меня унылое недоумение. «Неужели на свободе всегда так противно и обреченно? Как же **они** могут жить в таком несправедливом мире? С таким извращенным сознанием? Ведь никакого будущего у **них** нет! Надо что-то предпринять. Но способны ли **они** на это?» – пронеслось в моей голове. Я шлепал по городским улицам, совершенно не понимая, куда направляюсь и какой маршрут необходимо выбрать, – а идти, собственно, было совершенно некуда. Передо мной простиралась огромная Россия, однако места, где бы меня ждали или куда можно было бы стремиться, в ней не имелось. Неожиданно я вышел на открытый рынок с покосившимися деревянными прилавками. Торговки предлагали картофель, красную свеклу, сушеные грибы, шерстяные носки и шали. Какой-то мрачный мужик продавал топоры, другой – лопаты, грабли, вилы. Рынок меня никак не заинтересовал. Сделав круг, я двинулся на выход. Здесь стояло несколько потрепанных автобусов. На

одном из них прочел табличку: Перевоз – Княгинин. Заглянул в дверь машины, спросил водителя: «Сколько стоит проезд?» – «Тридцать копеек!» – ответил он. «Тогда я поеду». – «Поднимайся. Билет нужен?» – «Нет». – «Возьму с тебя на гривенник меньше». Через несколько минут автобус уже вез меня в старый приволжский городок. Так началась моя жизнь в Княгинине. Первое время я находил приют в автобусах. На ночь забивался под длинное заднее сиденье, а днем шатался по улицам. Через неделю я нашел работу на тарном заводе. Мне выдали молоток, гвозди, отвели место, подбросили подсобный материал и научили сбивать деревянные ящики под водочные бутылки. За каждый ящик платили по десять копеек. Первые дни я успевал сбивать не больше десяти ящиков, но уже на второй неделе работы в конце дня перед моим рабочим столом выстраивалось их пятнадцать – семнадцать штук. Когда потеплело, я тайно перебрался ночевать в тарный цех. Мой

месячный заработок составлял чуть больше пятидесяти рублей. К этому времени я уже прикупил себе на барахолке некоторые поношенные вещи, обрел цивильный вид, по справке об освобождении получил паспорт и стал задумываться над проблемой, все более меня волновавшей. Я начал понимать, что без знаний почти невозможно изменить себя, стряхнуть с себя все человеческое и обратиться в новое существо. В лагере я прочел все, что там было, и по нескольку раз, так как книги менялись через десять – пятнадцать лет. Литература привозилась в основном патриотическая, где воспеваются человек и его деяния. Эти темы меня не интересовали, но я через силу читал библиотечные книжицы, преследуя совершенно другую цель: надо было вообще научиться читать, чтобы по-настоящему понять *их* мир и вести систематическую борьбу за скорейшее появление нового разумного существа. В старинном русском городке Княгинине, чей герб со времен империи украшал вели-

чественный лось, была неплохая библиотека. Именно тут я впервые познакомился с серьезными книгами. Теперь все свое свободное время я проводил в библиотечном зале. Человек меня не занимал: друзей у меня не было, с девушками я не встречался и не искал их общества. На первый взгляд, мои дни были однообразными, но на самом деле я постоянно находился в состоянии возбужденного поиска. Библиотека этого провинциального городка располагала к некоторым интеллектуальным вольностям. Например, первая мысль, по-настоящему подвигнувшая к изучению генетики, озарила меня во время чтения «Дневника Микеланджело неистового» Роландо Кристофанелли. Это желание было вызвано не чем иным, как человеческой завистью. Я пристыдил себя за непоследовательность, за то, что еще сохранил в себе людскую ментальность, – и стал воодушевленно искать секреты гениальности. Именно этот поиск неизвестного привел меня в столицу. Все про-

изошло чрезвычайно прозаично: я начал задавать неудобные вопросы местным библиотекарям. Меня интересовали книги, объясняющие природу гениальности. В Княгинине литературы на эту тему не было. И тут какая-то пожилая дама подсказала: «Езжайте в Москву, юноша. В столичных библиотеках вы найдете все, что вам нужно». Впрочем, она окинула меня удивленным взглядом, – так смотрят на диковинную вещь. Видимо, я казался ей странным читателем: все вечера напролет проводил с книгами, на девиц не обращал никакого внимания, был всегда один, а тут еще заинтересовался генетикой. И не просто введением в общую науку, а самым деликатным ее разделом – гениальностью. Наверное, любой, кто заинтересуется такой темой, вызовет у стороннего человека настороженность и опаску. Зачем ему это? Не спятил ли он? А вдруг он потребует еще чего-то такого, ненормального? Что тогда делать? Итак, 21 августа 199... года я взял билет в общий ва-

гон, собрал в мешок свои нехитрые пожитки и направился в Москву. Сказать откровенно, мне было все равно, где и как жить. Запросов к условиям собственного существования я не имел никаких. Единственным, к чему я стремился, чего упорно, порой даже болезненно упорно добивался, было одиночество. И мне, в общем-то, льстило мое упрямство, радовала стройность, бескомпромиссность мыслей, родившихся в далеком детстве. К кому я ехал в Москву? Кто меня там ждал? У кого я смог бы найти приют? Ведь у меня не было ни одной знакомой души в этом мегаполисе! Не из-за того даже, что у меня не было родственников, а потому, что *Я* и человек никогда не смогли бы сблизиться. Как совместное проживание олдувайцев и питекантропов завершилось полным вымиранием первых, как контакты между питекантропами и неандертальцами ни к чему не привели и питекантропы навсегда исчезли, как связь между неандертальцами и кроманьонцами

не состоялась и неандертальцы перестали существовать, так и в противостоянии «человек и Я» первый должен кануть в Лету, остаться только на страницах истории, стать предметом лишь археологического интереса. Мы никогда не сможем существовать вместе! **Они** об этом пока еще ничего не знают, но я-то был уверен в своей правоте! Поэтому мне было совершенно все равно, где я окажусь в столице. Я ехал туда за знаниями, и ничто другое не представляло для меня ни малейшего интереса. Я видел перед собой лишь стопки книг, но людей не хотел замечать. В то время мне казалось, что я совершенно одинок в своем стремлении к новому виду существ, который должен сменить кроманьонцев. Оставшись сиротой, я очень рано решил бежать от всего людского, и здесь, в Княгинине, это привело к следующим размышлениям: в кенийском ущелье Олдувай были обнаружены следы австралопитеков, появившихся более полутора миллионов лет назад; в германской долине

Неандерталь найдены останки гоминидов, просуществовавших сто пятьдесят тысяч лет и получивших название «неандертальцы»; во французском гроте Кро-Маньон были найдены свидетельства появления первых человеков современного типа, живших уже более сорока тысяч лет назад и названных «кроманьонцами». Я появился в Путивле – значит, мой биологический вид с уверенностью можно называть «путивльцем». Надо же соблюдать академическую преемственность в антропологической последовательности! Однако это умозаключение вызвало у меня глубокую обеспокоенность: от Путивля до Москвы около четырехсот километров, – где я должен встретить вторую половину, чтобы продлить род путивльцев? В Москве? Но ведь все предыдущие места пребывания ископаемых видов существ – в Кении, в Германии, во Франции – были ограничены несколькими километрами. А у меня пространство увеличивается в сотни раз! Но, может быть, именно

в столице я встречу женщину из Путивля, Недригайлова, Княгинина – и тогда все сойдется, антропологическая логика восторжествует: путивльцы придут на смену человекам! Любовь здесь не должна играть никакой роли: возникновение нового вида – разве тут до сентиментальных чувств? Я буду обязан сделать то, к чему призван. Обязан! Как бы она, вторая половина, ни выглядела! Разве внешность может влиять на такие фундаментальные решения? Я же не человек! Я же горжусь своим уникальным статусом! Стремлением к совершенству вне рамок человеческого сознания, вне существующего биологического вида. Я был уже глубоко убежден, что кроманьонца изменить к лучшему невозможно. Как коньяк в дубовых бочках может стареть лишь сорок пять лет, а потом дубильный аромат прекращает обогащать напиток, так и человеку хватило сорока пяти тысяч лет. Его интеллект и культура более не развиваются. Мутации не дают положительного эффекта, самосо-

вершенствования не происходит. Это и есть конец одного из циклов эволюции и начало зарождения нового вида. С этими мыслями я торопился к поезду. Билет до Москвы в общем вагоне стоил три рубля двадцать копеек. Я вошел в вагон, нашел свое место, залез на вторую полку, положил под голову мешок с вещами и, утомленный предыдущими размышлениями, быстро и крепко заснул. Мистика снов – совершенно не моя сфера, но именно в поезде, мчавшемся в столицу, меня посетили необычные видения. Они настолько глубоко поразили мое воображение, что я впервые получил истинное наслаждение, которого никогда ранее не испытывал и не знал. Удовольствие от увиденного я ощутил буквально сразу, как только оказался в приснившейся Москве. Огромный город; широкие асфальтовые дороги; марки автомобилей, о которых я никогда даже не слышал; роскошные магазины, переполненные заморскими товарами; рестораны, предлагавшие все мировые делика-

тесы; квартиры, обставленные элитной мебелью; кремлевские кабинеты с покрытой сусальным золотом лепниной; библиотеки, книжные фонды которых превышали все мои ожидания; новейшие системы наземной и противовоздушной обороны города – все это совершенно не обескуражило, не удивило меня, юношу из глухой российской провинции. Самую большую радость я получил совсем от другого: этот мегаполис изобилия, эта гигантская инфраструктура зажиточности, весь этот потрясающий по своему размаху капитал столицы бывшей советской империи, все, что представилось мне сейчас как наяву, было лишено главного: Москва была пуста! К своей радости, я не увидел ни одного из людей! **Они** исчезли! Испарились! Перестали существовать! И именно это престранное обстоятельство вызвало у меня нескончаемое наслаждение. Весь этот пятнадцатимиллионный город оказался моей собственностью, но мне он был совершенно не нужен, абсолютно для меня бес-

полезен. Я смотрел на всю эту человеческую роскошь и радовался тому, что **их** время закончилось, что первое существо нового вида – путивлец – ворвалось в этот мир, чтобы построить его заново. На совершенно другом физиологическом и моральном фундаменте! Так же, как нынешние люди, появившиеся в далекие времена в пещере Табун на горе Кармель, мечтали создать свой человеческий мир. И это у **них** получилось! Так и у меня получится. Я же совершенно другое существо! Как я пришел сменить **их**, веков, так после путивльцев придут другие – переделывать этот мир на свой лад. Ведь Земля будет существовать еще около тринадцати миллиардов лет. Сколько еще других биологических видов придут на смену друг другу! Тут противодействие бесполезно, баррикады не построишь. Чем раньше поймут это люди, тем безболезненней уйдут они в иной мир. Таков уж закон природы! Некоторые из **них** понимают, что у людей нет будущего. Но **их** мозги на собственное

совершенствование уже не способны. Гомеостаз нарушен. Наступает конец эволюции этого вида. Ну как бы повел себя человек, оказавшийся на моем месте: совсем один в таком богатейшем городе, как Москва? В столице России? Сегодня? Поселился бы в лучших апартаментах Кремля. Присвоил бы все драгоценности Грановитой палаты; ежедневно менял бы автомобили; приватизировал бы Монетный двор; стал бы владельцем Центрального банка; таскался бы по окрестностям мегаполиса, оставляя за собственной персоной роскошные дачи; набил бы матрац золотом, подушку – драгоценными камнями. Жонглировал бы пасхальными яйцами Фаберже; под стельку для обуви приспособил бы Конституцию страны; напечатал бы свои портреты и развесил бы их по всем площадям, домам, квартирам города. Окружил бы себя ракетами «СС-20»; на Красной площади расставил бы несколько МИГов; перед каждой кремлевской башней припарковал бы танки «Т-90»;

у подъездов кремлевских домов разместил бы установки залпового огня «Град»; на крыше своей резиденции поставил бы противовоздушный комплекс «Стрела», а в спальне – вертолет «Черная акула». Чтобы незванные пришельцы знали, кто он таков, на что способен, какой силой обладает! По правительственной связи, по теле- и радиоэфиру, по каналам ИТАР–ТАСС он провозгласил бы себя президентом, генеральным секретарем, руководителем парламента, главным русским, пупом земли! Вот она, человеческая сущность: запросы, увеличивающиеся до бесконечности запросы, упорное желание обладать всем полезным и бесполезным хламом поставили шлагбаум перед дальнейшей жизнью человекoв. Осознав это, я ощутил потребность громко закричать: хватит, товарищи! Баста, господа! Ваше время закончилось! Пришла *наша* пора! Мой новый биологический вид создаст совершенно другую цивилизацию! Мое презрение ко всему окружающему не

знало границ. Тут я черпал силу в истории: как человек шумерской культуры был непонятен грекам, как этруски были загадкой для римлян, а римляне – изгоями для варваров, как варваров сменили средневековцы, а потом люди Возрождения, как люди Возрождения спасовали перед натиском капиталистов, как буржуазная ментальность переродилась в социалистическую, как социалисты уступили историческое место глобалистам, – так и современный человек сдаст без ожесточенного сопротивления жизненное пространство путивльцам. В этой логической последовательности была вся моя сила. Это только кажется, что между шумером и римлянином или между возроденцем и глобалистом нет существенной разницы. Чепуха! Совершенно разные существа. Один отстаивал честь, другой – капитал, один приносил себя в жертву духовности, другой – насилию, один сковывал себя рамками христианской религии, другой провозглашал абсолютную свободу,

один стремился к власти, другой – к анархии. Но все это были парадоксы мышления одного вида – homo sapiens, мутации одной эры – эры человек разумных. Не совсем точное определение. Напыщенное! Теперь должна наступить совершенно новая эпоха, эпоха путивльцев – вида, отличающегося ярко выраженным космизмом, – homo cosmicus. Существ, способных постичь все загадки Вселенной. Не только постичь разумом, но свободно перемещаться в этом огромном космическом мире. Стать его хозяином, настоящим венцом природы, а не жалким и убогим самозванцем. Ведь в сознании homo sapiens с первых дней его появления закрепился «пунктик»: выдавать желаемое за действительное. Разве венец природы позволил бы себе придумать такое количество богов, царей, вождей, кумиров и идолов во все времена своего присутствия на планете? Ну, кто же из них, подобедов, пантюховых, семихатовых, хватайко, штучкиных, выпорковых – а такими, похоже, заселена вся Рос-

сия, – венец природы? Кто из них отвечает статусу человека разумного? Способных понять себя и весь мир? Могут ли над разумом доминировать хитрость, алчность, ненависть? А присутствует ли разум в каждой человеческой материи? Видимо, лишь в редчайших случаях. Где-то я читал, что за всю **их** историю **они** одарили мир тысячей гениев. За сто тысяч лет – это приблизительно тридцать миллиардов человек, и только тысяча гениев! Слабо, очень слабо, люди! Да и список гениев подозрителен. Совсем неубедительный список! Сомнительный! Борис Годунов, император Карл Пятый, Алексей Ермолов, Глеб Успенский, Теодор Рузвельт, Вирджиния Вульф, Шарль де Голль, Алексей Толстой, Сэмюэл Тейлор Колридж, Мазарини и так далее. Разве можно **их** сравнить с настоящими гениями, такими глыбами, как Кант, Бетховен, Достоевский, Ньютон, Лев Толстой, Менделеев? А таких-то было не больше сотни. За сто тысяч лет! Это на одну тысячу лет – один гений! Разве **они**

имеют право называть себя разумными существами? Все, что связано с homo sapiens, очень неубедительно, чрезвычайно натянуто, противоречиво и не соответствует действительности. Достаточно пристально взглянуть на **их** мир, чтобы убедиться: дефицит разума – явление повсеместное. Во все времена чувствовалась острая потребность в разуме, но сегодня особенно, – когда каждый человек открылся, предстал на всеобщее обозрение. Теперь, как никогда прежде, свою сущность **он** торопится выражать открыто. **Он** внешне свободен, **его** можно тщательно рассмотреть. И что мы видим? Сотни миллионов лет создавался человек – и такое глубокое разочарование! И в прошлом, и в настоящем! Например, Горбачев подарил **им** свободу, а **они** проявили свою полнейшую несостоятельность. Свобода сделала человека униженным, не радивым и закомплексованным. Несостоявшийся homo sapiens, так называемое разумное существо, должен исчезнуть, уйти в ис-

торию. Как вымерли когда-то синантропы и туры, ирбисы, лошади Пржевальского и туранские тигры. Ведь в природе всегда появляется что-то новое! Оно развивается до своего максимального предела, потом стареет и исчезает навсегда. Именно так должно произойти с *ними*, с людьми. И не где-то в далеком будущем, а уже сегодня. Я лично готов ускорить этот процесс!.. В этот момент сновидения меня кто-то толкнул в плечо. Я проснулся и увидел перед собой помятое лицо проводника. Его глаза были выпучены, лоб исполосован царапинами, на скуле сидел свежий синяк. Мои видения тут же исчезли, внутренний монолог прервался, в горле запершило, я раскашлялся. «Вставай! Чего дрыхнешь? Поездка закончилась. Проваливай! Если хочешь спать – плати. Два рубчика до семи вечера!» – бросил он. Недовольный тем, что меня вернули в прежний мир, я нехотя слез с верхней полки. Однако утешительная мысль, что я в Москве, заставила меня поскорее подхва-

тить свой полупустой мешок и выйти из вагона. «Эй, рыжий! Ты, дурень лапотный, шапку забыл! Забирай, нечего у меня вшей разводите!» – крикнул проводник. «Да ну ее!» – подумал я и, не отвечая ему, зашагал по перрону Казанского вокзала. После моего радостного сна на меня опустилась тяжеленная грусть: Москва без людей? Как же! Какой издевательский сон приснился мне на пороге мегаполиса! Это что, чье-то желание посмеяться над убеждениями юного путивльца? Вон *их* тут сколько! Не перечесть! Голова пошла кругом, затошнило, захотелось сплюнуть, перенестись в тарный цех, где сколачивают ящики. Только, Может, не для водки, не для овощей и яблок, а для каждого из *них*? Какая гадость это скопление народа! Никогда не думал, что *их* окажется так много. Тут я еще сильнее уверовал, что *их* время действительно закончилось. Ну и бог с ними! Зачем мне вообще думать о *них*? Я ведь сам по себе! Моя цель – лишь ускорить процесс. Чувство долга вернуло меня

к реальности. Я прибыл в столицу, чтобы овладеть знаниями лучших из людей. И только после этого можно будет начать создавать новый вид землян, тоскующих по осмыслению макрокосмоса. Необходимо использовать знания предыдущих поколений, чтобы приблизить новую эру – эру homo cosmicus. Я еще точно не знал, как это будет происходить. Но чувствовал: в какой-то момент это чудо случится само собой. Я замечтался, готовый бросить всему миру: «Я – Василий Караманов, совершенно новое существо! Противник всего человеческого, трезвого и пьяного, творческого и упадочнического. Я прибыл в этот мир с великой миссией – озарить небосклон факельным шествием людей в потустороннее бытие». Тут, однако, полный надежд и гордости, я подошел к схеме московского метро. «Что тут найдешь, – мелькнуло у меня в голове, – это же целый неизвестный мир! А я ищу лишь какой-нибудь угол, каморку для жилья, ночлежку, заброшенный двор. Чем

метро-то поможет?» Но дел никаких не было, идти было совершенно некуда, и я без особой надежды стал читать названия станций. Вдруг в самом центре карты я неожиданно наткнулся на название «Библиотека имени Ленина». «Вот что мне нужно! – пронеслось у меня в голове. – Да и станция названа в ее честь, ситуация благоприятствует успеху». С этими мыслями я ступил на эскалатор и направился по указанному адресу. Такого количества людей я никогда не видел. Несущиеся потоки пассажиров напомнили мне рой саранчи на гречишных полях Поволжья. А набитые людьми вагоны походили на маковые рулеты, которые старушка Хватайко посылала своей дочери, путивльской учительнице. Я сам на станции московского метро почувствовал себя именно той маковой крупинкой из плотно сбитых в ряд черных зернышек кондитерского изделия. А когда вагон поезда скрылся во мраке туннеля, у меня возникло ощущение, что я попал в ад, сотворенный человеком.

Неведомое прежде чувство паники моментально сковало все существо. Меня с силой домкрата подпирали со всех сторон, – исхудавшее тело спрессовалось в комок страха. Кто-то стал навязчиво сжимать мужскую часть моего тела. Чья-то рука лезла в мой пустой карман. Острый каблук какой-то дамы больно уперся в мою ногу. На моем плече кто-то пристроил клетку со щеглами. Люди, несколько не стесняясь – более того, как бы даже сознательно и целенаправленно, – дышали на меня кто перцем, кто луком и чесноком. Мне вдруг показалось, что из меня хотят изготовить отбивную, что вот-вот я буду обжарен на чудовищной сковороде, а энергия жарки будет направлена против homo cosmicus. Я терял самообладание. «Как такое возможно? – думал я. – Еще ничего не сделано, но сколько всего намечено! Всю свою жизнь я хотел посвятить приходу путивльцев. Каждый день своего срока заключения, проводя дни в лагерной котельне, я мечтал о “Дне икс”, о том счаст-

ливом моменте, когда полностью исчезнет человечество. Я даже хотел помахать *ему* рукой: дескать, пока-пока, злой дядька! Надеюсь, что никогда больше не встретимся. Но такого финала я никак не ждал». Тут я услышал голос из динамиков: «Станция “Лермонтовская”. Следующая станция – “Кировская”». Поезд вынырнул из мрака в освещенный зал станции, затормозил, открылись двери, одна толпа вынесла меня из вагона, другая внесла в него, и поездка продолжилась. Мои прежние испуганные мысли пропали под упрямым натиском пассажиров. «И *они* причисляют себя к разумным существам? *Их* поведение – это насмешка над интеллектом», – подумал я. Мне даже захотелось рассмеяться. Дунуть в кольцо большого и указательного пальцев. Свистнуть от радости встречи с ярким примером людской убогости. Выкрикнуть: «Ничего себе, умники! Эй, вы, люди из породы так называемых разумных! Торопитесь на кладбище! Пришла ваша пора!» Впрочем, это

эмоциональное состояние достаточно быстро улетучилось, и я стал рассматривать соседей по вагону. Подумалось, что будет полезно взглядеться в незнакомые лица москвичей. Вдруг найду что-то необычное, отличное от волжских и сумских типов. «Может, встречу своих? – пронеслось в голове. – Не просто жителя Путивля, но моего, *нашего* путивльца, спешащего на смену кроманьонцам!» Увлеченный обдумыванием своей сверхидеи, я вдруг услышал: «Станция “Библиотека имени Ленина”. Следующая станция – “Кропоткинская”». Долго не раздумывая, я вышел на платформу, поднялся наверх, оказался на улице и увидел памятник Достоевскому. Несчастный, он так неуклюже сидел, что создавалось впечатление, будто из стула торчал острый гвоздь, травмирующий писателя. «Это так *они* ценят своих великих?» – подумалось мне. За памятником, через дорогу, на здании бирюзового цвета виднелась выцветшая табличка: «Приемная Верховного Совета РСФСР».

«Остатки прежней империи», – мелькнуло у меня в голове. Я посмотрел направо: передо мной, в ста метрах, выросла кремлевская башня. Тут я вспомнил свою детскую обиду, когда воспитатели детсада солгали местной журналистке, что автором рисунка кремлевской стены был не Василий Караманов, а Витька Выпорков. «Нечему удивляться, ген вранья доминантен у этого вида млекопитающих», – сокрушенно признал я. Тут я обернулся назад: колонны внушительных размеров высились над подиумом. На всем верхнем фронтоне здания были расставлены изваянные из камня фигуры – видимо, очень известных писателей и ученых. Нескольких я признал, но большинство видел впервые. «Это и есть библиотека. Какая огромная! Целой жизни не хватит, чтобы прочесть все фолианты хранилища!» – тут же пронеслось в голове. Впрочем, торопиться войти в храм знаний я не стал. Я побрел по левой стороне вокруг здания, раздумывая совсем на другую, неожиданную тему:

насколько правильно с точки зрения морали homo cosmicus, ненавидя в себе все человеческое, постоянно убеждаясь в собственном превосходстве над этим видом животных, посвящая свою жизнь уходу из природы людей и замене их путивльцами, тянуться при этом к знаниям прежней и современной цивилизации? То есть среди людей искать себе советников для уничтожения **их** собственного вида? Иными словами, использовать плоды **их** исследований против **них** же самих. Не противоречу ли я себе? Насколько эта мораль, характерная для людей, приемлема для существ будущего, к которым я себя причисляю? Или наоборот – совершенно неприемлема? Этот простой, но совершенно неожиданный вопрос застал меня врасплох. Но тут я вернулся к отправной точке: чтобы понять, как именно должен совершиться исход людей в другой, потусторонний, мир и приход на **их** место нового, более сильного и разумного существа, я нуждаюсь в академических зна-

ниях. А все книги – продукт мыслительной деятельности человека. Если знания исключительно людские, а я на них хочу опереться в выработке своей методологии, то человек разве не разумен? Может быть, какую-то, хотя бы самую незначительную часть людей – ну, скажем, полпроцента, – можно все-таки отнести к элитной категории? Тогда эту элиту, наверное, следует взять с собой в мир *cosmicus*. Согласен, что необычные мысли семнадцатилетнего паренька, жившего в полном одиночестве, перечитавшего лишь книги лагерной и городской библиотек, кому-то могли показаться наивными. Однако эти мысли, влекущие к новому миру, переполняли меня, и я стремился продвигаться по своему пути дальше. Усилить свой поиск, углубить знания. Но именно обходя вокруг известной столичной библиотеки, я впервые задумался, что вся ненависть к человеческому роду была у меня несколько незрелой, очень личной, никакими книжными трудами еще не обо-

снованной. «Посмотрим, что нового дадут мне книги в моем главном вопросе, насколько верна моя юношеская концепция, что путивльцы должны срочно прийти на смену кроманьонцам». Впрочем, внушительные объемы московского книгохранилища стали все больше смущать меня. Порой меня охватывало желание вернуться на Казанский вокзал, найти свой поезд, дать два рубля проводнику и провести день на верхней полке общего вагона, а потом вернуться на Волгу, чтобы не подвергать себя разочарованию. Чтобы вдруг не принять сердцем и разумом род людской! Не согласиться с *его* правом существовать вместе с *homo cosmicus*. Ведь разбитая мечта – самая страшная вещь для увлеченного разума! Но тут я подумал о другом: а что если книги Дома знаний подтвердят правильность моих мыслей и это потребует от меня решительных действий? Не знаю, каких именно, но чрезвычайно смелых, необычных, великих с *нашей* точки зрения, но чудовищных,

исходя из *их* морали? Если я пойму, что самые умнейшие книги писались не человеками, а случайно попавшими в этот чужой мир путивльцами? Ведь неизвестно, почему на картофельном поле иногда сам по себе вдруг вырастает сочный пшеничный колос! Что, мне придется организовывать вселенский пир с ядом в вине? Нет! Это слишком человеческий прием. Путивлец на такое пойти не может. Я могу согласиться лишь на чудо: например, в один час из двух полов сделать один. Женский или мужской? Нет, лучше женский! Или чтобы все в одночасье постарели! Все человеки стали восьмидесятилетними! А может, наделить священников, мулл, раввинов и брахманов удивительной способностью увлечь всех за собой в потусторонний мир? Это же трюк человекoв! Или чудо *cosmicus*? Нет, это *их* стиль. *Они* же веруют! Требуют свободного вероисповедания! Пожалуйста! Или каким-то образом поставить заслон деторождению: одних лишить яйцеклеток, других – сперматозои-

дов! Или вообще что-нибудь сверхинтеллектуальное: к примеру, ускорить вращение Земли вокруг своей оси в десять – нет, пожалуй, в сто раз. Сутки будут равны 0, 24 часа! Это две с половиной минуты в день, это девятьсот двенадцать минут в год. За восемьдесят лет – средняя европейская продолжительность жизни – пройдет семьдесят три тысячи минут. Переведем на биологическую возможность жизни человека – значит, за пятьдесят дней **они** исчезнут. Закончится **их** ресурс жизни! Или всего на каких-то пятнадцать градусов уменьшить или увеличить температуру на планете. За год-два **они** вымрут. Или усилить влияние генов ревности, зависти и мести в три, в пять раз. **Они** перережут друг другу глотки! Или изменить **их** ген питания, увеличить его воздействие на психику – **они** посядают друг друга; или, наоборот, сократить его влияние, нивелировать его атаку на мозг человека – разовьется дистрофия, и **они** запропалятся в истории. Как сильно зависят люди от

стабильности, гармонии природы! Лишь небольшое, мельчайшее ее изменение – и человеки больше не существуют! Ну что такое пятнадцать градусов плюс или минус, если известны высокие температуры Солнца и низкие, близкие к абсолютному нулю температуры открытого космоса! Я тогда еще не представлял, что придет мне в голову десять, пятнадцать лет спустя. Ужас потряс бы меня полностью перед столичной библиотекой! Можно было бы поседеть в долю секунды! Меня чрезвычайно радовала радикальность идеи «опутивливания» человеков; мне пришлись по душе те взбалмошные мысли о формах и методах исследования *homo sapiens*, которые я вынашивал; мне было отрадно встречать со стороны людей брезгливое презрение к собственной персоне; мне были по вкусу те мелкие шаги, которые я начал предпринимать, продвигаясь к заветной цели. Нет, пока в голове никаких четких планов, кроме одного, не было. Мои мозги сверлила главная мысль:

быстрее получить знания, чтобы согласно морали путивльцев решить, как поступить с людьми дальше. Ждать **их** естественного вымирания или интеллектуальным штурмом ускорить этот процесс. Но другая, второстепенная проблема – как же вести себя по отношению к **ним** сейчас? – тоже не давала покоя. Я продолжал бы себя мучить этими вопросами, если бы вдруг передо мной не оказался дом-музей Валентина Серова. На стене было объявление: «Ищем дворника». Не могу вспомнить, что толкнуло меня в этот музей в Староваганьковском переулке. Войдя в кабинет директора, я представился: «Василий Караманов, из волжского Княгинина. Могу работать дворником». – «Сколько тебе лет? – спросила директор, худощавая дама с лицом землистого цвета. – Говорят, что рыжие – задиристый, вороватый народ. Тебя не подослали ограбить наш музей?» – «Нет, я в Москве никого не знаю. По документам мне двадцать!» – «А волжская преступная группи-

ровка? Как там вашего атамана зовут? Тормоз? Или Термос?» – «Я с таким не знаком». – «Стаж работы есть?» – «Да! Пять лет в кочегарке. Истопник! Потом больше года сбивал ящики на упаковочном заводе». – «А в армии служил?» – «Нет!» – «Отказник, что ли?» – «У меня отсрочка на пять лет». – «Какое основание?» – «Я пять лет провел в колонии для малолетних осужденных. Отсрочка равна времени заключения». – «Так-так, – протянула дама, – в тюрьме, значит, сидел. За что?» – «Поджог частного владения». – «Жертвы, пострадавшие были?» – «Нет, не было». – «Большой материальный ущерб?» – «Нет, огонь сам потушил». – «Что ты лжешь? За что же тебе пятерку дали?» – «Не знаю. Впрочем, было не так уж плохо. Хоть книги мог читать. Если вам нужен дворник, то я готов поработать». – «Пьешь?» – «Нет». – «Где живешь в Москве?» – «Нигде. Только сегодня поутру приехал». – «Есть родственники?» – «Нет.» – «Так где же ты будешь ночевать?» – «В са-

рае. Там, где складываются метлы, ломы и лопаты для уборки снега. Мне к неудобствам не привыкать». Одним словом, записала она меня в штат работников музея на испытательный месячный срок. Так я стал столичным дворником. В сотне метров от библиотеки и двухстах от Кремля. Серовский музей был открыт до восемнадцати часов. Каждый вечер я проводил в читальном зале. Именно здесь, после прочтения новых книг, я стал относиться к себе несколько критично. Когда я узнал, что Сен-Санс в пять лет сочинял замечательную музыку, антрополог Френс Гамильтон в шесть публично декламировал «Илиаду» и «Одиссею», Грибоедов в восемь лет поступил в университет, Лермонтов в пятнадцать закончил вторую редакцию «Демона», а в шестнадцать уже работал над «Маскарадом»; что Ренэ Декарт в семнадцать лет сделал величайшее открытие – «декартовы координаты», Галилей в том же возрасте открыл изохронность колебаний маятника, а Мен-

дельсон-Бартольди создал симфоническую увертюру «Сон в летнюю ночь»; что Эразм Дарвин в восемнадцать написал свой труд «Зоономия», – я пристыдил себя. Я словно почувствовал вызов, который бросали мне человеки. Как будто кто-то из них настоятельно спрашивал: «А ты сам, путивлец, на что способен-то? Уголь в топку бросать, ящики сколачивать, на библиотечной скамье брюки протирать, читая книги ученых разных времен? И при этом все время поругивать наш антропологический вид! Сам-то ты кто есть? Что в тебе такого примечательного, отличного от всего рода людского? Да, рыжие волосы в России не так часто встретишь. Согласен, ты не ищешь материальной выгоды. Могу подтвердить: тебя не интересуют карьера, партии, бизнес, отношения с людьми, одежда, внешний вид. Ты предпочитаешь одиночество шумным компаниям. Не пьешь, не куришь, не увлекаешься наркотиками. Но таких очень много! Тебе приятней поваляться с книгой, чем с женщиной.

Ты чаще мечтаешь, чем осуществляешь свои планы. Но что еще? В чем же твое отличие? Что в тебе от cosmicus? Размышления об отторжении всего человеческого? То, что ты обижен? Оскорблен? Таких много на мостовых и кладбищах! Твои мозги работают иначе, чем человеческие? А где свидетельство-то? Еще никакой уникальный продукт не создан! Никто не ведает о твоих планах, никто не знает тебя. Люди могут не обратиться на твое пришествие никакого внимания. Доказательств-то ему нет никаких! Пришел ли ты сегодня в этот мир или помер вчера, помрешь завтра, через девяносто лет! Ты же сам не следишь за полетом мух, за лаем собак, за криком новорожденных. А кому в голову придет наблюдать за тобой? Прислушиваться к твоим мыслям? Все представления об исходе кроманьонцев живут лишь в твоём воспалённом сознании. Народ счастлив! Он мечтает измениться лишь с точки зрения материального достатка. Вчера имел один рубль, сегодня хочет

иметь сто, завтра тысячу. Все! Проблемы, о которых ты размышляешь, не интересуют человека. Предъяви невидальщину! Покажи хоть в чем-нибудь свои сверхспособности! Для полноты впечатлений о мире человека окупись в криминал, позанимайся культурой, политикой, искусством, наукой, чем хочешь! Действуй, утверждай свой уникальный вид *cosmicus!*» Именно после этого случайно возникшего разговора с самим собой я впервые начал искать чудо не вне, а внутри себя. Внутренний голос подсказывал мне, что оно есть, что оно не где-то далеко, а тут, рядом, готовое явиться по первому зову. Достаточно лишь распахнуть шторы сознания, и чудо предстанет во всей своей мощи. Через огромное библиотечное зеркало я обменивался взглядами с самим собой и думал, что история цивилизации посылает мне беспощадный вызов, посягает на убеждения, сложившиеся за годы размышлений. Мне невозможно было даже представить, что моя главная идея могла быть кем-

то разбита и уничтожена. Но было бы куда болезненней и горше, если бы я сделал это собственными руками. Если бы предал ее или потащился бы за другой мыслью, то есть нежданно и негаданно лишился бы стержня жизни. Я заставил себя успокоиться. Остыть. Прошелся вокруг библиотеки – это был мой излюбленный маршрут. Решил временно ничего не менять в быту, жить той же затворнической жизнью дворника и читателя библиотеки. Но непрестанно думать, каким же образом проявить себя, чем же хотя бы себе самому доказать, что я настоящий путивлец, а не человек, выживший из ума. «Если, – думал я тогда, – я начну доказывать всем, что я представляю будущий вид землян, то меня засмеют. Обвинят в чело­веконенавистничестве. Посадят в психушку! Или во Владимирскую крытую, в Пермскую межреспубликанскую. Тюрем у *этих* много, место *они* всегда найдут. Необходимо доказать хотя бы себе самому, что я cosmicus. Я должен быть в этом уверен!

Тогда, с открытым забралом, я имею право использовать все знания, весь свой природный дар для изгнания человеков в архивы истории. Но если я не истинный путивлец, то делать мне это категорически нельзя. На кого тогда оставить этот мир? Кто именно тринадцать миллиардов лет станет хозяйничать в нем? С этим делом нельзя торопиться. Для дальнейших стихийных мутаций должен остаться исходный материал, а им может быть лишь кроманьонец. С каким превеликим удовольствием я прослеживал бы дрейф генов, случайные флуктуации этих основных составляющих любого вида! Захватывающе интересно наблюдать, как сама материя скрупулезно, по атомам составляет генетический ансамбль нового вида землян. Но как подсмотреть за этим чудом? Где таинственная замочная скважина, позволяющая наблюдать за деланьем новых существ? Кто будет следующий, за cosmicus? Каким образом проследить за суперколдунами, магами, манипулирующими

полиморфизмом длины рестрикционных фрагментов ДНК? Как созерцать фантастический перенос генных грузов в соматические клетки или наслаждаться бессознательной логикой спонтанных и индуцированных мутаций, удивляться абберациям хромосом? Ведь зрелище-то великолепное! Может, создать собственную лабораторию? Проводить опыты? Посвятить себя экспериментам генной инженерии? Или пойти на работу в академический исследовательский центр? Стать научным работником? Нет! Нет! Идти к людям пока никак нельзя! Я ведь уже решил: вначале надо поставить точный диагноз – кто я? Из какого вида? Кроманьонец или путивлец? Человек прошлого или существо будущего? И лишь потом можно принимать окончательное решение». Тут мне в голову пришла совсем другая мысль: люди делятся между собой по ранжиру. Если несколько лет тому назад в высшие слои общества *они* попадали лишь по занимаемой должности, по партийному

портфелю, то сейчас все больше – по капиталу. Интеллект и происхождение не играют абсолютно никакой роли. Мозги востребованы лишь коммерческие, авантурные. Криминальное мышление является сегодня самым актуальным для россиян. Лишь люди с извращенным воображением достигают высот элитной породы, становятся героями своего времени. А все остальные мечтают походить на такие высшие личности: поспу в криминале, в культуре, в коммерции, в политике, в науке. Деграция вида началась, она ускоряется, она торопит движение к краху. Наиболее умные из *них* осознали приближение этого краха. Попробовали даже создавать банки спермы выдающихся человек. И что? Какой результат? Ноль! Может, чтобы эффективнее смоделировать путивльца, спроектировать его абсолютно свободным от человеческих пороков, необходимо углубиться в *их* природу, тщательно исследуя тотальный упадок нравов и поток вожделений? Это поможет понять, ка-

кие гены кроманьонцев сохранить в cosmicus, а по каким пройти огнем и мечом, чтобы стереть их напрочь с лица земли. Скажу откровенно: эта мысль взбудоражила мое воображение, и я все чаще стал раздумывать, с чего начать свой эксперимент. Но тут я оказался в крайнем затруднении: в какой области изучать несовершенства человека, чтобы изнутри понять **их** сущность? **Их** природу? Помощников у меня не было, я должен был полагаться лишь на самого себя. Прекрасно понимая, что для успешного вхождения в роль человеческого грешника необходимы артистические способности, я задался вопросом: а есть ли они у меня? Если есть, то в каком объеме? Впрочем, чтобы не тратить время попусту, я, сидя у библиотечного окна, стал всматриваться в поток людей, несущихся к зданию Генерального штаба Вооруженных Вил. Большая часть была в армейской форме. С утомленными, серыми лицами, **они** неслись мимо, почему-то напоминая мне грязный песок,

выметаемый мной с московских мостовых. «Я же пообещал себе более уважительно относиться к людям, – мелькнуло у меня в голове. – К чему такие грубые сравнения? Это же представители *их* биологического вида писали умнейшие книги, которыми забит Дом знаний. Это же *они* придумали термин “толерантность”. Необходимо соблюдать именно толерантность по отношению к *ним*». Тут я представил, что мое воображаемое орудие производства заработало в каком-то бешеном темпе, и мне показалось, что походка пешеходов стала еще стремительней. Они словно вылетали из-под моей быстро работающей метлы, молниеносно исчезая со столичных улиц. Именно здесь мне впервые пришли в голову криминальные сюжеты, вспомнились истории, слышанные в лагерной жизни, как «фармазоны» «ловили» у Генерального штаба «лохов-офицеров», предлагали им завышенные курсы обмена валютных чеков, имевших хождение в магазинах «Березка», а вместо

денег вручали «куклы» – нарезанную бумагу. «Может, с этого начать вхождение в людской мир? – подумал тогда я. – По отдельным фрагментам **их** убогости убеждаться в несостоятельности человеков? В **их** самозабвенной алчности? Ведь если чек или любая другая вещь стоит рубль, а тебе предлагают три, то разве это не повод задуматься? Усомниться? Отказаться от подозрительной сделки? Ген наживы у этих homo sapiens – доминирующий! Мне кажется, **их**, прежде всего, погубит тотальная всеядность. Они всё хотят, притом не так, что один мечтает иметь машину, другой – дублинку, третий – любовницу, четвертый – пачку денег! Они хотят всё одновременно, притом сразу и в невероятных количествах. Как по волшебству! Раз – и всё тут! Разве эти желания можно отождествить с высокой идеей человека разумного? Для обладания всей этой мишурой они лгут, преступают закон, ломают витрины, убивают друг друга, калечат судьбы, захватывают власть, присваивают

чужое! Чтобы ощутить силу гена криминальности, я, пожалуй, пробуду в роли “фармазона” один год...» Я готов был с головой уйти в эти видения, но спохватился, прервал их, сдал библиотечные книги и вернулся в свою берлогу в Староваганьковском переулке. Мое убежище представляло собой нечто вроде сложенного из кирпича обветшавшего сарая с крышей, покрытой залитым гудроном толем. Пол из подгнивших в щелях досок был ниже уровня двора на полметра. Единственное крошечное окно, смотревшее прямо на музейный вход, было наглухо заделано старым картоном. Но я был чрезвычайно доволен казенным жилищем. Это холодное помещенье, оборудованное печкой-буржуйкой, вполне подходило для такого предпочитающего аскетизм типа, как я. Едва я оказался на своем тюфяке, как прервавшиеся было раздумья возобновились: «Потом необходимо надеть на себя маску представителя культуры, – тут потребуется два года. Совершенно не знаком с этой пуб-

ликой, но чувствую, что получу ожог, как будто от соприкосновения с синильной кислотой! Тем самым подтверждаю реальность моего генетического неприятия всего человеческого. Затем войду в роль политического активиста, – на эту деятельность уйдет три года. Не ведаю, чем именно придется заниматься, но готов поклясться, что прагматизм данной профессии вызовет у меня постоянную рвоту. Чтобы понять человеческий феномен жажды власти, мне понадобится ломать себя. Возможно, от общения с политически ангажированным человеком я стану страдать тяжелой формой диареи. Известно, что заносчивость политических карьеристов, как правило, порождает душевную глухоту и постоянное расстройство желудка. А завершу я свое пребывание “в людях” в ампуле ученого, – тут двух-трех лет мне должно хватить. В этот период моим спутником жизни, скорее всего, станет недоумение: почему *они* так мало делают для изменения собственного биологического

вида? Он же так убог, несовершенен! Может, **им** не хватает истинного прозрения? Или бесчеловечность кроманьонца, переходящая в перманентную борьбу с самим собой, предопределена в ансамбле генов? Итак, я должен непременно в течение всего этого времени заниматься исследованием природы человека в его среде обитания. И лишь после многолетнего путешествия в человеческие пороки я, наконец, окончательно решу: торопить человечество к исходу или продолжить упоительные раздумья над этим вечным вопросом моего бытия». Погруженный в такие мысли, я вышел из своего убежища, поспешно подмел улицы, выбросил в контейнер мусор, во дворе освежил вывеску «Выгул собак запрещен», закончил работу и опять заторопился в свой чулан. «Чтобы начать заниматься аферой, – подумал я, – необходимы деньги для их пересчета перед глазами клиента». За год работы дворником я перечитал сотни книг: Баженова, Каннабиха, Кунина, Дубровского,

Гариса, Ленца, Оуэна, Кешмана. Я обдумал множество планов, связанных с приходом путивльцев. Но мне всегда казалось, что основной проект впереди. Что мне еще недостает необходимых знаний, чтобы по-настоящему начать свою главную деятельность. За время службы дворником я успел собрать четыреста семьдесят рублей. Нет, я вовсе не экономил. Не ограничивал себя ради сбережений. Что нужно путивльцу, кроме скромной пищи и необходимой одежды? Номинальная стоимость чека – один рубль. Чтобы клиент клюнул на сделку, необходимо предложить ему три номинала. Значит, мне нужно искать человека, желающего продать сто пятьдесят чеков. Надо разменять свои деньги на десятки, подготовить бумагу под их размер, подрумянить концы, сверху и снизу положить натуру, обернуть пачку в прозрачный полиэтиленовый пакет – и кукла готова. Потом куклу положить в левый карман, а натуру в таком же прозрачном пакете – в правый. «Откуда мне все это так

подробно известно? – испуганно подумал я. – Да, слышал! Рассказывал кто-то из заключенных. Но почему запомнил, как прилежный ученик, почему так надежно сохранил в памяти? Что же, все человеческое входит в сознание и укладывается в нем помимо моей воли? Как так? Или это указывает на особенные способности cosmicus? Странная история. Надо пристально последить за собой». Потом я подумал о необходимости спрятать под парик волосы. Рыжих-то в Москве единицы! Но сколько же он стоит? К парикю необходимо иметь еще очки, усики, бакенбарды. Аферист, как артист на сцене, должен иметь свой образ, свою легенду. Как тут без нее? Она должна быть правдоподобной и немного сентиментальной. **Они** это любят. Например: я – студент медицинского техникума, приехал из Твери купить своей невесте свадебное платье. В провинциальном городе это невозможно. Деньги дал отец, работающий начальником цеха на винном заводе. Пожалуй, все! Но внешний

вид необходимо менять каждый раз. Тогда я еще не придавал серьезного значения разлуке со своим обособленным миром, с постоянными размышлениями о своей нечеловечности. Молодость! А пока радостная музыка звучала в моих ушах, и я замечтался, поверив, что мое хождение «в люди» – это ключ, открывающий настежь ворота толпе путивльцев. Тут, спохватившись, что пора узнать стоимость парика, я понесся в парикмахерскую, что была на Большой Милавской. Оказалось, что цена парика – десять рублей, а усы и бакенбарды предлагались по пять. Получалось, что на «куклу» мне надо было израсходовать двадцать рублей, на внешний вид – еще двадцать. Итого – сорок. Эти расходы давали мне залог прочности, гарантию безопасности. Четыреста семьдесят минус сорок будет четыреста тридцать рублей. Мало. Да, еще очки! Ну, очки стоят рубль – полтора. Самые простые – и того меньше. Такие деньги у меня есть. Только сегодня, подметая улицы, нашел

тридцать копеек. «А может, как раз хорошо, – подумал я. – Трогательно: у паренька-очкарика не хватает двадцати рублей, если цену определить в три рубля за чек. С этого пассажира можно начать знакомство с клиентом... Но почему я так воодушевился? Неведомая страсть вскружила мне голову. Я чувствую, что меня эта история стала увлекать. Да что с тобой, Василий Караманов? Я должен заставить себя влезть в эту жизнь, а не нестись туда без оглядки, воодушевленно, как в летнее путешествие на Кавказ. Успокойся, путивлец! Непозволительно тебе раньше времени и без толку натягивать на себя маску человека». Я медленно поплелся к себе в сарай. У меня была странная походка. Я никогда ничем не интересовался, кроме книг, поэтому при ходьбе никогда не рассматривал ни архитектуру домов, ни контуры автомобилей, ни лица людей, ни витрины магазинов. Глаза были открыты, но шел я как слепой. Если бы кто-то спросил, сколько этажей в ресторане «Прага», или в

Государственной библиотеке, или в здании Государственной Думы, попросил бы описать женщину, – я бы спасовал, запнулся. Я не помнил, кто является Председателем правительства, не смог бы напеть мелодию гимна. Это был не мой мир, я никак не хотел уместаться в его пределах. Нет, решительного отказа общаться с *ними* у меня не было, – иначе я поселился бы где-нибудь в глухой, безлюдной тайге, стал бы полным отшельником. Но я всегда старался оставаться в стороне от человеческих страстей и нравов в надежде изменить не только их убогость, но весь мир в целом. А добродетель я понимал лишь как избавление от всего людского. Каждому свое! Вернувшись на свой тюфяк, я стал размышлять, каким должен быть первый шаг в быт, присущий исключительно homo sapiens. Семнадцать лет не общаться с этим миром, не иметь близких, приятельских отношений ни с одним живым существом, не принимать ни умом, ни сердцем *их* ментальность, не иметь за всю

жизнь ни одного душевного диалога с *ними* – и вдруг, в одночасье, вступить в контакты с людьми! Это было трудным решением. Но собственный протест был сломлен, необыкновенная воля *cosmicus* взяла верх над предубеждениями. Я уже окончательно решил: завтра, после утренней уборки, без какого-либо предупреждения оставлю свой пост дворника и направлюсь к Генеральному штабу на промысел. Я взял осколок зеркала и всмотрелся в свое лицо. Мне показалось, что оно стало меняться. Совершенно незнакомое выражение обозначилось на нем. Сосредоточенность исчезла, яркость глаз угасла, уши обвисли, волосы взъерошились, бледность стала синюшной, веснушки потемнели, все лицо приняло какой-то виноватый вид. «Неужели это навсегда? – испуганно подумал я. – Ничего себе физиономия! Я похож на ленивого студента-двоечника. Такие целыми днями просиживают в курительной комнате библиотеки». Кстати, под каким именем выходить к людям?

Караманов? Нет, никогда! Зачем марать имя путивльца? Может, взять имя фармазонакидалы Пошибайлова? Он-то был юным, но закоренелым преступником. Пошибайлов показушно, даже по-актерски талантливо отказывался от красной повязки – милицейского символа сломленности преступного духа арестанта, – от ходьбы строем и еды в лагерной столовой. Тут я вспомнил, как каждый зэк, получавший передачу, был обязан посылать к столу «смотрящего за зоной» добрую половину полученных харчей. После отбоя Пошибайлов имел обыкновение расслабляться, рассказывая о «подвигах» в своей преступной жизни. Именно тогда я впервые услышал о «лохах» и «куклах». А как же его звали? Алексей, что ли, или... Другое имя на ум никак не приходило, поэтому я решил, что «в людях» буду называть себя Алексеем Пошибайловым. Поморщился: «Фу, гадость какая!» Выглянул на улицу: стемнело. Погода портилась, стал накрапывать дождь. Словно заноза, сидела в го-

лове мысль о завтрашнем перевоплощении в человека. Самочувствие было мерзкое. «Не первые ли это симптомы очеловечивания? Раньше я почти всегда был равнодушен к окружающему миру. Но что со мной сегодня? Избыток адреналина давит на психику?» – подумал я. Имею полное право полагаться на свою память: я тогда был слишком стыдлив и необычайно горд, чтобы вот так просто, по щелчку пальцев не только войти в людской быт, но начать внедрение во все человеческое с аферы, с нарушения **их** законов. «Почему внутренний голос толкнул меня начать изучение homo sapiens с криминала? – пришло мне в голову. – Вдруг все это вздор? Наваждение? Плод больного воображения? А что если меня арестуют, осудят на несколько лет? Как же моя главная цель? Смогу ли я к ней пробраться сквозь лабиринты современной цивилизации? Понять главное? Ведь именно для этого я появился на белый свет!» Впрочем, если я в самом деле cosmicus, то остерегаться мне

ничего не нужно. Смешно чего-либо опасаться. Быть ничего не может! Я же выше **их** по разуму! Мне нет надобности страшиться ареста; бояться, что в «культурной среде», куда я сделаю свой второй шаг, я не выстрою свою исследовательскую линию; трусить, что политическая элита не будет мною покорена; робеть, что в науке я останусь без внимания. Ведь путивльцы призваны покорить этот мир! Тут я в искреннем восторге беззвучно прокричал: «Вперед! Вперед, друг Василий Караманов! – и тут же себя одернул: – Пардон, ошибся. Не Караманов, а Алексей Пошибайлов! Покажи **им** свой талант нового гения землян, предъяви **им** недюжинные способности cosmicus, одержимого идеей сверхчеловеческого потенциала. Это тебе просто необходимо, чтобы смело создавать каноны собственного бытия. А то, кроме нелюбви к людям и желания вытеснить **их** из истории, ты еще ни в чем себя не испробовал». Окончательно успокоившись, убедив себя в необходимос-

ти реализовать свой дерзкий план, я решил действовать. Я начал с того, что надумал заставлять себя все претензии к собственной персоне высказывать открыто и без обиняков. Совершенно ничего не таить от самого себя. Люди этим прекрасно пользуются! Потом перешел к практическим делам: взяв ручную машинку, стал под ноль состригать густую рыжую шевелюру: безволосая голова позволяла комфортно носить парик. Примерил очки, надел единственную куртку, которую купил у пьяницы за четыре рубля. Помню, продававший, получив деньги, в слезах сказал: «Что мне куртка? Бутылка для здоровья вещь поважнее!» «Какое у *них* мнимое разнообразие быта, поведения, стилей жизни! Они перегружены никчемными мелочами, – подумалось мне. – Что за прок менять куртку на водку, носить одежду разных фасонов, есть различную пищу, влюбляться в каких-то женщин, высказывать отличные друг от друга политические идеи, эстетические пристрастия? Один стремится

быть директором, другой – бухгалтером, секретарем, дворником... Что за чехарда! Тусклые, надуманные идеи! Совсем другое дело у путивльцев: *нас* занимает лишь многообразие духа! Пылкое, неувядающее желание приблизить *наше* время! И нет ничего другого! Нет ни бесплодия, ни наивности, нет угодливости и сентиментальности, алчности и подхалимства. Перед *нами* только пространство духа и время созидания. А у *них* столько мусора... Как *они* успевают жить, думать? Трудно представить *их* убогий мир впечатлений». С этими мыслями я вышел во двор. Никакого плана в голове не было. Двор выглядел уныло, как в середине осени. Прошедший короткий дождь оставил лужи, в которых отражались голые тополя; плескавшиеся воробьи крыльями разбрызгивали дождевую воду. Не останавливаясь, я пошел дальше и вышел в Староваганьковский переулок. «Необходимо присмотреться к людям, – мелькнуло у меня в голове, – я же с *ними* совершенно не знаком. Может,

они чуть лучше, чем я о *них* думаю?» Но тут совершенно другая мысль стремительно перебила прежнюю: «Если на тысячу лет рождается один гений, то кого я мечтаю увидеть на Воздвиженке? Несутся люди, в Москве их миллионы. Но кто из этих бедолаг может быть мне интересен? Как собеседник, как тот равный, который вызовет уважение? Все *их* хлопоты и заботы – это потребительская корзина. Не духовный кладезь, не проблемы мироздания интересуют *их*, а всего лишь бытовое благоденствие. Новые туфли, блузка, жакет, пальто, портфель – вся *их* радость в этом. Ну как можно тратить душевную энергию на восторги по поводу нового платья? Батона колбасы? Кружки пива? Пачки денег? Автомобиля? Согласен, не все заняты исключительно проблемами материального блага, но *их* абсолютное большинство, или, на языке математиков, – максимум. А это означает, что минимум так же, как я, страдает от соприкосновения с чело-веками. Страдает тяжело, мучительно!.. Да,

человек – весьма странное существо. Как неудачно сложился генетический ансамбль кроманьонца! Коэффициент интеллекта встречается очень разный. Представляю, как тяжело гениям жить среди этих разнородных масс!» Но тут направление мысли снова резко изменилось: «А что если *cosmicus* необходимо искать среди людей? Ведь мутации – это не усредненная абсолютная величина. Они происходят при рождении каждого отдельного из человеков. Если я сам – производное от человеков, то могут ведь быть и другие. Такие же, как я! Может, у них не так ярко выражен ансамбль пупильца и агрессивная людская среда еще доминирует над новыми загадочными, пробуждающимися существами? И *их* не так уж мало? Как и я, *они* живут лишь параллельно с современной цивилизацией. Прячутся по норам. Скитаются в нечеловеческих условиях. *Их* встретишь, как и меня, в ветхих сараях дворников, в замызганных шахтах лифтов, на городских помойках, в берлогах

провинциальных поселений. Ведь *нам* все равно, где ждать прихода новой эры, эпохи путивльцев. Это для *них* дворник – непрестижная профессия. Это для *них* свалки мусора – недостойная взгляда помойка. Для меня это – признаки постепенного исчезновения человека. Памятники прежней пустозвонной цивилизации. Убедительное доказательство несовершенства видов, самостоятельно закрепивших за собой понятие “разумные”. Мне требуется лишь найти своих, подать *им* сигнал, что *они* не одни в этом мире людей; протянуть *им* руку, оповестить, что *cosmicus* здесь, рядом, что наступает *наше* время. Но пока мне необходимо реализовывать свою исследовательскую доктрину. На целый год я должен стать аферистом. Для того, чтобы объявить *им* войну, я должен знать, как именно возбуждается *их* генный ствол алчности. Ведь какая сумасшедшая меркантильность с обеих сторон! Вначале радуется продавец, встретивший дурака, который платит три номинала. По-

том радуется покупатель, обманувший простофилю. Был бы у *них* путивльский интеллект, разве такое было бы возможно? Такая мелочная страсть! Последний победил, но вначале побеждал и ликовал первый. Гадость! Необходимо сделать все, чтобы ни в коем случае не занести эту заразу в будущее, в эру *cosmicus*. Мне придется отменно поработать!» Я поплелся к зданию Генерального штаба и вспомнил, как Пошибайлов рассказывал, что из третьего подъезда обычно выходят офицеры, получившие за службу в Анголе, Йемене, Вьетнаме, Никарагуа чеки «Внешпосылторга». Серое здание штаба выглядело строго, пожалуй, даже мрачно. Опять заморосил дождь. Я удивился, когда перед зданием увидел офицеров с зонтами. Никогда не подозревал, что они тоже носят зонты! Взглянул на табличку над тяжелыми дверями ближайшего подъезда: на ней был указан номер четыре. На гранитных ступеньках лестницы блестели потерянные латунные пуговицы. «Странно, – подумал

я, – что, у них нет дворника, или трудно закрепить пуговицу? Эту черту **их** характера необходимо запомнить». Следующий подъезд был под номером три. В огромную парадную дверь с молчаливым приветствием «под козырек» вваливались и вываливались толпы военнослужащих. У них были какие-то странные, отрешенные физиономии. В походке ощущалась слепая энергия, в движениях конечностей – механическая простота. Именно так двигаются заводные детские игрушки. Неопрятная, лоснящаяся форма или болталась на худосочных фигурах, или обтягивала тучные тела. «Ни одного мускулистого, спортивного тела, – с удивлением подумал я. – Тогда что же это за армия? Чем они там заняты?» Но тут другая мысль буквально поразила мое сознание: «Все эти люди теперь будут входить в мое одиночество так же бесцеремонно, как они открывают двери третьего подъезда! И мое сознание должно будет впустить в себя **их** проблемы. Мне начнут сниться **их** оторван-

ные латунные пуговицы, мятые шинели, блестящие погоны, обрюзгшие физиономии. Нужно ли для этого жить?» – «А как же эра путивльцев? – немедленно отозвался внутренний голос. – Я же возложил на тебя обязанности по расчистке площадки для прихода cosmicus. Перед тобой – многолетняя программа! Ты должен ее выполнить! Ведь цель прозрачна и ясна!» Прошло каких-то пятнадцать – двадцать минут, а я уже устал. Почувствовал себя неполноценным существом: зрение оказывало сильное давление на психику, на волю. Люди, люди, люди! Их количество разрушало мое сознание, разрывало его в клочья. Я терял себя, проваливался в какую-то черную дыру. Мрачный занавес опустился на глаза, голова закружилась, ноги подкосились. Собрав последние силы, я решил вернуться в свою берлогу. Утешительная мысль о собственном генеральном плане снова взбодрила меня. «Все готово и расписано. Давай, Василий, начинай, – завтра пополудни. Закон-

чи работу дворника, надень парик, возьми в руки любую книжку и несись к третьему подъезду Генерального штаба. Только помни свою легенду. Без нее нельзя. Несовершенному существу обязательно хочется услышать сентиментальную историю. Дай ее *ему!*» В этих раздумьях я взял метлу, подмел весь вверенный мне квартал, потом музейный в лужах двор, обессилел, доковылял до сарая и, усталый, заснул. В эту ночь мне ничего не снилось. Ровно в семь часов утра я встал, умылся в тазике, позавтракал куском хлеба, сырым яйцом и холодной водой, после чего взялся за работу. Мой пуританский образ жизни не был скопирован ни с какой прочитанной или услышанной стародавней истории. В нем просто выражалась моя суть. Всякие изыски в пище, в одежде, в быту вызывали у меня глубочайшее, простодушное отторжение. К полудню я сделал все, строго по служебной инструкции, и стал готовиться к деятельности у третьего подъезда. Лишения одиночества не только

не изнурили меня, но выковали холодную целеустремленность. Сегодня уже никакие сомнения не лезли мне в голову. Я точно знал, что мне предстоит, какие манипуляции надо совершить, чтобы распалить алчность человеческую, – поэтому торопился к Генеральному штабу. Я уже надел парик и приклеил усы, как вдруг заметил себя в кусочке зеркала. Нет, действительно, это был не путивлец Василий Караманов, не его двойник, не его тень. Это был Алексей Пошибайлов. Именно таких людей я ненавидел всю жизнь. Именно **они** вызывали у меня яростное возмущение тем, что присвоили себе чужое звание – человек разумных. Именно **их** я твердо решил изгнать в археологическую литературу. А тут – на тебе! Сам похож на **них**! Всмотрись в меня пристально – никогда не скажешь, что я cosmicus. Я стал опасаться, что нахождение «в людях» отнимет слишком много времени и сил. А я так нуждался в них! Впрочем, я решительно прервал размышления, сунул «куклу» в кар-

ман, взял нал, надел очки, вышел из сарая и направился к Генеральному штабу. Дорога заняла не больше пяти-шести минут. У третьего подъезда опять было многолюдно. Еще раз перебрав в памяти детали трюков лагерного Пошибайлова, я выбрал одного из выходящих. Майор, среднего роста, чуть ниже, чем я. Загорелое, простое лицо. Китель – новый, брюки – заношенные. «Видимо, – подумал я, – из Северной Африки или из Анголы. Китель покоился в шкафу на вешалке, а в брюках проходил весь срок командировки». Глаза светлые, пустые, нет в них ни злобы, ни доброты. Выразительный лоб, широкие скулы. Лет тридцать – тридцать пять. Идет и красуется, видимо, имеет полный карман чеков «Внешпосылторга». Может, звезду подполковника получил? Долго не раздумывая, подхожу: «Здравствуйте! Я Леша Пошибайлов из Твери. Хочу купить чеки. За сто пятьдесят чеков плачу четыреста тридцать рублей. Это почти по три рубля за чек. Продадите?» Гово-

рю быстро, на ходу, майор, не сбавляя темпа, несетя дальше своим маршрутом. После слов «почти три рубля за чек» резко останавливается, на полминуты впивается в меня взглядом. А я его пристально изучаю. Смотрю, как его зрачки расширились, ноздри раздулись, дыхание участилось. Безразличное, пустое лицо преобразуется; проявляется, растет интерес. Глаза уже заметались – добычу чувствует. Думает, видимо: вот повезло, дурачка встретил, три рубля предлагает! «Откуда знаешь, что у меня чеки есть? – прищурился, спрашивает военный служащий. – Не из МУРа ли?» – «Мне еще двадцати лет нет. Я студент техникума...» – «Деньги с собой?» – обрывает майор. «Да! В кармане. Дать?» – «Нет, – говорит, – не здесь. Давай зайдем в телефонную будку. Она тут рядом, у памятника Гоголю». Молча идем вместе еще около ста шагов. Я не могу следить за его глазами, мне виден лишь его профиль. Но руки, гляжу, ерзают, радуются. Обмануть меня мечтает, три рубля за

один получить! В левом кармане я нашупал «куклу», в правом – наличные деньги. Вот и телефонная кабинка. «Заходи», – говорит он. Я первый протиснулся в будку. За мной майор. Он снял трубку, приложил ее к уху и подпер плечом: якобы говорит по телефону. «Давай деньги!» – властно требует офицер. Я спокойно вытаскиваю пакетик с красными десятками и кладу их на книжицу «Улицы и площади Москвы». «Пересчитывайте. Здесь ровно четыреста тридцать рублей». Он судорожно вытаскивает деньги, глаза его бегают по сторонам. Начинает лихорадочно считать. Со лба капает пот. Я смотрю на него и думаю: это он – венец природы? Что за недостойная природа, если у нее такой венец! «Да! Точно. Здесь четыреста тридцать рублей», – говорит он отрывисто, нервно и пытается засунуть деньги себе в карман. «Минутку, – забирая купюры, говорю я. – Вначале покажите мне свои чеки. Потом берите червонцы». Я взял из его рук деньги, поместил их в целлофановый пакетик и

опять положил его на книжицу. Пока он считал мои рубли, я пристроил под книжкой заготовленную «куклу». Мне оставалось лишь в этой суете повернуть кисть – и «кукла» оказывалась сверху. Так действовал настоящий Алексей Пошибайлов, это был профессиональный трюк. Майор напряженно доставал пачку чеков из плотно облегающего кителя. Мне нужен был один миг, чтобы сделать движение кистью руки. И когда офицер достал чеки, поверх книжицы уже лежала «кукла». «Вот. Видишь, сколько? Тебе же надо сто пятьдесят?» С него струился пот. В будке было тесно и душно. Внутри самого майора кипел инстинкт наживы. «Да! – сказал я. – Мне больше ни к чему!» – «Жаль, а то мог бы еще подкупить! Да ладно! Вот, бери», – сказал он, закрывая своим телом выход. «Бойтся, что я сбегу», – пронеслось в моей голове. Мне было горько смотреть на человека. Другой бы радовался: что за кретин этот венец природы! Но его слепая глупость угнетала меня. Я даже про

себя не усмехнулся. Его поведение еще глубже укрепляло меня в моем видении будущего. Одной рукой майор отдал мне сто пятьдесят чеков, другой схватил «куклу» и с какой-то невероятной силой запихнул ее в карман. Мне показалось, что его френч затрещал, швы разошлись. Больше не говоря ни слова, он бросил трубку, выскочил из телефонной кабинки и засеменил в сторону Арбата. Я крикнул ему вслед: «До свидания, майор!» – но он не обернулся, а лишь прибавил шагу. Я пощупал пульс: он был ровным и спокойным. «Настоящий путивлец!» – подумал я о себе. Повесив уныло болтающуюся трубку на рычаг, я пошел вслед за майором. Нет, он меня совершенно не интересовал. И никакой опасности в том, чтобы идти за ним следом, я не видел. Я был уверен, что в свой карман он залезет лишь дома и «кукла» окажется для него полнейшей неожиданностью. Но профессия «кукольника» состояла из двух частей. Первую я бесстрастно выполнил. Теперь передо мной сто-

яла другая задача: найти покупателя чеков. Дело было несложным. Их цена составляла два номинала. На Старом Арбате был комиссионный магазин. Я шел именно к нему. «У меня есть немного чеков “Внешпосылторга”. Интересуетесь?» – спросил я продавщицу. Размалеванная, в теле, с тяжеленными серьгами, которые вытянули мочки ушей почти до ключиц, она, оглядев меня с головы до ног, бросила: «Минутку!» – и ушла во внутренние помещения. Вернулась торговка с дамой еще более крупной и значительной. Гордый, властный, требующий немедленного повиновения взгляд заплывших глаз впился в меня со всей своей мощностью. Но, слава богу, я не был человеком! Иначе упал бы ей в ноги, – такой разрушительной силы был ее прищур! Я выдавил едва заметную улыбку и небрежно, по-мошеннически бросил: «Привет красоткам! Есть сто пятьдесят чеков». – «Ах, жаль! Жаль! Такая мелочь?» – удивилась хозяйка с седыми, подсиненными волосами. Лицо ее приняло растерянное

выражение. Теперь она больше походила на глупого ребенка, чем на опытную комиссионерку. Я подумал, что смутил даму мелочью. Она ждала другой суммы. «Сколько вам нужно?» – шепнул я ей в самое ухо. Я даже взял ее под руку и притянул к себе. Ее грудь в упругом лифе поджалась, как жесткая пружина, упершись в мое тело. «Откуда это во мне? – тут же мелькнуло у меня в голове. – Так я же настоящий cosmicus, временно надевший маску человеков!» Дама расплылась в улыбке; незнакомый парфюмерный аромат впервые в жизни крепко ударил мне в нос. Ее лоснящееся раскрашенное лицо оказалось рядом, почти касаясь моей исхудавшей физиономии. Исходящие от нее невероятные запахи продолжали атаковать меня, доводя до одури. Я наблюдал, как она задумалась, стала нашептывать какие-то слова, – видимо, представляя товары, которые сможет теперь купить, или сервис, который оплатит чеками. Женщина не просто расцвела – в своих мечтах она приподнялась

над клиентами магазина, над пешеходами Арбата, над всеми жителями огромной России. Ее носило где-то в облаках, она проводила время в поднебесье, она получала кайф в фантастическом мире грез. Как патрицианка, она парила над всеми! Но я-то знал, что это был за мир: яркие вещи, глупые тусовки и пир во время чумы. Тут я вспомнил договоренность с самим собой и рассердился: «Караманов, зачем тебе проводить в роли афериста целый год? Несколько эпизодов достаточно, чтобы понять абсурдность утверждения о величии человеков. Это до невозможности примитивные существа, которые мешают миру развиваться дальше. Василий! Найди способ избавиться от *них* всех! Торопись! Универсум ждет!» «Я купила бы несколько тысяч чеков, – вернул меня к реальности голос хозяйки комиссионного магазина. – И плачу неплохо: рубль восемьдесят за чек. Танька, – обратилась она к продавщице, – дай парню двести семьдесят рублей. – Потом ко мне: – Где чеки? Не

фальшивые ли? Когда еще принесешь?» Я подсчитал: четыреста тридцать рублей было моих, она даст двести семьдесят. Получается семьсот. Двадцать рублей уйдет на «куклу», десятку придется отдать за парик блондина. За двадцатку приобрету поношенную куртень. Шестьсот пятьдесят. Пятьдесят откладываем. Шестьсот делим на три, получаем двести чеков. «Завтра, – сказал я. – В это же время принесу двести чеков». – «А почему только двести? Я же сказала: тысячу куплю! Больше тысячи! Сколько доставишь – все будет тут же скуплено! – На ее лице появилась недовольная гримаса. – Как тебя зовут, юноша?» – «Алексей Пошибайлов». – «Что-то лицо у тебя бледное, с желтизной. Ты, случаем, не колешься? Или у тебя гепатит? Иметь задумчивый вид в твои годы... Ты не болен?» – «Нет, все в порядке. Учеба отнимает уйму времени!» – «Ну, приходи завтра. Буду ждать. Сделаю предложение, от которого просто так не отказываются», – и она как-то мечтательно взглянула

на меня. Такого женского взора я никогда еще не видел. Нет, он меня заинтересовал совсем по другому поводу. «Что она имеет в виду? – подумалось мне. – Мечтает она о чеках или о чем-то другом? Не может быть! Неужели ей на ум пришел секс? Ей же все пятьдесят! Уж этого я себе никогда не позволю! Пусть **они** целуют ее накрашенные губы; пусть **они** глядят ее кастрюлеподобную грудь; пусть **они** обнимают ее бочкообразную талию; пусть **они** ласкают ее унизанные бриллиантами пальцы-сосиски; пусть **они** нежно теребят ее крашенные волосы. Караманов не для этого дела, мадам!» Я поклонился, опустил глаза и быстро вышел на Старый Арбат. У меня был, видимо, престранный вид. Некоторые люди оборачивались и смотрели мне вслед. Но мне было все равно. Я несся в сберкассу, чтобы обменять деньги коммерсантки на красные червонцы. Меня еще ждала покупка нового парика и всего остального. Надо было готовиться к завтрашнему дню. Мысленно я подвел ито-

ги дня: сегодня я совершил много абсолютно новых для себя дел. Я впервые обманул человекoв. Вторoе: я впервые стал смотреть в глаза людям. Изучая **их** не на расстоянии, а непосредственно общаясь с **ними**. Третье: я впервые продал вещь. Неважно, что это были чеки, – я выступил как торговец. Четвертое: я впервые с глазу на глаз общался с женщиной. Пятое: я впервые почувствовал на себе похотливый взгляд. Шестое: я впервые больше двух часов жил людской жизнью. Седьмое: я еще глубже убедился, что только совершая над собой насилие, смогу выполнить намеченную программу – изменить население Земли. Ведь такое количество несовершенных существ может протестовать! Шутка ли – шесть с половиной миллиардов людей! Только рыб больше! Может, загнать человекoв под воду? Там места обширные. Избави бог! Отравят воду! Умертвят нетронутый мир. Выплеснут океаны. Начнут строить дома политпросвета, тюрьмы, границы. **Их** гeнный ансамбль по-

рочен. **Они** же не смогут самостоятельно понять, что у них нет никаких прав оставаться на планете! Что настало время уступить место другим. Если **они** сами не уйдут, то Караманов поможет, да и природа изгонит **их**. «Не торопись, Василий, тебя ждут другие сюрпризы. Чем чаще ты будешь общаться с людьми, тем больше возненавидишь эту породу, тем быстрее у тебя возрастет желание избавиться от соседства с **ними**, тем лучше ты поймешь, чего в путивльцах никак не должно быть. Что им априори противопоказано, а что человеческое можно оставить в их генах. Но главное – сколько именно. Тебе не следует усердствовать в поисках **их** пороков – они обнаружат себя сами! Ты узришь их в осколках разлетающегося вдребезги мира! Не прячь глаза, открой их шире! Тогда поймешь значительно больше, чем знаешь сейчас!» Эти мысли окрыляли меня, импульс «вхождения в люди» усилил влияние на мой разум. Я заторопился в свою берлогу в Староваганьковском переулке.

Желание вновь почувствовать себя не Алексеем Пошибайловым, а Василием Карамановым, путивльцем до мозга костей, было непреодолимо. Переодевшись, приняв облик подстриженного дворника, я вышел во двор и стал подметать. Я не понимал в тот момент, что двор был чист, что мусор давно убран. Лишь позже, обдумывая каждый миг этого необычного в моей жизни дня, я осознал, что мне хотелось не столько подмести двор, сколько самому очиститься, избавиться от воспоминаний о случившемся. Этого требовала моя генная природа, но ум – интеллект *cosmicus* – сопротивлялся. Он собирал все подробности минувшего дня воедино и укладывал в специальную ячейку памяти. Я почувствовал, что меня неудержимо клонит ко сну, доплелся до парикмахерской, купил парик блондина, затем в магазине рядом приобрел бэушную куртку, дополз до своего сарая и плюхнулся на тюфяк. На следующий день, в полдень, я опять переоделся в Алексея Пошибайлова и отпра-

вился к третьему подъезду Генерального штаба. Блондин Пошибайлов был готов к криминальным манипуляциям. Сегодня я хотел найти не просто обычного «лоха», подобного вчерашнему, а самого гордого, самого умного, самого алчного из офицеров. Не майора, а полковника, генерала! Я мечтал встретить сопротивление соблазнительному предложению. Чтобы *он* удивленно спросил: «А почему вы желаете платить в три раза больше? Есть ли у вас справка от психиатра? Я не хочу дурить больных людей! Курс чеков к рублю – один к одному. Я не позволю себе продавать чеки по завышенной цене. А строго по курсу – не желаю». Вот о чем я думал, останавливаясь у знакомого места. Здесь опять были толпы людей, все больше мужчины в погонах майоров и подполковников. Заметил двух-трех женщин во флотских мундирах. Вдруг появился первый полковник. Он вышел из подъезда медленно. Ниже среднего роста. Полноват. Толстые, вывернутые наружу губы

словно вываливались изо рта. Он трудно дышал. Мне казалось, что я слышал свист его легких. Спустившись с лестницы, полковник остановился. Прищурившись, осмотрелся. Старательно высморкался прямо на асфальт. Пальцы вытер о брюки. На приветствия «под козырек» никак не отвечал. Он явно показывал окружающим, что задумался. Мыслит! Потом закурил, потухшей спичкой поковырял в зубах, пожевал ее, бросил себе под ноги и побрел в сторону станции «Арбатская». Шел медленно, большой живот распирал его китель. «Ну что, Василий, – сказал я себе, – взглянем на еще один венец природы?» Я тут же засеменял вслед. Поравнявшись с ним, сказал: «Дяденька, плачу три рубля за чек. Мне надо двести чеков, чтобы свадебное платье невесте купить. Я Леша Пошибайлов из Твери». – «А ты откуда тут взялся? Что-то я тебя раньше не видел. Из Твери, говоришь? – Он взглянул на меня и остановился. – А знаешь ли ты, тверчонок-чертенок, что чеки нынче уже

четыре рубля стоят? А? Обмануть полковника захотел? купишь за три, а продашь за четыре. А меня дуралеем обзовешь? Ты где служил?» – «Студент я, в отсрочке». – «Старшее поколение служит, а младшее чеки скупает! Капитал создает! Нет, за три рубля не продам. Давай четыре – и баста! Я эти деньги в проклятом Йемене зарабатывал. Военным советником служил, подпольную армию создавал. Сам генерал Ахмед Салям Саид у меня учеником был! Это я его учил, как бомбы метать. Ты думаешь, так просто Исламбули Садата завалить?» «Что он мне о военных секретах рассказывает? Не волнуют они меня! Мне его алчность интересна, – мелькнуло у меня в голове. Я перебил его: – Товарищ полковник, платье невесте в “Березке” двести чеков стоит. Мне двести чеков нужны. А имею я всего шестьсот рублей». – «За три рубля никак не пойдет. Плати четыре! Что мне твоя свадьба, – я племяннику ко дню рождения “Шарп” отказался купить! А ты, из Твери, кто мне?

Плати четыре или пошел вон». Полковник опять высморкался прямо на асфальт; его сопли попали мне на ботинок, но он этого словно не заметил. «Ну, ладно, – сказал я. – На шестьсот рублей куплю у вас только сто пятьдесят чеков. Прямо на улице рассчитываться?» – и стал вытаскивать деньги. «Ты что, провокатор, дурень Пошибайлов? Спрячь! И фамилия у тебя скверная. Рядовой Пошибайлов! Тьфу! Попадешь ко мне в полк, я из тебя всю эту дурь мигом вышибу. Кто же на улице торговлей занимается? Ищи подъезд». «Где же тут подъезд? – подумал я. – Давайте свернем налево, у продовольственного магазина что-нибудь обязательно найдем». Подъезд оказался мрачным, заплеванным, воняло мочой, стены заросли плесенью. Я положил пакет с червонцами на книгу, а под ней пристроил «куклу». «Возьмите деньги, считайте», – предложил я. Тут с полковником началась истерика. С какой-то двойной алчностью он стал разглядывать мое лицо. Потом вдруг, нис-

колько не стесняясь, заговорил с самим собой вслух. О, это был какой-то невообразимый, нескончаемый поток слов! Лицо его оставалось каменным, но голос дрожал. Лишь изредка он вытирал рукой полные слез глаза. Такого я никогда еще не видел: каменное лицо в слезах. «У меня, значит, шесть с половиной тысяч чеков. Умножим на четыре – это будет двадцать шесть тысяч рублей. На эти деньги я куплю кооперативную квартиру, которую продам за два номинала; на автомобиле, который уступлю Аистову, заработаю еще три тысячи; ковры принесут мне семь тысяч; за саблю Кемала комиссионка выложит три тысячи; за Коран восемнадцатого века с картинками Абдул Карима мусульмане предложат три тысячи; за набор почтовых марок спекулянты отстегнут тысячу; за коллекцию вырезанных из камня верблюдов можно снять три тысячи; за письма Насера у букинистов выручу полторы тысячи; за необработанные сапфиры можно ожидать две тысячи, за поддельные

часы фирмы “Радо” – тысячу; за полтонны шафрана любой узбек или азербайджанец выложит пару тысяч; за списанные противогазы можно без проблем заграбастать четыре тысячи. Потом все эти деньги уложить в чемодан и вывезти во Вьетнам. Там на них можно купить кофейную плантацию. Или в Венгрию, там яблоневые плантации принесут высокий доход...» – «Прошу прощения, полковник. Вы начнете считать деньги?» – перебил его я. Мне не хотелось делать это раньше: вначале ход его мыслей меня очень интересовал. Но теперь мне многое стало понятно, и отмечать еще и еще раз активность гена наживы не имело уже никакого смысла. Вот он, враг человеческий – ген спроса, приобретательства. Он полностью поглощает сознание, он подчиняет себе весь скромный кроманьонский интеллект. Неужели *они* сами на этот разрушительный эффект не способны обратить внимание? Ведь претензии на разум у *них* огромные! Да бог с ними! «Считайте деньги, товарищ

полковник!» – повторил я. Офицер высморкался, утер рукавом нос, пальцы обтер в карманах брюк, вытянул пачку денег из полиэтиленового пакета и стал считать. Он перебирал деньги медленно и нудно, часто сбивался, начинал все сначала. Я держал перед ним книжицу, на которую он клал то стопки по десять ассигнаций, то кучки по двадцать, то все вместе. Ощупывая десятки, он, видимо, слышал какую-то музыку, потому что пальцы с зажатой купюрой каждый раз подносил к правому уху, закрывал глаза, его крупная голова вздрагивала в непонятном ритме, а толстые, вывалившиеся изо рта губы то ли что-то нашептывали, то ли напевали. Наконец, закончив пересчет, полковник тяжело вздохнул. Какое-то время червонцы оставались на книжице. Правой рукой я взял пачку денег, левой рукой положил книжку с «куклой» под правую руку и стал на его глазах аккуратно упаковывать денежную пачку в прозрачный пакет. «Правильно, правильно, – прошептал офицер, –

деньги порядок любят». – «А где ваши чеки?» – спросил я. Он расстегнул китель, потом сорочку, и на майке я увидел нашитый вручную карман. «Лагерный прием, – мелькнуло у меня в голове. – Карманников боится, что ли? Или опасается каждого из человек?» Он извлек из своего потайного кармана пачку чеков, отсчитал три полсотни, прикусил их зубами на то время, пока прятал оставшиеся чеки в импровизированный тайник, застегнулся и сказал: «Теперь давай, Пошибайлов, меняться: я тебе чеки, а ты мне деньги». – «Вот и славно, берите пачку. Она вас ждет!» – заявил я. А на книжке уже лежала «кукла». Полковник взял ее, подумал, потом передал мне чеки, опять расстегнул китель, сорочку и в свой нашитый карман положил целлофановый пакет. «Ты, Пошибайлов, запиши мой телефон. По курсу один к четырем я всегда готов продать. Есть чем записывать?» – «Спасибо, мне больше не нужно. Мне только свадебное платье купить. В “Березке” есть и за сто

пятьдесят. Правда, с короткими рукавами». – «Правильно! – сказал полковник. – Обрежь невесте руки смолоду. Чем короче руки у жены, тем больше прав у мужа. Понял?» Мы, наконец, вышли из подъезда и попрощались. Через несколько шагов офицер опять громко высморкался. Показалось, что мне на лоб попала сопля! Я вытащил платок и вытер лицо. Честно сказать, я тогда до конца не понял, была это иллюзия или на самом деле мне на лицо попала слизь полковника. От общения с этим типом меня вновь потянуло подметать улицы, но я был обременен обязательствами: торопился в комиссионку, проклиная мир, в котором оказался. «Надо же, попал! Родился в такую мерзкую эпоху», – сверлила меня горькая мысль. Тут я зашел в незнакомый подъезд, чтобы сменить парик. Из блондина сегодняшнего превратился в шатена вчерашнего и уже смело вошел в магазин. Встретившись со мной взглядом, продавщица кивком головы дала понять, чтобы я следовал за ней.

Доведя меня до кабинета начальницы, моя провожатая тут же исчезла. Комнатка директрисы была не больше десяти метров. Я осмотрелся: стол, заваленный бумагами, полки, забитые разной запыленной дребеденью, почерневшие картины с изображением деревенского быта на стенах, какие-то картонные ящики не самого чистого вида по углам придавали этому небольшому помещению захламленный вид. «Обратились бы ко мне, я мигом бы навел здесь порядок. Хоть можно было бы свободно дышать, — подумал я и тут же, вспомнив громкое сморканье полковника, брезгливо поморщился: — Фу!» — «А, это ты, Алешенька! Рада видеть! Принес, что обещал?» Седая дама сидела за столом, подперев рукой левую щеку. Ее грудь лежала на столешнице, как рулон байковой ткани. «Сто пятьдесят чеков к вашим услугам». Никакого желания вступать с ней в длительные дискуссии у меня не было. «Что ты, дружок, по сто пятьдесят носишь? Что у тебя за лимит? Не доверя-

ешь? Мне, Нине Сергеевне? Весь Арбат знает и уважает Лепешкину! Я же не стану тебя дурить. Что мне двести семьдесят рублей? Пустяк!» Тут я подумал совсем о другом: «А что если попробовать спровоцировать эту даму, заставить ее проявить инстинкты? Раскрутить на выражение чувств, взглянуть на ее генные предпочтения? Я же совершенно не знаком с женщинами!.. Милая Нина Сергеевна, сегодня цена на чеки выше, чем вчера. Вы можете не брать. Я найду других покупателей». – «Ты же обещал мне по рубль восемьдесят! – вскричала она, резко вставая из-за стола. – Это нарушает этику коммерсантов. Я строю планы, делаю заказы в “Березке”, а ты без предварительного согласования поднимаешь цены. На что это похоже?» – «Назвать вам новую цену?» – спокойно спросил я. «Нет! Не хочу даже знать!» – «Тогда я пойду». – «Вали! Но больше чтоб духу твоего здесь не было!» Я молча раскланялся и готов был выйти вон, но она снова заорала: «Нет, подожди! Что у

тебя за цена?» – «Обстоятельства вынуждают меня поднять цену на два процента, – начал я медленно. – Здесь нет никакого злого умысла. В стране начались рыночные отношения, а обменный курс – это инструмент рынка. Он может меняться несколько раз в день. Он иногда ползет вверх, а иногда скачивается вниз! Так я пошел...» – «Стой, Алешка! Сколько это, два процента? Подожди, посчитаю!» – растерялась Нина Сергеевна. «Не трудитесь, я уже это сделал. Общая цена вырастет на пять рублей сорок копеек. Я не знаком с торговцами, но не думаю, что такое мизерное повышение курса должно вызывать столь бурную реакцию. До свидания». – «Стой, паразит! Не мучай меня! Ну, ошиблась. Женщина же! Вот, возьми двести восемьдесят рублей!» – смягчила она тон. «Что, четыре шестьдесят оставляете на чай?» – усмехнулся я. «Ой, не бери в голову! Считай, как хочешь. Давай чеки!» – взмолилась Лепешкина. Я передал ей три полсотни, но уходить не торопился.

«Что дальше-то будет? – не успокаивался я. – Мне очень важно досконально знать эту породу». Я изобразил наивного молодого человека: выложил из кармана мелкие деньги и начал было перебирать монеты, чтобы отсчитать сдачу, – но тут Нина Сергеевна сгребла мелочь в кучу, зажала ее в кулаке и засунула в мой брючный карман. Разжав кулак, она взглянула на меня тем самым, вчерашним, похотливым взглядом, ухватила мужскую часть моего тела и стала с какой-то остервенелой настойчивостью ее массировать. Мужская часть тела изменила форму и окрепла. Свободной рукой Лепешкина выключила свет, ногой с грохотом закрыла дверь, чмокнула меня в ухо и прошептала: «Я тебе в подарок импортные носки приготовила. Черные, а по бокам шведская корона. Тебе они понравятся. Раздевайся быстрее, давай на стуле! – Ее голос вздрагивал, дыхание было прерывистым. – Скидывай с себя все, Лешка! – Вытащив руку из кармана моих брюк, она тоже стала раз-

деваться. – Ох, носки у тебя будут классные. Мне их из Италии привезли. Майку тоже снимай. Быстрее!» Она снова ухватила интимную часть моего тела. Смотрел я на эту суету в кабинете директора комиссии и огорченно думал: на чью голову надели венец природы? Видимо, какой-то услужливый редактор не стал упоминать, что венец то глиняный! Да и не венец он вовсе, а горшок! Да, глиняный горшок! Тут я отвел от себя дрожащую руку госпожи Лепешкиной и спокойно бросил: «Пока, венценосцы, пока, разумные!» – и вышел на улицу. Я был настолько глубоко предан своим убеждениям, что никакие бесы человеков не одолели бы меня – ни искусом, ни соблазнами. Старый Арбат был полон человеками. Они пили из бутылок пиво, целовались, брэнчали на гитарах, пели, дрались, знакомились, жульничали, играя в наперсток, глазели друг на друга. Был обычный день в столице России. Я вяло плелся по Арбату и с грустью думал: зачем попал я в этот мир? Непрошенный

гость. Одиночка. Дворник. Нужен ли я *им*, этим счастливым, со своей идеей добиваться *их* скорейшего исчезновения? Подглядывать за *их* убожеством, заносить в тетрадку памяти *их* пороки... Пусть вымирают самостоятельно. Никто же не торопил неандертальцев! Никто не гнал их метлой возмущения. А может, все же кто-то был? Некая сила управляла их исходом? Ведь подозрительно спокойно они переселились на страницы исторических книг. Неправдоподобно вяло оставили навсегда свои ареалы обитания. И кроманьонцам нужен лишь толчок. Слабый, незаметный, бесшумный. Тут я опять подумал, что *Я*, действительно, уникальное создание. Как Коперник, открывший скорости движения планет и их зависимость от расстояния до Солнца, так и я должен вычислить скорость обращения жизни каждого из видов в зависимости от скорости мутаций их генного ансамбля. Значит, когда мне станет известна скорость мутаций, тогда и будет запущен маховик по-

настоящему! На полную мощь! И устремятся эти толпы людей к своему финишу. С такими же радостными, счастливыми лицами, какие сейчас я наблюдаю на Старом Арбате. С пивом в руках, с песней на устах, с гитарой через плечо, в модных одеждах, на роскошных машинах. Ох, если бы **они** знали о моих намерениях! Если бы **они** подслушали мои мысли – разорвали бы в клочья? Или сами стали бы помогать мне в этом начинании? Может, **им** самим все осточертело, **они** сами мечтают покинуть этот мир? Жизнь большей части из **них** омрачена несчастьями. Рождаемость падает, растет количество однополых связей. Правда, если в одних странах эти процессы стали необратимыми, то в других – совершенно иная тенденция: перманентный рост популяции. Сумбур! Бороться с плохо знакомым мне видом стало для меня делом чести. Но на это может уйти не одна жизнь. Мне в буквальном смысле необходимо перечитать почти все фолианты Государственной библиотеки.

Голова была полна этими размышлениями. Врожденная целеустремленность подпитывала мою идею. Я медленно плелся по пешеходной улице, не обращая никакого внимания на толпы прохожих. Людской быт меня нисколько не интересовал. **Они** испытывали к моей странной персоне те же негативные чувства. Могли ли **они** меня уважать? Меня, чистильщика улиц, существо без каких бы то ни было привязанностей, находящееся в постоянном внутреннем конфликте с **их** укладом жизни, не признающее ни моду, ни тусовки, ни культуру, ни деньги? Меня выворачивало от **их** идеалов: религия, государство, идеология, ордена, бюрократическая иерархия – все это было для меня пустым звуком. Никто из сотрудников музея со мной не общался. Человек горевал бы! Кипел бы негодованием! Путивлец – радовался! От кого унаследовал я все эти странности?! Я дошел до ресторана «Прага», свернул налево, через сотню шагов оказался у магазина «Сыр», перешел Бульвар-

ное кольцо и по Знаменке спустился до дома Пашковой, стоявшего в лесах. Тут я почему-то остановился, повертел головой, словно что-то вспоминая или ища место, где можно было встретить путивльцев. Конечно, не обнаружив ничего такого, я усмехнулся, свернул налево и вступил в Староваганьковский переулок. Дворницкая была уже в двух минутах ходьбы. Я прибавил шагу. Очень хотелось быстрее сбросить с себя парик, всю одежду Пошибайлова и опять стать *cosmicus*. Неистребимая тяга к одиночеству с новой силой охватила меня. Причудливые картины воспаленного ума продолжали будоражить, лишая желанного покоя. «Когда я вижу такое огромное скопище людей, у меня всегда обостряется чувство сиротливости, – подумал я. – Чем больше человек вокруг меня, тем острее желание избавиться свой разум от **их** присутствия. А это, в свою очередь, вызывает полную разбитость тела, боль в голове, пестроту в глазах, настойчивый гул в ушах и желание закопать-

ся в какую-то нору. Чтобы не просто остаться одному, но никого не видеть и ничего не слышать». Ободренный собственным постоянством, я добрался до сарая, плюхнулся на тюфяк и принялся мечтать. Грезил, видимо, во сне. Впрочем, в этом не было уверенности: вполне возможно, что все было наяву! Я подметал улицы. Но – странное дело! – они были усыпаны не пожелтевшими осенними листьями, а купюрами. Разноцветные ассигнации толстым слоем лежали на безлюдных улицах. Легкий теплый ветерок тащил их за собой, словно дергал за ниточки, и они, шелестя по асфальту, казалось, плыли к Староваганьковскому переулку. Собрать такое количество денег, чтобы очистить улицы, не было никакой возможности. Что могло поместиться в один совок? Вначале я подумал взять музейный пылесос. Но тут же отбросил эту мысль как нелепую. Куда девать собранные деньги? В моем распоряжении было всего три мусорных бака. Сколько туда поместится? По пятьсот совков в каждый!

А мне предстояло собрать пятьдесят тысяч совков, даже еще больше. Куда деть всю эту дрянь? Требуемая немедленного осмысления задача тут же получила решение: необходимо сжигать купюры. Развести костер и жечь ассигнации, ворохом подбрасывая их в огонь. Эта мысль была наиболее продуктивной. Иных вариантов избавиться от такого огромного количества бумажного мусора я не видел. Я чувствовал, что должен поскорее уничтожить этот инструмент удовлетворения спроса человекoв! Ведь главная **их** беда в спросе! В постоянно растущей потребности обладать какими-то мифическими ценностями. В никчемном пристрастии окружать себя благами гибнущего мира. Эта маниакальность **их** нрава злила больше всего. На углу Староваганьковского переулка и Воздвиженки я, преисполненный чувством долга, разжег костер, в который стал подбрасывать охапки денежных знаков. Пламя разгоралось. Оно достигло уже высоты моего роста. От усердия я вспотел; от

близости огня получил невероятный прилив сил. Один костер никак не справлялся. Казалось, потоки денежных знаков возникали, словно гейзеры, из земли. Мне пришлось разжечь второй, третий, пятый костры. Горел весь угол. Огонь перекинулся на ассигнации, заполнившие весь проспект. Уже весь квартал был в огне; языки пламени облизывали основания домов. От высокой температуры лопались оконные стекла, трещали дверные рамы, огонь упорно лез на первые этажи домов, устремлялся выше. Мне казалось, что я сам превратился в факел. Но, объятый огнем, я никакого ужаса не испытывал, более того, чувствовал себя весьма комфортно. Казалось, сама природа постаралась наградить меня какими-то сверхчеловеческими способностями, поместила в иное, неведомое измерение. Я даже подумал: не мир ли это путивльцев?! И эта мысль принесла мне истинное облегчение. Вдруг я уловил какие-то едва знакомые голоса. Нет, не разговорная речь коснулась

моего слуха. Вначале я услышал стон, который быстро перерос в вопль. Человеки с остервенелыми криками бежали от огня. Мгновенно подумалось: «Куда здесь спрячешься? Вокруг сплошная стена пламени! Нет никаких шансов выжить!» Тут я обратил внимание, что не только голоса, но и лица людей были знакомыми. Я вдруг увидел Пантюхова, Подобеда, Штучкина, Семихатова, его жену, полковника и майора из Генерального штаба, Лепешкину и продавщицу из комка, других, с кем довелось встречаться. И **они** вовсе не бежали от огня, а неслись сквозь пламя – с какими-то сумками, свертками и разнообразными предметами, выкрикивая непонятные слова. Прилагая мучительные усилия, кто-то волок эмалированную ванну, груженную кухонными приборами; другой со звериным оскалом катил пианино; сгибаясь под тяжестью, тащили вешалки с одеждой, несли чемоданы, толкали детские коляски, доверху заваленные подсвечниками, бронзовыми фигурка-

ми, иконами, люстрами и другим барахлом. Меня поразило, что все, что **они** пытались вынести из тотального, сплошного огня, уже пылало! Горело синим пламенем. Да и **они** сами полыхали, похожие на огромные зажженные спички. Но еще более странным было то обстоятельство, что бегущие и вопящие человеки по пути подбирали охваченные огнем купюры, запихивая их в свои охваченные огнем карманы. Людей, объятых пламенем, становилось все больше. Этот поток масс просто ошеломлял. «Что за ненасытные, алчные существа! – мелькало у меня в голове. – А может, уже начался **их** исход? Меня же огонь не трогает! И не только не беспокоит, но даже воодушевляет – я чувствую момент истины. Выходит, что люди погибнут в огне, а путивльцы выйдут из него, чтобы расселиться на зараженных кроманьонцами территориях? Подпорченных химией землях? Чтобы унаследовать отравленные токсинами атмосферу и воды мирового океана? Какие горы мусора при-

дется вывозить после *них*! Сколько городов разрушить, чтобы освободить *cosmicus* от хлама людской цивилизации! Да, огонь – лучшая субстанция, способная изменить мир, открыть дорогу путивльцам к новой эре! Ведь именно на пепле зарождаются эпохи! Он – эффективное удобрение для «вращения *cosmicus*». Вдруг огонь погас как бы сам собой; дымились лишь обугленные останки человек и остовы строений. Гарь была всепроникающей. Но она не вызывала во мне никакого отторжения, недовольствия или уныния. Как раз наоборот. Мне даже захотелось лечь на пепел. Прижаться к нему. Обнять! Как люди целуют деньги, иконы, подарки, бриллианты, так я жаждал целовать его! Пепел стал для меня желанной материей. Я взял его в руки, приложил к щекам, к груди, почувствовав нескончаемую, пьянящую радость. Она настолько переполняла меня, что я то ли очнулся ото сна, то ли вышел из забытья, вскочил с тюфяка, заторопился осмотреть двор, вышел в Ста-

роваганьковский переулок, прошел к Воздвиженке. Никаких признаков глобального пожара не было. Призрачный неоновый свет заливал пустынные тихие улицы. Первый морозец пощипывал кончики пальцев. Шел четвертый час утра. «Странное наваждение, – подумал я. – Мне, конечно, снятся сны, но такого явственного я никогда не видел. Неужели это какая-то мистическая подсказка к действию? Нет, не может быть! Все по-человечески очень жестоко. У путивльцев нет и не может быть насилия». Вернувшись к себе в лачугу, я попытался заснуть. Но ничего не получалось. Какое-то запустенье поселилось во мне. Как будто пожар, превративший все в пепел, был не на улицах Москвы, а в моей собственной душе. «Неужели к одиночеству я буду стремиться всю жизнь? Да, сейчас я избегаю общения с людьми. Но когда мир начнет заселяться путивльцами, не атрофируется ли у меня желание контактировать с ними? Неужели Я – это навсегда Я и только Я? Да,

говорили и прежде, что *Я* – это наивысшая ценность всего сущего. Фантастический ансамбль духа, души и тела! Не только на Земле – во всей Вселенной! Но кто говорил? Человечи? Нет, сомневаюсь! Предтечи путивльцев заявляли об этом. Ведь люди не способны принять безграничный космос как дом своего обитания. Поэтому я уверен, что *Я* путивльца заменит *их* людские эгоистические *Я*, ошестинившиеся друг против друга, и *их* групповое *Мы*, которые завели Землю в окончательный тупик. Именно Караманов – свидетель этого надвигающегося финального краха. Сами человеки не замечают этот распад. *Их* интересуют проблемы сегодняшнего дня. День грядущий *им* неизвестен. *Они* слепы перед ним! Для того, чтобы связь поколений *Я* никогда не прерывалась, не обрывалась одной короткой жизнью – ведь между путивльскими *Я* проходят века, – надо генетически смоделировать новое существо таким образом, чтобы была прямая зависимость между активностью разума и

продолжительностью жизни. Играешь в домино, смотришь телевизор, занимаешься сексом, пользуешься административным ресурсом и положением, насильничаешь, проводишь время за бутылкой – значит, разум твой не активен, он спит, он разрушен! Прощай! Переселяйся в иной мир! Да, да, именно так! Как говорят человеки, пошел вон! Какая от тебя польза? Путивлец должен постигать нескончаемые тайны Вселенной, открывать новые галактики, перемещаться в неведомые миры! Как тут позволить **им** играть в карты, смотреть футбол, посещать бордели, слушать доморощенных юмористов, ходить на концерты свежераскрученных певичек, копить наворованные деньги в банках? Человек смертен потому, что у него нет потребности постоянного обновления, нового осмысления окружающего». Тут я задумался, потому что не мог понять: мысль эта была из библиотечных фолиантов или моя собственная? Если она из книг, то в прошлом на этой планете не раз

рождались путивльцы. Почему же тогда они так никчемно вымерли? В них, видимо, был избыток человеческого. Страх перед временем губит не только подавляющие массы этого биологического вида, но и лучших из лучших среди человеков, в которых проявляются отдельные черты *cosmicus*. Это для *них* сто лет – невероятно много. А ей-то, природе, что это за время? Ей куда торопиться? Она молотит людей из поколения в поколение, чтобы, наконец, вывести новое существо. Миллион, миллиард лет для природы – капля в море. Но я должен ускорить этот процесс мутаций. Ведь мне никак нельзя жить рядом с *ними*. *Cosmicus* – совсем другое существо. Он будет размышлять над вопросами, стоящими выше *их* разумения. Вспоминая историю совместного проживания неандертальцев и кроманьонцев, можно предложить человекам компромисс: хотите жить на планете Земля в своем прежнем виде – оставайтесь, хотя ваш конец близок, вы обречены. Сохраняйте за

собой весь мир, пока можете, а мы поселимся в Путивле, лишь в ареале ста квадратных километров. Это будет нашей альма-матер! Землей обетованной! Разница между нами будет в одном историческом шаге: **они** неизбежно ступят в вечный загробный мир, а cosmic шагнет в просторы Вселенной. Чтобы приблизить этот момент, необходимо больше времени проводить за книгами. Читать философов и генетиков, физиков и биологов. Начать теоретически выстраивать генный ансамбль путивльцев. Посвятить всего себя новой идее созидания. Удовлетворенный логикой своих размышлений, я расслабился. Заулыбался. Во рту появилась сухость. Тело прошиб озноб. Я ощутил себя в каких-то безмолвных, холодных сферах, где царила абсолютная пустота. Глаза стали слипаться. Я натянул на голову одеяло, пожегся, свернулся калачиком и довольно быстро заснул. В шесть тридцать прозвенел будильник. Я с трудом встал, умылся, выпил холодной воды, съел кусок хлеба, поже-

вал красную свеклу, оделся и вышел во двор. На город опустилась зима. Снег прикрыл крыши домов и мостовые. Метель по-юношески задорно кружила вокруг меня, словно дразня своим окаянным темпераментом. «Бери с меня пример неистовости, Василий, – казалось, говорила она, – только в этом случае ты полностью реализуешься. Сможешь притянуть к себе, приблизить то самое свое время!» «Неужели дело только в этой банальности? – подумал я. – И мне действительно просто не хватает усердия? Я только размышляю, но мало что делаю? Но любому плоду необходимо созреть. Да, я мечтаю при своей жизни оказаться в другом мире. Что это, сумасшествие? Паранойя? Одержимость, навеянная изменениями геной партитуры? Самому космосу без путивльца одиноко! Ему нужен творец, создатель! Безграничное пространство – а хозяина в нем нет! Странно: люди воюют за клочок земли, ограждают себя заборами и пограничными столбами, выдают

визы, просят убежища, но никто даже не помышляет о невероятных возможностях найти себя в вечности! Боятся смерти, оплакивают усопших, устраивают пышные, торжественные поминки. Возводят склепы, гранитные памятники, мавзолеи. Но нет у *них* ни одного праздника или ритуала, связанного с бессмертием. Если подсчитать все деньги, которые тратят *они* на похоронные церемонии, то получится астрономическая сумма! Сегодня в мире умирает пятьсот миллионов человек в год. Похороны обходятся в среднем по двести долларов на усопшего: гроб, церковные поборы, сервис погребения, прощальная трапеза, дизайн могилы, ритуалы поминания. Пятьсот миллионов умножим на двести. Получим сумму в сто миллиардов долларов! Это значительно больше, чем весь бюджет России. А за десять, за сто лет? Это же умопомрачительные цифры! Но почему *их* разум не подскажет: “Эй, кроманьонцы, упростим погребальный ритуал, сбросим трупы в ямы и сэ-

кономим деньги на проведение научных экспериментов! Чтобы в будущем наши потомки получили бессмертие”. А если ввести налог на бессмертие? Двадцать, тридцать процентов от дохода. Пятьдесят! Ведь если все это даст реальные результаты, то встанет вопрос о целесообразности вооружений. Если люди получат бессмертие, то какой смысл иметь оружие? Научный потенциал, работающий на военно-промышленный комплекс России, всех других стран, не будет востребован, наступит конец этому ничемному, порочному делу. Несчетные финансовые ресурсы высвободятся! Всю эту огромную инфраструктуру придется переключать на решение фундаментальной проблемы бессмертия. В этих обстоятельствах ее можно будет одолеть уже в ближайшие сто лет. Но весь парадокс состоит в том, что **они** сами этого не понимают, доказывая тем самым, что подсознательно ощущают себя временщиками. Словно надеясь, что продлением **их** жизни должны заниматься су-

щества другого вида. Путивльцы! Уж нет! Если бы **они** сами начали обсуждать эту проблему, приступили бы к ее решению, то я первый записался бы в человеки. Ведь смерть – основа всего греховного на земле, всех изъянов в **их** генной архитектуре. Как же это, главнейшее, **им** не понятно? Тоже мне, разумные! Мистическое проклятие тяготело над ними уже в Кро-Маньоне, при первом зачатии: не противиться смерти. Многие даже желают ее! Пишут ей оды! **Они** увлекаются техническим прогрессом, совершенно забыв, что **им**-то он совершенно не нужен. **Им** необходим органический рывок, прогресс биологический! Именно биологический! Не разглядывать звезды в открытом ночном небе, а лишь упорно глазеть на рубиновые звезды Кремля. Да, человеки должны исчезнуть». Невероятно ничтожными казались **они** мне. Тут я вспомнил Германа Гессе, который писал: «Если бы меня <...> спросили, согласен ли я, чтобы писателя Гессе не коснулись болезнь и смерть, и считаю

ли я для него вечную жизнь желательным и необходимым благом, то я, тщеславный литератор, на этот вопрос ответил бы утвердительно. Но стоит задать мне тот же вопрос о ком-либо другом, <...> я, не раздумывая, отвечу “нет”. Нет, действительно, не нужно, чтобы мы, пожилые и не очень-то привлекательные люди, хоть и без подагры, жили бесконечно. <...> Нет, мы охотно умрем, когда-нибудь потом». Странные люди эти кроманьонцы! Они сами «охотно хотят умирать» – и ни одного слова о бессмертии! Только в библейских текстах встречаешь стремление к нему. Но стремление мифическое, выходящее за рамки понимания собственного вида в просторах космоса: «...душа будет жить во веки веков». Какими примитивными созданиями являются человеки, если верят в подобные небылицы! Надо торопиться. Иначе не управлюсь. Это не каприз, а цель жизни! Со стороны, конечно, я казался довольно странным субъектом. Ну, представьте себе молодого человека в

дворницкой телогрейке, застывшего в метель у порога своего ветхого сарая и размышляющего на такие темы! Явно, явно в глазах людей я выглядел придурком. Но меня совершенно ничего не смущало. Я даже желал этого: чтобы *они* видели разницу между *собой* и мной в *их* пользу. Мне-то что? Я должен готовить себя к истинной жизни настоящего путивльца. Моя отчужденность, замкнутый образ жизни доказывают лишь силу убежденности cosmicus, свидетельствуют о самодисциплине, строгости ума и цельности натуры, говорят о привычке к упорядоченной медитации. Да, да, надо торопиться. Читать все полезное: Эфроимсона, Евстафьеву, Алена, Беккера, Дунна, Видемана и многих, многих других. Чтобы глубже понять способы реализации главной идеи – на базе людского материала создать новейшее существо, – мне необходимо заняться творчеством. Продуцированием неведомых мутантов. О, сколько надо всего прочесть, какое количество теорий

переосмыслить, сколько часов провести в Доме знаний или пролежать на тюфяке с книгой в слабоосвещенном дворницком сарае, чтобы начать этот восхитительный процесс!.. Зима уменьшала дворникам летние преимущества: снег убирать сложнее и дольше, чем мести тротуары. Правда, повышались тарифы уборки территории. Но меня это обстоятельство совсем не занимало. Когда в апреле прошлого года я согласился на предложение управдома за полставки убирать тротуары по левой стороне Воздвиженки – от Государственной библиотеки до станции метро «Арбатская» – и по обеим сторонам всего Староваганьковского переулка до Знаменки, то меньше всего думал о деньгах. Я хотел показать, что труд востребован путивльцами. Зима отнимала у дворников дополнительные свободные часы. Когда метет – самое время работать. А зимой метет регулярно. Так что времени для полезных занятий оставалось меньше. Тем не менее каждую свободную минуту я ду-

мал о главном деле своей жизни. Скорее бы! Не терпелось! Я смахнул со своей голой головы и лица снег, протер уши и юркнул в хибару, чтобы надеть шапку. Потом вышел во двор, в закутке с инструментами нашел широкий снежный скребок и зашагал на улицу. Метель набирала силу. Видимость была не больше пяти – семи метров. Снежный покров достигал уже щиколотки. «Как **они** побегут к станции метро? – мелькнуло у меня в голове. – Надо начинать убирать снег. Ведь попадают же, покалечатся!» Так начался мой третий зимний сезон дворника в столице. Ранним утром и после обеда я занимался уборкой снега, а все остальное время читал. На сон у меня уходило не больше пяти часов. Чтобы пополнить свои наблюдения за алчностью человеков, раза два-три я еще «ловил лохов» у Генерального штаба. Истории с военнослужащими повторялись. Один прожорливый офицеришка поднял цену до пяти рублей за чек. Пришлось платить! «Куклой». Уже в конце но-

ября я оставил это занятие, выбросил в мусорку «доспехи» Алексея Пошибайлова, а вырученные деньги обменял на доллары, чтобы сохранить их стоимость. Я знал, что они понадобятся мне для второго, третьего «вхождения в люди». В культурные, политические, научные сферы деятельности москвичей. Там я хотел распознать гены зависти и презрения. Как мне казалось, именно в культурной среде эти человеческие качества представлены особенно ярко, аляповатыми мазками. Как-то в весенний полдень, после уборки своей территории, я умылся, причёсался, чтобы никто не зубоскалил, что в *их* учреждение пришло чудовище, надел купленный заранее костюмчик китайского производства, башмаки из Вьетнама и направился в известный столичный театр. Моросил дождь. Я поднял воротник пиджака, но с моей рыжей шевелюры вода продолжала предательски скатываться за воротник. А на мокром асфальте дешёвая обувь размякла и при каждом шаге пузырилась, словно бан-

ная губка. На доске служебных объявлений с трудом прочел мелкий почерк: «Театру требуются рабочие сцены. Справки в отделе кадров». В каком же еще качестве мог я себя предложить? Рабочий сцены – совсем даже неплохо! Великолепная возможность присмотреться к актеришкам. Поднявшись по невысокой лестнице, спрашиваю вахтера: «Как пройти в отдел кадров?» После короткого интервью меня берут в штат. Не присмотревшись, без малейшей попытки понять, почему молодой, высокий, крупный человек вместо того, чтобы зарабатывать деньги в бизнесе или охране, просится в театр. Кому придет в голову проверять знания рабочего сцены? Спрашивать его о русском космизме, времени и пространстве? А если поинтересовались бы, с какой целью я напросился к **ним** в театр, я бы не скрыл свой мотив. Но людское высокомерие не знает границ. Правда, инспектор отдела кадров, лениво перелистывая книжицу «Петел», задала мне пару вопросов: как меня зовут и

какой я сексуальной ориентации. Что еще может интересовать людей? «"Петел" – это что-то о животных, – подумал я. – Видимо, о птицах. Человек разумный десятки тысяч лет изучает их. Bravo! Bravo! Зачем знать самого себя? Полезнее изучать птиц!»

Свой рабочий день я спланировал таким образом, чтобы одновременно оставаться дворником в музее Валентина Серова. Ранним утром я убирал музейный двор и закрепленные за мной улицы, а в десять пятнадцать уже был в театре; в пятнадцать опять подметал территорию, а с восемнадцати выставлял декорации на театральной сцене. И так до вечера. В этот период я практически не мог ничего читать. Я называл его временем экспериментов, наблюдений и выводов. Музей Серова тоже являлся объектом культуры, но там мое рабочее место было на улице. С персоналом музея я никогда не общался. Кроме директора и бухгалтера, практически никого лично не знал. Я продолжал здороваться со всеми экспер-

тами творчества Серова, но дальше дело никогда не заходило. **Они** меня не интересовали, а я **их** подавно. Словно не замечая моих поклонов, **они** всегда проносились мимо. Нечто подобное происходило и в театре. Одна гардеробщица молча кивала головой и едва заметно улыбалась. Коллеги по цеху были мрачные люди. Кроме слов «дай», «пошел», «ставь», «унеси», «подними», в своем лексиконе они ничего не имели. Артисты вообще обходили меня – как, впрочем, и моих коллег – стороной. Как обходят россияне мусорные кучи, дохлых кошек, пойманных в капкан крыс, тему бессмертия. Я жадно, по-научному заинтересованно вбирал в себя атмосферу театра. Я пытался всматриваться в лица актеров, чтобы понять меру **их** интеллигентности. Насколько она присуща профессии? Но **они** всегда отвечали надменностью, в которой я, как это ни странно, даже находил свое тайное очарование. **Их** какая-то генная неприветливость и высокомерие усиливали убеждение,

что с *ними* надо заканчивать. Но однажды произошел инцидент, после которого меня выгнали, не дав доработать месячный испытательный срок. Как-то на репетиции я менял декорации. Мне надо было ухватить высокий, тяжелый секретер и перенести его за сцену. В нем было около двадцати пяти килограммов, но это совершенно меня не смущало. Проблема заключалась в другом: в высоту секретер был около полутора метров. Неся его, я шел на ощупь, так как ничего не мог перед собой видеть. Поэтому переносил секретер осторожно и медленно, как чрезвычайно дорогое изделие. Вдруг я почувствовал легкое столкновение. Тут же остановившись, не видя, кого именно задел секретером, поторопился извиниться и опустил ношу. Передо мной стояла рассвирепевшая актриса. Я понятия не имел о ее имени и звании. Откуда это можно было знать дворнику, приехавшему из Княгинина, в чьей лачуге не было ни телевизора, ни радио? Для меня все люди были на одно

лицо! Но меня смутило другое обстоятельство. Я просидел в детской колонии и лагере для осужденных около семи лет, но такого мата даже там не слышал! Это была не просто ругань взбалмошной женщины – это были слова извращенца, изречения тюремного завсегдатая! Вначале я не мог понять, что, собственно, произошло. Мне даже показалось, что дама обливает грязью кого-то другого. Ведь столкновение с секретером было безобидным, оно не сбило ее с ног, не стало причиной кровоподтеков, синяков! Но достаточно быстро я понял, что она оскорбляет именно меня. Она смотрела круглыми глазами мне прямо в лицо, вытягивая длинную, как у змеи, шею, а ее язык подпрыгивал в такт сквернословию. Она чихвостила меня с какой-то слепой яростью, в упоении злостью. И как только человек разумный мог сочинить такие гадкие слова? Я стал наслаждаться этой руганью. Сердце замирало от восторга; мне хотелось дробно стучать ногами, кувыркаться в воздухе, при-

хлопывать и радостно тереть уши. Поведение актрисы подтверждало то, в чем я очень желал быть уверенным. Мне даже хотелось бросить ей: «Пожалуйста, госпожа артистка, продолжайте! Пожалуйста, еще! Еще! Прошу, поддайте жару! Проучите путивльца как следует! Оскорбляйте рабочего, что с ним церемониться! Как шныря пинают в крытых тюрьмах, так и вы продолжайте хлестать меня по физиономии! Ведь в русском языке так много вульгарных выражений. А я пойму отличительные особенности вашего гена высокомерия и распущенности. Мне важны такие сведения: я же в эксперименте». Во время этого короткого конфуза многое для меня стало ясным. «Господи, какая несчастная женщина, – подумал я. – До чего доводят человека ошибки в генном ансамбле!» На крики взбалмошной актрисы прибежал мой шеф, господин то ли Африкантов, то ли Корифантов. Он отвел меня в сторону и сказал: «Старик, пиши заявление. Это очень влиятельная особа – народная

артистка Энтерихова. Я ее сам побаиваюсь: ее муж – высочайшее лицо. А у меня очередь на квартиру подошла. Напишешь заявление об уходе по собственному желанию – я помогу тебе устроиться в Большой театр». Вот такие *они*, человеки. Глиняный венец на голове! Я написал заявление, попрощался и пошел вон. Мой уже бывший шеф бросил мне вслед: «В Большом спроси Накрякина. Я ему позвоню. Он тебе поможет». – Спасибо!» – обернулся я. Проходя мимо буфета, я купил черный хлеб с сыром, кусочки нарезанного красного яблока, стакан колы, уныло прожевал свой полдник и вышел на улицу. Энергия одиночества переполняла меня, напоминая о главной радости путивльской жизни: свободно размышлять над изгнанием временного биологического вида. Уже через несколько недель я начал служить у нового работодателя и был чрезвычайно доволен тем обстоятельством, что попал в святая святых российского культурного пространства. Конечно, это был чужой

мир, но я принимал его спокойно и без внутреннего сопротивления. Большой театр я отождествлял с Государственной библиотекой. У меня возникла иллюзия, что именно здесь я встречу лучших из человеков, подобных тем, чьи книги я требовал в библиотечном фонде. Сказать откровенно, я несколько колебался: а стоит ли мне вообще знакомиться с лучшими из **их** породы? Вступать с ними в прямой контакт? Или предпочтительнее понаблюдать за ними со стороны? Мне не хотелось думать, что в Большом театре я встречу другую Энтерихову. Ведь в книгах общения с примитивными существами не происходит, в книгах общаешься с мыслителями, интеллектуалами. Тут я усмехнулся: я ведь читаю разных авторов, и вот давеча наткнулся случайно на Виктора Малофеева. Это – приговор всему **их** биологическому виду. Апофеоз уродства человеков! Тогда я даже застыдился, что оказался в одной эпохе с этим автором. А **они** спокойно к таким явлениям относятся! **Они**

уже достали меня: чем ниже интеллект *их* вида, тем громче популярность. Это стало отличительной чертой *их* времени. Но теперь я больше думал о новой службе. Мне хотелось продолжить эксперимент, чтобы найти оптимальное решение своего генерального вопроса. Рабочих сцены принимали на работу без всяких проблем. В Большом была острая нехватка этого персонала. Кто пойдет работать за семьдесят долларов в месяц? Таскать тяжеленные декорации? Утром и вечером! К этому времени рубль получил самые низкие значения, поэтому в российской столице, да, видимо, и по всей стране, *они* стали вести счет лишь в долларах. Эксперимент продолжался. Я почти весь день работал: дворником в музее Валентина Серова и рабочим сцены в Большом театре. Когда шел спектакль, я обычно сидел в рабочей галерее на третьем ярусе. Сюда мало кто поднимался. Кроме подвешенных на штанкетках жестких декораций, ничего не было видно. Да я и не хотел на-

блюдать за сценой. До моего слуха доносились лишь бурные аплодисменты и громкие выкрики «бис», «браво». Единственным, на что я частенько поглядывал, была звонница. Колокола разных размеров, закрепленные на специальных мостиках, были подвешены на фронтальной стене арьерсцены. Самый большой колокол весил около пяти тонн. Я смотрел на него, и мне представлялось, как я в один прекрасный день с помощью этого колокола оповещаю зрителей, всю Москву, весь мир, что началось новое время – эпоха путивльцев! Cosmicus заступил на смену! Радость в душе будет великая... Как-то ко мне поднялся коллега, коренастый мужчина со строгим пробором. Он частенько ходил в рабочем комбинезоне с пестрыми нашивками. Имени его я не знал. «Ты что это все время на галерее околачиваешься? Почему никогда спектакли не смотришь? О чем думку держишь?» Мне не хотелось вступать в разговор. Я посмотрел на него, улыбнулся и сказал что-то совер-

шенно невнятное. Он опять: «Тебе повезло, что ночных смен нет. Бывает, что всю ночь вкальываем. Тяжело! А знаешь, что самое легкое в нашей работе?» – «Нет», – сказал я. «Зарплату получать! Ха-ха-ха! А? Усек?» – «Да! – почти шепотом произнес я, а в голове пронеслось: – О чем мне с ним говорить?» «Слушай, мы завтра с тобой в одной паре. Хочешь денег заиметь?» – «Да вроде нет». – «Клиент богатый, деньги хорошие платит. Ты не думай, что он только на бутылку подбросит. Приличные деньги отстегнет. Как, а? Ха-ха! Думаю, по пятнадцать долларов на нос хватанем». Безупречная верность статусу путивльца вынудила меня улыбнуться и заявить: «Хорошо, я вам помогу. Но деньги мне не нужны». – «Как так, не нужны?» – «Живу один, мне хватает». – «Семьдесят долларов в месяц? Ты что, больной? Как такой мизерной суммы может хватить? Ха-ха-ха! Впрочем, отлично. Значит, поможешь?» – а сам про себя, наверное, подумал, что с дураком общается: деньги-то

только ему достанутся! «Да». – «Завтра у нас премьера – “Лебединое озеро” Юрия Григорьева. Его друг или спонсор притащит двух лебедей. Ха-ха-ха, конечно, не натуральных! Металлические каркасы в форме лебедей, выложенные хризантемами, астрами и розами. Цветочные корзины и букеты каждый день на спектакли тащат. А полутораметровых лебедей, и в них около двух тысяч цветов, – такого подарка я за двадцать лет работы ни разу не видел! Привезут их на грузовых “Газелях”. С начальством уже договорились. Администрация без магарыча вопросы не решает. А кто у нас не любит левый доход? Ха-ха-ха! Разгрузим “Газели”, через люк втащим цветочных лебедей в арьер, а в конце спектакля выставим на авансцену. Таков весь наш халтурный труд. А в зрительном зале – шквал аплодисментов! В финале великого балета – огромные цветочные лебеди. Красиво! Великолепно! Григорьев семь лет не входил в Большой театр. Интриги Василькова кругами разошлись по

всей Москве, больно ранили великого маэстро. Так что завтрашнее событие, рыжий, огромное! Он – уникальный мастер! Хореограф номер один в мире! Как Пеле в футболе, как Льюис в боксе, как Патриарх в религии, как Каспаров в шахматах – так Юрий Григорьев в балетном искусстве. Слышал?» – «Услышал!» – сказал я. «Согласен во славу Григорьева поработать?» – «Я уже дал согласие, – бросил я, а про себя усмехнулся: – О гонораре забыл. Не вспоминает больше. Да, все *они* такие. Чему тут удивляться!» На следующий день около пяти вечера, за полчаса до начала работы на сцене, пришел я в театр. Прямо с порога налетает на меня вчерашний коллега с четко прорисованным пробором и орет во всю глотку: «Ты что меня подводишь? Пообещал вчера, а сам опаздываешь? Клиенты ждут. Где тебя носит?» – «Вы мне о времени ничего не сказали», – отвечаю я. «А что говорить? Не новичок, сам должен знать, что в Большом замечательный праздник. Все билеты раскуп-

лены. Толпы народа штурмуют вход в театр». «Что я должен знать? – про себя усмехнулся я, глядя на его задиристое лицо с мелкими чертами. – В его физиономии проглядывают черты новорожденного. Это первый признак недоразвитого ума. О чем мне с ним говорить? Я-то с людьми редко общаюсь. А он к тому же лишь выглядит, как homo sapiens; на самом деле его незначительный интеллект роднит его с неандертальцами». Впрочем, мои чувства никогда не выходили из повиновения, я всегда сохранял спокойный, даже несколько безразличный вид. «Пошли быстрее», – потребовал он. Через люк я спустился во двор к водителям «Газелей». Мы выгрузили лебедей и стали втаскивать их на пандус. Через сорок минут премьерные презенты уже стояли за кулисами. Я не обращал на них никакого внимания. Впрочем, безразличие к картинам внешнего мира, к эмоциям моих коллег по цеху, пренебрежение ко всему окружающему я никогда не выказывал открыто. Не то

чтобы я чего-то опасался, – просто деликатность *cosmicus* диктовала линию поведения. Но рабочие сцены и танцоры охали от удовольствия. Они считали эти цветочные фигуры шедевром! Я занялся декорациями. К первой картине, «Вальс», работы было немного: надо было притащить два трона для королевской четы и кресла для свиты, выставить стол, кубки, подсвечники, спустить мягкий задник, установить обшитый фанерой, задрапированный грот. Часы пробили семь вечера, и балет «Лебединое озеро» начался. На время первой картины я был свободен. Чтобы найти убежище для одиночества, я опять поднялся на третью галерею, растянулся на спине и стал слушать музыку гения человек Чайковского. Я слушал эту замечательную музыку и думал, что она написана не для балета, она создана путивльцем для исхода людей. Эта музыка была как гимн прощания. Именно под ее звуки *homo sapiens* должны будут навсегда исчезнуть из реального мира. Но тут совер-

шенно другая мысль взбудоражила меня: «Может, **они** должны исчезнуть всего-навсего из сознания? Просто так, пропасть из моей головы. Улетучиться! **Их** – нет! Если я не стану о **них** вспоминать, то **они** не возникнут в мыслях. **Они** просто перестанут существовать. Ведь для червей, бабочек и трепангов люди не существуют. А почему для путивльцев должны существовать человеки? Мне не так важно, живы **они** или нет; главное, чтобы **их** не было в моем сознании. Чтобы я не видел, не слышал, не ощущал **их** присутствия!» Потом еще одна мысль, совсем простая, заставила меня усмехнуться: «А если лишиться слуха, зрения и стать немым? Весь космический мир уместится лишь в моем сознании. Я перестану контактировать с **их** видом, он не будет больше для меня существовать. Ведь я не вижу ультрафиолетовые и гамма-лучи, без микроскопа я не способен разглядеть актиномицеты, бактерии и споры. А почему я должен видеть и чувствовать кроманьонцев? Ломать

себе голову над **их** усовершенствованием, судьбой? Разве мы не можем существовать в параллельных мирах? Я ведь не думаю, как изменить муху? Кстати, а почему бы и нет? Ведь из мухи, моркови, гриба можно сотворить нечто разумное. Может быть, более разумное, чем из людей. Ведь кроманьонца отличает от всех других живых существ лишь пять процентов генов, свинью – четыре, а крысу – всего три. Так из кого же лепить путивльца? Еще не однозначно, что из человеков, вполне возможно, что из крыс или свиней. Или сотворить букет из лучших генов *homo sapiens*, крысы и свиньи? Вот еще тема для размышлений. Но бог с ними!»

В этот момент неожиданная мысль застала меня врасплох: «А что если непримиримость к близко соседствующему биологическому виду – чисто российский феномен? И не русский ли язык как таковой – главный виновник неприятия **их** существа? Не запретить ли его навечно и повсеместно? Не будет языка – запропаستится, исчезнет и сам

их мир. Может, и Отечество тут изрядно повинно? Россия с ее непреходящим нравственным хаосом? Но разве я являюсь **их** соотечественником? Нет, нет, не может быть! Но язык? Здесь есть какая-то тайна! Если я переселюсь, к примеру, в Италию и не стану изучать итальянский, то есть совершенно не захочу понимать местных жителей, почувствую ли я **их** близость, родство? Приму ли я **их** разумом? Улетучится ли этот мой беспощадный антагонизм?» Тут я услышал, как заскрежетали механизмы и начал закрываться занавес. Первая картина закончилась. Я сбежал вниз, убрал кресла, стулья, другой мелкий реквизит. Сцена оказалась свободной, поменялась мягкая стенка: на штанкетках спустилось панно – Лебединое озеро. Началась вторая картина – «Лебеди». Тут я опять поторопился подняться с арьерсцены на свою галерку, чтобы продолжить заниматься своим излюбленным делом: полностью отдаться медитации. Мог, наверное, возникнуть вопрос: как Василий Кара-

манов взялся проводить эксперимент в среде человек без интенсивного общения с *ними*? Какая польза от такого вялого исследования? Действительно, к изучению людей я относился по-путивльски. То есть спокойно, без четких планов, задумок и провокаций. Меня интересовало почти все в *их* быту и поведении, но в то же время как бы и совершенно ничего. Я никогда ничего не записывал, не придерживался какого-то своего графика, не делал снимков, не собирал видеоматериалов. Фокусом моего познания был Я, cosmicus, среди *них*, homo sapiens, и мои реакции на все людское: как развиты инстинкты, какие гены и каким образом обнаруживают себя агрессивно, а какие атрофированы, чего не хватает человекам, а чего в избытке. Едва я устроился на своем месте, как ко мне поднялся мой коллега со строгим пробором. Характерным движением головы он как бы убрал со лба волосы, которых не было. В руках он держал бутылку водки «Гжелка» и пополам разрезанный

лимон. «Васька, давай выпьем. – Его незнакомый, какой-то посторонний голос вызвал у меня уныние. – Ты уже не один день работаешь, а мы еще ни разу не выпивали. Не по-людски! Давай вот, начинай. Ты помог мне сегодня, я тебе, как благородный человек, от души ставлю. А после спектакля выставлю еще аж целых две бутылки. Как, Василек, это по-нашему? Чтобы не обижался, что вот помог Мандрыкину, а он один распивает. Кроме того, скажу тебе честно, после мрачных картин Мансаладзе меня всегда тянет выпить. А ты как переносишь этого художника?» Чтобы не было долгих пустых дискуссий, я не стал признаваться ему, что непьющий. Я никогда не пробовал этой гадости, не желая искусственно возбуждать свой ум и чувства. Что до художника спектакля, то я о нем ничего не знал и он меня совершенно не интересовал. Алкоголь? Почему он имеет такую невероятную силу над *ними*? Это признак человеческой глупости и слабости или *их* всеобщая генетическая

тяга к нему? Если тут виновна генетика, то вопрос можно уже сегодня легко снять. Всего несколько манипуляций... Тут я вспомнил, что мне необходимо смыться от непрошеного гостя, быстро бросил господину Мандрыкину: «Прошу прощения, меня остро потянуло в туалет», – и, не дожидаясь его ответа, сбежал по лестнице на пандус. «Спрячусь до антракта в туалете, – подумал я. – Напьется коллега и, надеюсь, забудет о желании совместного времяпрепровождения. Обижать его, конечно, не в моих правилах». Я прошел мимо прожекторной, юркнул за механизмы сцены, спустился в туалет и закрылся в кабинке. Стенки театрального туалета, расписанные ручками и карандашами, с пошлыми подписями и бесстыдными рисунками, выглядели недопустимо позорно для венцов природы! Но тут снова в голову стали приходиться совсем другие мысли. Я считаю себя родоначальником *cosmicus*. В этом есть своя правда, но, к сожалению, лишь отчасти. Потому что в ис-

тории кроманьонцев встречались личности, действительно несшие в себе некоторые признаки путивльцев. Одним из первых был Коперник. Именно он проложил дорогу к современной астрономии, способствовал решительному изменению отношения к космосу. Он первый доказал, что Земля – не центр мира, а одна из самых незначительных планет, песчинка в нескончаемом космосе. Таким образом, представление о центральной роли самих человек оказалось несостоятельным. Липой! Заблуждением! Обманом! Он первый указал **им** на временность их пребывания на планете. Да и религия помешала **им** встать на путь генной инженерии, открыть в каждом невероятные возможности разума. Самим додуматься совершенствовать себя не технически, а биологически. Теперь я, Караманов, приверженец абсолютного разума, основательно займусь этим. Я прорву «прагматический смысл» жизни homo sapiens, искореню в **их** геномном ансамбле сосредоточенность на час-

тном, несущественном. Необходимо оторвать человека от всего человеческого и предложить новым существам соотносить себя с космосом. «Ой, какой красивый букет, какой замечательный художник, какая великолепная архитектура, элегантный костюм, автомобиль, какая женщина!» – этих эмоций не должно быть в путивльцах. Это все в самое ближайшее время должно стать людским анахронизмом. Cosmicus будет ценить совершенно другие предметы и явления: «Какая замечательная, законченная система физической причинности; какой мощный разум, он начинает свою работу с простого перемещения в пространстве, а заканчивает глобальным размышлением с МР планетой; какая привлекательная атомистическая картина АР галактики!» Тут служебный звонок прервал мои размышления, и я понесся на авансцену. В балете «Лебединое озеро» два акта, четыре картины, один перерыв. Декорация третьей картины практически повторяет первую, а четвертой – вто-

рую. Я опять понес трон, потом второй. Кто-то выставил стол, кресла, кто-то – небольшой грот. Опустилась мягкая стенка. Сцена была готова. Я остановился у звонницы, чтобы дождаться начала второго акта и опять спрятаться в туалете. Слева, за вторым занавесом, стояли цветочные лебеди. Может, они выглядели действительно великолепно; вполне возможно, что они вызывали у людей восторг, – но я о них не думал. Я потерял из виду Мандрыкина, но, опасаясь встретить его и нарваться на бесплодную дискуссию об алкоголе, торопился спуститься вниз. Скорее бы открылся занавес и начался второй акт! Меня несколько не смущало то обстоятельство, что все свое свободное время я старался проводить в одиночестве, чтобы предаваться бесконечным играм разума. Они увлекали меня! Я существовал только этим! Люди могли подумать, что я жил в мире галлюцинаций, но это было не так. Я постоянно размышлял о будущих поколениях, которым судь-

ба дарила возможность обживать просторы Вселенной. И бесстрастная мудрость путивльца была спутницей моих медитаций: **они** не могут знать колоссальную разницу между изжившим себя **их** умом и неистовым интеллектом *cosmicus*. Я черпаю знания не ложкой, как обезжиренный томатный суп, а пригоршнями, которыми крома-ньонцы захватывают найденное золото. Вот в чем... Прозвучал третий звонок, и я тут же юркнул на свое насиженное место. Добросовестно устроившись на толчке, я опять принялся размышлять. Простой смертный лишен возможности заглядывать за пределы сознания. На сей раз я задумался о том, отчего это характерной особенностью гениальных человекoв ученые считают чрезмерное наличие в **их** организмах мочевой кислоты. «Порочная людская последовательность, – тут же мелькнуло у меня в голове, – в туалете размышлять о мочевой кислоте. **Они** бы рассмеялись! Я – продолжу!» Впрочем, я не придал этому неожиданному им-

пульсу никакого существенного значения; поток разума лился дальше: «Гениев отличает не объем мозга, не особый генный ансамбль, не какая-то сверхсекретная субстанция, а обычная мочева кислота – $OC-NH-CO-C-C-N-NH-CO-NH-C$. Но если она так замечательно действует на людей, то было бы совсем неплохо найти формулу, способную с эмбрионального периода увеличить ее содержание в организме. Тогда мир заселят одни коперники, ньютонь, чайковские и шопенгауэры... Но как они жить-то будут? Эйнштейн – это вершина, а кого у подножья расселить? Кто станет обслуживать этот пик человеческого интеллекта? Ни один человеческий разум не сможет быть активным без сопутствующей комплексной инфраструктуры. Это *нам*, путивльцам, она не требуется. Каждый из *нас* сам по себе! А *им*? **Они** без стрелочников, поваров, слесарей, конструкторов, одевальщиков никак не смогут! Гений не раскроется, его плод останется к осени не созревшим. Да и основные

идеи гения понимает лишь незначительное количество талантов; они транслируют их способным, которых больше, чем их, а те, в свою очередь, комментируют их адекватным, которых еще больше. Но на этом связь заканчивается. До адекватного доходит лишь один процент мыслей гения; до способных – десять-пятнадцать; до талантливых – сорок. Но все остальное достояние пропадает! Пылится на полках книгохранилищ, плесневеет в фолиантах, протухает в архивах! Но я знал и еще более страшные цифры. Если измерить интеллект человека в неких условных единицах, то Ньютон и Эйнштейн имели бы, скажем, сто сорок единиц; Достоевский и Гегель – сто тридцать; Планк, Вернадский, Чайковский – сто пятнадцать; Чижевский и Фарадей – сто десять; Валентин Серов и Лобачевский – сто; Мансуров и Гавве – девяносто; Намыкин и Торрес – восемьдесят; Иванов, Петров, Сидоров – семьдесят. Но у путивльцев же – тысяча! Пять тысяч! Вот какая сумасшедшая

разница! Какое же будущее может ожидать человека? Его просто быть не может! Еще и потому, что *homo sapiens* делятся по параметрам интеллекта на обособленные группы. Первая часть – от семидесяти и выше, то есть от Иванова, Петрова, Сидорова до Ньютона. Вторая – от Иванова, Петрова, Сидорова до дебила. В пропорциональном отношении это пятьдесят на пятьдесят. Выходит, что пятьдесят процентов человека являются существами, чей интеллект ниже семидесяти единиц. А это более трех миллиардов кроманьонцев! Если эту цифру взять за сто процентов, то окажется, что она делится на три сегмента: от нуля до двадцати пяти единиц – тридцать процентов; от двадцати пяти до пятидесяти – тридцать процентов; от пятидесяти до семидесяти – сорок процентов. Первая группа – это люди, чей словарный запас состоит из ста слов, – таких около пятисот миллионов. Всего лишь сто слов! Ни слова больше! Это ли разум, способный стать хозяином Вселен-

ной?! Вторая группа – это существа, владеющие одной тысячей слов; их тоже около полумиллиарда. Из этой породы могут выйти только люди моей профессии: уборщики, грузчики, проводники вагонов, охранники тюрем, мелкие милиционеры. Третья группа – люди, у которых в пользовании уже около трех тысяч слов. Они могут служить продавцами, водителями, радио- и теледикторами, строительными и заводскими рабочими, попсовыми шоуменами. Кто же из *них* может претендовать на титул “Венец природы?” Разве возможно эффективно использовать *их* скромный разум с точки зрения программы путивльцев – переселения земного интеллекта в просторы космоса? Но тогда куда деть эту бессмысленную публику?» Тут мне в голову пришла такая мысль: ведь паспорт человека – это апофеоз архаичности и наивности *их* сознания. Сами усугубляют проблему: на пороге двадцать первого века – такой примитивный документ! Имя, отчество, фамилия, год рожде-

ния, прописка! Бесславный, позорный прием – идентифицировать, осчастливить *их* всех новыми российскими паспортами. Разве сегодня так нужно различать между собой кроманьонцев? Какое убожество! Неужели интеллектуала или путивльца такие данные о Льве Толстом или о Циолковском могут интересовать? Я предвижу возражение: паспортные данные – пища не для разума! Они для специальных служб! Вот она, дремучая людская несостоятельность. Перефразируя одного из известных человекoв, я сказал бы так: «Дайте мне ваши генетические данные, и я скажу, кто вы есть!» В паспорте необходимо указывать именно генетику: это совершенно не повторяющиеся показатели, более точные, чем отпечатки пальцев! Я вспомнил примеры: митохондриальная супероксиддисмутаза (SOD2), глутатионпероксидаза (GPX1), параоксоназа (PON1) или ApoE, липопротеинлипаза (LPL), эндотелин (EDN1) или ангиотензиноген (AGT) и так далее. Именно так дол-

жен выглядеть паспорт путивльца. Смотришь в него – и узнаешь о cosmicus все: что он за тип, каковы его специфика, увлечения, возможности, есть ли склонности к ненормальным поступкам. Главное, никогда ни с кем не спутаешь. При поступлении в институт, приеме на работу, участии в дискуссиях: предъявил свои генетические данные – и получил или нет ожидаемое место. Поэтому паспорт нужен не эмвэдэвский, а генетический. Как **они** не понимают, что для некоторых генотипов алкогольное опьянение должно служить смягчающим фактором, а не наоборот! **Они** на генетическом уровне – а он куда сильнее и глубже, чем социальные и правовые нормы, – не могут управлять собой под воздействием алкоголя. Нельзя же наказывать станок, который из-за отсутствия необходимого напряжения сбавил обороты и загубил деталь! Нельзя поносить автомобиль за то, что в самый неподходящий момент он остановился, потому что заклинило мотор. Так же и насиль-

ника невозможно исправить тюрьмой. Генная инженерия должна помочь ему в утробе матери, чтобы исключить дальнейшее правовое преследование. Человеков необходимо приучить не к послушанию закону, а к постоянному генетическому сопровождению. Смешно, что такие простые вещи **они** не понимают. **Они** даже не раздумывают над этим! Так конфликт между цивилизацией и природой с каждым днем обостряется, набирает силу и очерчивает перспективу: дальнейшее пребывание человекoв на Земле противоречит развитию материи. Ни больше ни меньше! А направо финансовые и интеллектуальные ресурсы на исследование этих проблем – какая армия служащих прокуратуры, органов внутренних дел, судов, адвокатуры была бы из-за своей бесполезности выброшена на улицу! Зачем иметь милицию, если человек смоделирован так, что у него нет и не может быть потребности совершать правонарушения? Но в результате естественных мутаций **он** сотворен иначе.

Необходимо изменить *его*! Если бы такое произошло, сколько офисов карательных органов освободилось бы! Сколько бюджетных денег было бы сохранено в кассе государства! Какие материальные ресурсы *они* смогли бы потратить на совершенствование своего вида! Но у *них* для этого недостаточно разума. Из всех шести с половиной миллиардов человек найдется не более пятидесяти тысяч таких, кто способен включиться в эту программу! Это меньше 0,0001 процента от всей популяции. Чрезвычайно мало! Ну, совсем ничего! *Они* сами, без моего участия, никогда эту проблему не решат! Или взять медиков. Врачей у путивльцев не будет, а на время переходного периода можно оставить лишь хирургов, акушеров и генетиков-терапевтов... В этот момент раздался служебный звонок, и я тут же прервал разговор с самим собой, выскочил из безлюдного туалета и понесся на сцену. Закончилась третья картина. Необходимо было переставлять декорации. Четвертая карти-

на спектакля была завершающей. В кулисах собирался балетный и театральный бомонд: женщины в шелковых и бархатных декольтированных платьях, обвешанные бриллиантами, важные мужчины в смокингах с бабочками, с подведенными тушью глазами. А за кулисами толпилась менее значимая публика. Я никого не знал, но в глаза бросался *их* зависимый вид. *Они* нервно поглядывали на людей, стоявших в кулисах; кто-то поднимал руку, почтительно приветствуя высокопоставленного знакомого, другой кланялся или посылал воздушные поцелуи, прячась за портьерами. Но почти все с восторгом глазели на цветочных лебедей. Красота и свежесть хризантем, окутывающее их таинственное белое сияние привлекали всеобщее внимание. Ревнивые глаза большинства блестели от зависти. Казалось, публику, собравшуюся в кулисах, больше интересовала интрига необыкновенного подарка, чем сама премьера Григорьева, чем музыка Чайковского, чем драматургия танца. Пос-

ледня, четвертая, картина спектакля – самая короткая, около двадцати пяти минут. Рабочим запрещалось отходить от арьерсцены. Поэтому и я, и мои коллеги по цеху жались к механизмам и стенкам служебной части огромного помещения. Нас окружали корзины и букеты цветов, к которым были приколоты записки: «Для Цискаридзе – от Нелли Доманской», «Для Волочковой – от Марика Лолуа», «Для Уварова – от Зифы Басыровой», «Для Медведева – от Нины Молчановой», «Для блистательной Бессмертной – от Михаила Мельяна», – и так далее. Только на лебедях никаких визиток не было. Это обстоятельство придавало интриге особый колорит. История Большого театра еще не знала столь шикарного подарка. Каждый, кто принес корзину или букет, был унижен невероятной щедростью анонимного конкурента. Рядом со мной какая-то дама говорила своим собеседникам: «Я знаю этого типа. С помощью столь нескромного подарка он хочет устро-

ить свою любовницу в труппу театра». Мужчина поблизости предложил иную версию: «Григорьев продал в правительстве одному бизнесмену проект нефтепровода под Черным морем. Этот презент – знак благодарности». Пятеро тусовщиков, перебивая друг друга, высказывали скандальные предположения: «Это он сам себе заказал! Ха-ха-ха! Меня не проведешь!» – «Этих лебедей клуб геев преподнес». – «Каких геев, у него же масса любовниц!» – «Говорят, это от Душкова, точнее, не от него самого, а от одного из его спонсоров, который сделал подарок балетмейстеру по указанию мэра». – «Это не лебединый букет, это лебединый венок! Видите, какие у них красные глаза? Глаза у лебедей красными не бывают». И уж совсем пошлое: «Цветы несвежие, видно, с кладбища. Я знаю такие трюки». Я устался в потолок, чтобы не встречаться взглядом с представителями бомонда. Порочный ген людской зависти расцвел прямо на глазах. Ни один из человек не говорил о спектак-

ле, о работе балетмейстера. Я ничего не понимал в искусстве, но неплохо разбирался в генной мозаике людской породы. Вот что меня интересовало. Эти существа готовы были съесть друг друга, сжевать все цветы вместе с лебедями, вырвать лавры у автора балета, съесть и его самого. Одни проделали бы это из зависти, другие – из чувства неуправляемого восторга. Разве мог я принять *их* мир, *их* культуру, *их* генный ансамбль? Может, поэтому *они* так эфемерно и кратко живут? Несчастные! Природа сама избавляется от *них*. *Они* ей уже не нужны. Ресурс, который полностью исчерпал себя, не востребован! Ведь действительно, что такое шестьдесят-семьдесят лет? Щелчок пальцев! Я постарался выключить свой мозг и стал терпеливо дожидаться конца спектакля. Наконец, раздался гул аплодисментов, вопли восторга, топот ботинок, свист галерки! Это продолжалось несколько минут. Восторг был неопиcуемый! Скажу откровенно, у меня в голове пронеслась мысль, что

они обрадовались сообщению о собственной генетической переделке. Но я тут же отмел ее и стал ждать: в мои обязанности входило убрать декорации и выставить на сцену лебедей, корзины и букеты цветов. Но едва занавес закрылся, вбежал какой-то крупный администратор и закричал: «Лебедей назад, на пандус! В люк! Чтобы я их на сцене не видел. Чтобы никто их не видел! Быстро! Караманов, Мандрыкин, слышали? Мигом!» Весь бомонд, собравшийся в кулисах и за ними, от удивления открыл рты: как так? Что такое? Кто-то крикнул: «Господин Листовкин, в чем дело? Такие замечательные лебеди! Пусть выставят их на сцену. Они ведь для Григорьева!» Слышалось и другое: «Балет – не театр одного актера! Почему одному лебедей, другим букеты, а третьим кукиш?» – «Меня интересует, кто прислал этих цветочных лебедей. Он хотел поиздеваться над нами? Олигарх оскорбляет артистов! Ломай цветочное диво!» Тут опять послышался требовательный голос

господина Листовкина: «Быстрее! Распоряжение дирекции: лебедей – в люк. Если они нужны балетмейстеру, пусть тащит их домой! Сцена Большого театра – не конкурс флористов! Быстрее, мы должны снова открывать занавес!» Григорьев отвернулся, чтобы не наблюдать за этой унижительной возней. Одни требовали убрать лебедей, другие – оставить! Какой-то господин среднего возраста, с седой короткой стрижкой и в смокинге, подбежал к Листовкину и стал буквально навязывать пачку долларов. Но менеджер театра закрывал руками голову, выдавая свою полнейшую растерянность. «Нет, нет, нет, – твердил он, – дирекция запретила. Ой, ой, меня снимут с работы!» – «Дайте разрешение выставить лебедей на сцену. Ну, на пять минут. Всего на пять минут! Хорошо, на три минуты! Потом, пожалуйста, закрывайте занавес», – настаивал незнакомец просящим голосом. «Нет, нет, нет, – повторял растерянный администратор театра. – Эй, Караманов, Мандрыкин,

вынесите лебедей к люку. Я прошу, я требую! Ой, господи!» – «Возьмите пять тысяч долларов и дайте разрешение, чтобы бегущая строка над сценой немедленно запустила текст: “Приветствуем возвращение в Большой театр Юрия Григорьева!” Это же вы можете сделать? За пять тысяч долларов. Десять тысяч долларов предлагаю вам за вынос на сцену лебедей! Своим упрямством вы сводите меня с ума! Я даю живые деньги! Григорьев на сцене. Здесь нет никакой политики! Это только уважение к великому балетмейстеру! Вы же не сумасшедший! Что творится с Россией!» – «Нет, нет, нет! Ищите директора! Эти вопросы наверху решаются!» – завизжал Листовкин. Подскочив к дорогостоящему презенту, он цепко ухватился за него и с каким-то отчаяньем прокричал: «Караманов, Мандрыкин, помогите! Взялись! Толкаем к пандусу! – И вдруг, минутку спустя, заявил: – Хватит! Мне пора на сцену! Я тоже имею отношение к спектаклю!» Часть стоящей в кулисах

публики бросилась на цветочных птиц, начала вырывать из них хризантемы и розы. Но их корешки оказались короткими, и, разочаровавшись, народ бросал цветы прямо на арьерсцену. Пока мы с Мандрыкиным оттаскивали лебедей к люку, от них остался лишь сваренный из металлических прутьев пустой каркас. Грустное зрелище! Ощипанные лебеди выглядели убого. Они были похожи на брошенные останки *их* цивилизации. Но на них уже никто не обращал внимания. Занавес открылся. Вся труппа балета и руководство театра вышли на поклон. Овации продолжались минут пятнадцать. Корзины и букеты цветов стояли у ног солистов. *Они* раскланивались и улыбались! Рабочий день заканчивался. Я подумал, что этим же вечером надо оставить навсегда высокое заведение культуры. Эксперимент в Большом театре по поиску материала для моделирования путивльца закончился полным провалом. Впрочем, я нисколько не досадовал на произошедшее этим вечером

в самом центре Москвы. Никаких иллюзий у меня не было, и я ожидал такого человеческого финала. Подобное поведение кроманьонцев стало для меня уже давно привычным и обыденным. Желая глубже погрузиться в одиночество, я молча оставил театр и побрел в Староваганьковский переулок, к себе в лачугу. Было тихо и безоблачно. Московский ветер нагонял запахи заканчивающегося дня, а огни фонарей словно указывали дорогу к моему убогому жилищу. Новые мысли одолевали меня: «Когда люди смотрят в ночное звездное небо, **им** становится жутко от размаха необъятного разума. Но я, всматриваясь в бесконечность мерцающих звезд, чувствую в сознании великую гармонию. Этот огромный космический мир превосходно умещается в моей голове...» Чем больше я читал, тем меньше хотелось мне общаться с окружающим миром. Одоевский, Умов, Соловьев, Бердяев, Флоренский – все они обогащали мой разум самым невероятным образом. Но

обращал я внимание не только на русских предвестников путивльцев; ничуть не меньше увлекали мое воображение зарубежные авторы: Терасаки, Робинс, Ангели, Борн. Я поглощал книги этих и других авторов с усердным постоянством. Продолжая работать дворником в музее Серова, я все свое свободное время просиживал в библиотеке, занимаясь генетикой и философией, чтобы в один прекрасный день закричать миру: «Начали!» О, как я ждал этого дня! Быстрее бы! Я чувствовал, что волею судьбы Василий Караманов оказался между двумя эпохами, что именно ему поручено закончить историю землян – устаревшую, беспомощную, которая лишь криком пытается обратить на себя внимание, – и начать новую эру – эру существ многомерного разума. В последнее время к своему сараю я стал относиться особенно трепетно: как христиане к церкви, как иудеи к синагоге, как мусульмане к мечети. Это ветхое жилище стало для меня храмом, в котором я по ночам обдумывал

вал переустройство мира, – не только ближнего, но всего универсума. Во время этих ночных бдений какие только феерические картины ни лезли в голову, ни радовали сознание! И их всегда венчало одно полотно, выполненное компьютерной графикой: Василий Караманов разрезает красную ленточку, и *cosmicus* спокойно, с чувством собственного достоинства входят в совершенно новый, вечный мир познания. Вот и сейчас я лежал на своем тюфяке, укрывшись допотопным пледом, и продолжал размышлять, – на этот раз о физиологических возможностях путивльцев. Человек созрел в мутациях, но в гармоничных условиях. Последние несколько десятков миллионов лет температура планеты была спокойной. Поэтому **он**, землянин, от рамапитека до кроманьонца – а это более пятнадцати миллионов лет – развивался в условиях приблизительно одного и того же климата. Результат плачевный: **он** не в состоянии пережить температуры выше или ниже уравненного

значения. Первая проблема, которую необходимо решить: с помощью генных манипуляций сотворить универсальный ансамбль, позволяющий путивльцам переносить температуры значительно ниже и выше тех, с которыми приходится встречаться на Земле. Это позволит им более свободно перемещаться в космосе и проживать на других планетах. Помимо этого, надо решить вопрос с дыханием. Тут генная инженерия должна помочь смоделировать легкие *cosmicus* таким образом, чтобы они выполняли те же функции, что и верблюжий горб, – с той лишь разницей, что горб накапливает влагу, а новые легкие путивльца будут сохранять кислород и отдавать его по одному выдоху в день, в месяц, в год, в десять лет. Нечто подобное необходимо проделать с желудком. Сейчас для поддержания температуры тела организм использует метод расщепления пищи, добывая таким образом необходимые калории. Нужно перестроить организм путивльца так, чтобы его темпе-

ратура поддерживалась с помощью внешних и внутренних батарей. Внутренние аккумуляторы будут работать бесперебойно: во-первых, за счет движений и сокращений клеток тела, во-вторых, за счет солнечных и гамма-лучей и скорости движения любого аппарата, на котором будет находиться путивлец; внешние – за счет специального рукотворного излучения, по типу мобильной связи. Уже пора приступить к проекту передачи энергии на расстояние. Решение этих главных вопросов снимет с повестки дня тему обязательного сна. Люди тратят на него более тридцати процентов своего времени. Средняя продолжительность жизни россиянина – шестьдесят три года, европейца – семьдесят девять. Россиянин спит более двадцати лет, европейец – около тридцати. Cosmicus должен спать не больше десяти процентов суточного времени в начале проведения исследования, и этот показатель необходимо довести до трех-четырёх процентов. Это означает, что на сон он будет

расходовать никак не больше одного часа в день. Это пятнадцать суток в год, или три года за восемьдесят лет! Тогда он станет более продуктивен, но прежде всего – гораздо более экономичен: есть будет пять – десять раз в году! Главная проблема заключается в том, что содержание одного человека обходится чрезвычайно дорого. Здоровоохранение (приведу усредненный мировой показатель): один год – тысяча долларов. Сюда входит весь комплекс: строительство больниц, закупка оборудования, лечение, медикаменты, реабилитация. Шесть с половиной миллиардов умножаем на тысячу долларов – получается шесть с половиной триллионов долларов. Питание: на одного человека в год расходуется две тысячи долларов, умножаем опять-таки на шесть с половиной миллиардов жителей Земли – получаем тринадцать триллионов долларов. Отопление квартир, офисов, транспорта – тут усредненный мировой показатель следующий: один человек тратит двести пятьдесят дол-

ларов в год. Итого – полтора триллиона в год. Затраты на теплую одежду усредненно: двести долларов на одно лицо – одна целая и три десятых триллиона в год. Расходы на содержание тюрем, заключенных, администрации, на их униформу и амуницию охраны в местах заключения – один триллион долларов в год. Бюджеты министерств внутренних дел всех стран мира – пятнадцать триллионов долларов, вооруженных сил – еще шестьдесят триллионов долларов. Сокращение бюрократического аппарата на семьдесят процентов даст экономию в тридцать пять триллионов долларов. Итого мы получим сумму, превышающую сто тридцать триллионов долларов! Это более сорока бюджетов США, в пятьсот раз больше бюджета России! Человек нерентабелен, он полный банкрот! Поэтому-то **их** экономисты никак не могут предложить план финансового оздоровления России. И в этих условиях никогда не предложат. Нет шансов! Не с того начинают! Человека надо менять,

его делать рентабельным! Весь секрет в этом! Как можно добиться рентабельности нации, если каждый *ее* член в своей массе абсолютно нерентабелен? Мой путивлец станет высокорентабельным существом! При условии, что его популяция сохранится на отметке шесть с половиной миллиардов, он получит из бюджета на каждого по двенадцать тысяч долларов в год. Сейчас каждый россиянин, работая, получает в среднем не больше восьмисот долларов в год. А тут – двенадцать тысяч!.. Тут мне в голову пришел известный афоризм русского философа Николая Федорова: «Наше тело – будет нашим делом». Как Владимир Мономах рассылал своих сыновей, внуков, племянников осваивать необъятные просторы восточных земель, так Василий Караманов откроет путивльцам дорогу в безбрежный космос. Осваивайте его! Покоряйте! Совершенствуйте себя! Как Киевская Русь стала гнездышком, где выращивались молодцы для Великой России, так и Земля ста-

нет питомником для путивльцев, которые покорят Вселенную. Люди содрогнулись бы от таких, на **их** взгляд, вздорных мыслей, но я наращивал обороты работы мозга, вызывая в сознании все новые картинки будущего устройства геной архитектуры cosmic. Если люди томились от скуки, находили себя не в играх разума, а в его тени, в стихии порока, то меня буквально распирало от энергии созидания. Я постоянно размышлял над вещами, о которых никто никогда не задумывался. Мое сознание было всегда полно чистейшими, артезианскими мыслями, гейзерующими из глубин космоса. Тут в моих ушах зазвучала музыка Чайковского из «Лебединого озера», гимн прощания с людьми. Я вспомнил Большой театр, остов цветочных лебедей и тот апофеоз зависти и злобы, что случилось мне наблюдать. Может, **они** все же не все такие? И лишь в Большом собралась завистливая публика? Что, если попробовать в другом известном театре? Например, у Не-

любова, на Язуе. Авторитетный московский театральный коллектив. Там-то такого не позволят, хотелось надеяться мне, там будет совершенно иначе!.. Через несколько дней я нашел мастерскую, в которой заказал проволочный каркас полуметрового винного бокала, потом принес эту конструкцию в цветочный магазин с просьбой одеть ее в цветы: основание и ножку убрать белыми хризантемами, а сам бокал – красными розами. Помимо собственных дворницких денег, у меня еще оставались «кукольные». Я узнал, что в театре на Язуе 12 декабря идет спектакль по Борису Пастернаку – «Доктор Живаго», заехал в театр, свободно купил билет и спросил у кассирши: «Скажите, пожалуйста, кто у вас в коллективе самый известный, самый выдающийся артист?» – «Который занят в “Докторе Живаго”?» – уточнила она. «Да, именно!» – «Владимир Серебряхин! Мы его все очень любим. Он играет самого Живаго. Вам он понравится». – «Серебряхин? Владимир?» – «Да, да!» –

«Спасибо! – Я поклонился и тут же подошел к вахтеру: – Будьте любезны, скажите, как пройти на сцену?» – «На сцену? Туда никого не пускают. В чем дело?» – «У меня билет на вечерний спектакль. Я в первый раз выбрался в ваш театр. Хочу передать господину Серебряхину цветы». – «Букет или корзину?» – «Это несколько больше, чем корзина». – «Обращайтесь к администратору. Вот, пройдите в его кабинет». Разговор с менеджером театра был кратким. Не желая вникать в подробности, он запросил за разрешение выставить на сцене цветы десять долларов. Я заплатил и спросил: «Кому отдать цветы?» – «Отнесите на служебный вход. Передайте Потапочкину. Он заведует этим хозяйством». – «Будет ли он знать, что вы разрешили?» – «Да-да, я позвоню». – «Я подъеду к трем часам». – «Нет, лучше в половине шестого. Вечерняя смена к этому времени уже вся на месте». На этом мы попрощались. Я нанял «Газель» и ровно в половине шестого был у служебного входа.

Мой винный бокал из цветов произвел фурор. Такого они не видели. Ситуация у служебного входа театра на Яузе напоминала ту, что случилась в Большом театре. Артисты и рабочие сцены смотрели на мой презент и спрашивали друг друга: «Кому этот роскошный подарок? Кто заслужил этот шедевр?» Один из них с чувством восхищения присвистнул: «Ничего себе букетик!» Тут ко мне подошел господин Потапочкин и на ухо шепнул: «За такой богатый подарок с тебя двадцать долларов! Обещаю после спектакля лично организовать эффектное вручение твоего презента Серебряхину прямо на сцене, перед всей публикой. Как, а?» Мы любовно расстались, я направился в театр и занял свое место в девятом ряду. С трудом высидел спектакль. Наконец, когда он закончился, я оживился и стал смотреть на сцену внимательнее. Корзину цветов вручили седому полноватому человеку. Он не был актером. Я подумал, что это и есть Нелюбов, главный в театре на Яузе. Один жидень-

кий букетик преподнесли артисту, игравшему заглавную роль, – видимо, это и был Серебряхин; второй – какой-то даме. Я не следил за пьесой, поэтому не мог определить ее роль. Других цветов не было. Привыкший смотреть на человекoв как на пройденный этап эволюции, как на материал, нуждающийся в срoчном основательном ремонте и обновлении, я нисколько не удивился, что бокал из цветов не был выставлен. Я тут же усек, что «цветочное внимание», как и все другие знаки поощрения, оказывается в *их* жизни исключительно по ранжиру. Начальнику – больше и оригинальнее. Артистам – дозированно и скромнее! «О, как я прав, – мелькнуло у меня в голове. – Как в воду глядел: в путивльце ничего не должно быть от этих человекoв культуры. Ноль!» *Они* не вынесли роскошный бокал из цветов. Опять зависть? Злоба? Именно так! А может, все-таки подождать с выводами? Упал бокал, цветы помялись, мыши объели хризантемы... Но вот все закончилось. Выхожу в

фойе. Даю доллар рабочему с просьбой позвать ко мне Потапочкина. Он появляется, смущенный. «В чем дело?» – спрашиваю. «Я тут ни при чем! Нелюбов, его жена. Когда она увидела твой презент, спросила: “Кому?” Я говорю: “Владимиру Серебряхину!” – “Георгий, как ты позволяешь? Тебе корзинку, а ему такой замечательный подарок! Это же вызов! Что будешь делать?” – “На сцену не выставлять! Слышал?” – это Нелюбов сказал, – развел руками Потапочкин. – Куда тут денешься...» – «Но я же деньги заплатил, ты обещал», – напоминаю я. «Что обещал? Я носился с твоим бокалом туда-сюда, гнев шефа на себя накликал. Прощай! Больше с такими презентами не приходи». Опять повторилась чисто человеческая история. Сколько еще экспериментировать?! Нет, **они** должны покинуть этот мир. И Листовкин, и Пантюхов, и Подобед, и Семихатова, и Потапочкин должны быть в первых рядах исхода. Я про себя усмехнулся и медленно направился вон из театра. У

гардероба ко мне подбежал артист Владимир Серебряухин: «Не обижайтесь. В следующий раз принесите корзинку цветов или букет. Что поделаешь? Нам чего-нибудь попроще!» – смущенно улыбнулся он. Мы молча простились. Но тут меня стало мучить одно несколько смешное опасение: «А что если сейчас явится сам Нелюбов и, извинившись, сошлется на проделки своей жены?» Усмехнувшись, я покинул театр. «Нет, никогда в будущем я не окажусь в таком заведении». В этот момент я задумался: а если бы с самого раннего детства я рос в богатстве, в полноценной семье, окруженный вниманием нянь и прислуги, – опутившись бы мое сознание или я остался бы обычным представителем рода человеческого? Горькая мысль, внезапно вошедшая в сознание, на некоторое время вызвала к собственной персоне холодную неприязнь. «Василий, перестань мучиться, – тут же сказал я себе. – Раз и навсегда пойми: фактор нищеты и презрения к тебе окружающих

мог стать лишь незначительным, едва уловимым толчком к изменению генного ансамбля. Ты родился *cosmicus*. И все человеческое изначально чуждо твоей натуре». После этих размышлений, видимо, опасаясь за стройность линии жизни, я решил еще дальше уйти от людей и всецело и самозабвенно погрузиться в одиночество. Кроме грез о новейшей эпохе бескрайнего разума, мне ничего не было нужно. К себе в лачугу я решил идти пешком. Спуститься к Язузе, пройти к Солянке, подняться по проезду Серова до «Детского мира», дойти по Охотному ряду до Воздвиженки. Я все больше убеждался, что биологический вид человека – простая мутационная остановка. Мне на ум пришел маршрут Автобуса-*Vita* по пути развития приматов: Олдувай (Кения) – Хадар (Эфиопия) – Турканский берег (Марокко) – Коцетанг (Китай) – Неандерталь (Германия) – гора Кармель (Иудея) – Кро-Маньон (Франция) – Путивль. По мере продвижения Автобуса-*Vita* усложнялся вид выс-

живаемых пассажиров. Правда, думал я, по дороге совершенно случайно, без малейшей логики выпадали из него некоторые предпутивльцы. Например, совсем недавно, 17 декабря 1770 года, в Бонне из автобуса выпал Людвиг ван Бетховен; 11 декабря 1821 года в Москве выкарабкался из него Федор Достоевский; 15 октября 1844 года в Роккене у Лютцена выпрыгнул из него Фридрих Ницше; 27 сентября 1849 года в Рязани выбрался из него Иван Павлов; 14 марта 1879 года в Ульме на Дунае вывалился Альберт Эйнштейн; а 5 января 197... года в Путивле Автобус-*Vita*, наконец, остановился. Из него вышел Василий Караманов. Я оказался в Путивле, чтобы изменить этот мир. Но природа делала свое дело не торопясь. Каждому виду она придавала свои особенности и характерные признаки. Какой порок был у австралопитека? Понимал ли он вообще, что такое порок? Может, он лучше понимал добродетель? Скорее всего, его добродетель заключалась в том, чтобы сдерживать соб-

ственную агрессию. В чем же еще? Но если в словарном запасе всего сто звуков, какая тут может быть добродетель! А неандерталец? Знал ли он, что такое порок или добродетель? С теми пятьюстами звуками, которые он произносил? Какая цель, какие устремления, какие обязанности могли будоражить его скромный разум? А если так, то как же он мог понимать добродетель? Или порок? Нет, порок и добродетель – это чисто людское изобретение. Люди никак не могли понять, как расслоить **свое** общество на хороших и плохих, на сильных и слабых, вменяемых и невменяемых – не по социальному статусу, не по происхождению, а по чему-то абстрактному, трудноуловимому. О геномном ансамбле, о генотипах **они** еще ничего не знали, поэтому в своих поисках набрали на эти два ирреальных понятия – порок и добродетель. И разделили себя на порочных и добродетельных. И что? Ведь ничего не получилось! Ведь массы не приняли **их** постулаты! Кто сегодня в России но-

ситель классических черт добродетели? Определите, покажите: кто? «О, о, о, отзовитесь, добродетели! Покажите свои лица, назовите свои имена!» – мысленно прокричал я. Никого нет! И быть не может! Высшая нравственность существует лишь в запыленных фолиантах. Только в скучнейших рассуждениях, исключительно на малопосещаемых лекциях. Если ее надо искать с фонарями и прожекторами, с помощью агентов и специальной техники, неужели это именно то, что *ими* предложено? *Они* рекомендуют, требуют того, к чему homo sapiens не готов биологически. *Его* природная архитектура другая. Для принятия этих постулатов у *него* нет соответствующих генных построений. Если добродетель встречается, то редко, случайно, без базового генетического обоснования. Правда состоит в том, что добродетель у homo sapiens проявляется лишь в том случае, если в *его* организме в избыточной форме присутствует метилентетрагидрофолатредуктаза (MTHFR). Ка-

кая до банальности простая взаимосвязь между высоконравственным критерием цивилизации и биохимической составляющей **их** вида! Зачем изучать **вашу** Библию, дайте человеку человеческое! Если в **нем** нет MTHFR, сделайте инъекцию, введите подкожно, дайте таблетки. Но зачем строить храмы? Читать псалмы? Проповедовать слово Божье? Да, собственно, кто читает Библию? Я интересовался в Государственной библиотеке: там не помнят, чтобы кто-то просил ее для чтения. Вообще, хочу заметить, что закодированный, основанный на символах текст Библии, по моему убеждению, смогут прочесть, а тем более понять, единицы. Это люди, равные физику Исааку Ньютону, философу Алексею Лосеву, композитору Дмитрию Шостаковичу, писателю Михаилу Булгакову. А сколько таких? Не только в России, – в мире? Сто тысяч, триста тысяч, ну, полмиллиона. Но это же меньше, чем 0,005 процента от всей **их** популяции! Я просто уверен, что даже не все

церковники понимают Библию! И это правильно. Надо изменять человека на генетическом уровне, а не на духовном или сознательном. Ведь высокий разум – это всего лишь увеличенное количество мочевой кислоты в организме. Внешнее проявление – подагра. У вас подагра – вы сможете понять библейские тексты. И все тут! Станете вы им следовать или нет – совсем другое дело. У вас есть право выбора, но у меня – право ставить диагноз вашему интеллекту, открывать или не открывать перед вами двери в вечность! Первейшие, очень слабые признаки путивльской глубины можно встретить у авторов, чьи сочинения я с таким удовольствием читаю. Но дальше *они* не продвинулись. А как же, господа, с мутациями? Библейские заповеди не остановили их бег! Австралопитеки мутировали около четырех миллионов лет; неандертальцы, которых было уже несколько сотен тысяч, – двести тысяч лет; а кроманьонцы, которых набралось более шести миллиардов, могут мути-

ровать не больше пятидесяти тысяч лет. И этот срок уже истекает! Заканчивается *их* время! Люди создали такую среду обитания, в которой темп мутационного процесса резко ускорился. Недалеко то время, когда будут рождаться одни уроды. Их первая стадия – попса! *Они* уже начали завоевывать пространство. Если кто еще не понял, что вначале были мутации, а потом появился разум, тот должен осознать: невозможно вечно пребывать в никчемном застое. Это противоречит законам физики. Именно мутации – это как раз и время, и пространство! Это весь объем Вселенной!.. С такими мыслями я дошел до своей дворницкой лачуги и, усталый, плюхнулся на тюфяк. «Программа культурного эксперимента закончилась. Теперь надо попробовать себя в политике. С чего начать? Записаться в рядовые члены партии. Скоро выборы в Государственную Думу. Может, меня возьмут в активисты? Двух-трех заданий мне будет достаточно, чтобы поставить диагноз сосло-

вию российских политиков. В какую же партию записаться? О, время до выборов еще есть. Значит, с решением можно не торопиться». Я выключил свет, несколько минут полежал, ни о чем не думая, и задремал. Через мгновение я уже крепко спал. Снились короткие символические сны. Вначале я увидел стопки книг – это были Федоров, Флоренский, Муравьев, Вернадский, Чижевский. Потом вдруг фолианты исчезли; им на смену пришли какие-то записи, выполненные крупными печатными буквами. Они были развешаны по всем стенам Дома знаний. Я не только свободно мог читать эти строки, но хотел, желал этого. «В качестве возможного альтернативного решения можно предположить, что количество аксиом в системе M бесконечно». Но почему нет ничего дальше? Мне хотелось даже крикнуть: «Эй, кто-нибудь, что там следует?» Но я сдержался, потому что вдруг увидел еще более любопытный текст: «Вам дан набор многоугольников. Требуется оп-

ределить, покрывают ли они всю евклидову плоскость только представленными многоугольниками без наложений и щелей». Но ведь эта задача, как сказал Роберт Бергер, «вычислительными средствами неразрешима»! Я усмехнулся: вы что, меня проверяете, господа? Ведь я же путивлец! Хао Ван по этому поводу заявил: «Многоугольные плитки описываются с помощью вещественных чисел – чисел, выраженных в виде бесконечных десятичных дробей, тогда как обычные алгоритмы способны оперировать исключительно целыми числами. Но от этого неудобства можно избавиться...» В этот момент кто-то с силой повернул мою голову, и на доске я увидел еще одну цитату: «Природа в нас начинает не только сознать себя, но и управлять собою». А чуть ниже прочел: «Порожденный крошечною Землею зритель безмерного пространства, зритель миров этого пространства должен сделаться их обитателем и правителем». И еще: «Человеку будут доступны все небес-

ные пространства, все небесные миры, когда он станет воссоздавать себя из самых первоначальных веществ, атомов, молекул, потому что тогда только он будет способен жить во всех средах, принимать всякие формы». «Что это с моим сознанием? Что за параллелизм с мыслями человек? Что, мое опутивливание произошло от *них*? Нет! Не может быть! Я начал читать философов-космистов лишь в Москве. А мысли о необходимости искусственного стимулирования мутаций преследуют меня с отрочества...» Недовольство прервало мой сон; я очнулся. Успокоив себя тем, что это были лишь грезы, я стал думать о другом: «Я ведь давеча мечтал, что на сон у путивльца будет уходить несколько минут в день. А тут полночи снятся странные сны. Видимо, вначале необходимо в полной мере “опутивлить” самого себя. А то нет-нет, да чисто человеческое во мне еще проявляется. Даже в сонном состоянии это неприлично!» Я недовольно поерзал на тюфяке, поменял позу, ут-

кнулся лицом в подушку, но сон не приходил. «Может, записаться в политическое движение “Вперед, Россия!”? – неожиданно пришло мне в голову. – Но почему именно туда? Ведь столько других партий! Да, впрочем, какая разница. Для исследования гена совести это не имеет никакого значения. Если на ум пришло движение “Вперед, Россия!”, то через пару дней надо предложить им свои услуги. Любопытно, чего они потребуют: жертвенности, твердости убеждений или чуткости к запросам руководства партии?» – «Помилуйте, это неверное представление о нашей политике, – услышал я внутри себя чей-то незнакомый голос, – мы демократическое сообщество. Наша цель – процветание нации! Мы хотим видеть соотечественников счастливыми! А ты еще что за фрукт?» Голос, видимо, желал пристыдить меня, но вышло как раз наоборот. Я усмехнулся и в ответ бросил: «О, у вас колоссальные возможности доказать свою приверженность идеалам справедливости. Человеки

ждут этого уже много тысяч лет! Сколько писалось, говорилось, предрекалось – начиная от шумерских и арамейских памятников, библейских и римских текстов и кончая фолиантами и манифестами современности, – что очень скоро люди отдадут предпочтение знаниям перед накоплением имущества, что они поставят разум выше, чем товар! И что? Ничего! Имущество окончательно победило знания! Иначе и не могло быть! Взгляните на генетические паспорта человека – вы встретите в них объективное доказательство этого заключения. Изучите рынки сбыта и всмотритесь в количество читателей – и ни у кого не останется и капли сомнения!» Голос ничего не ответил, и диалог в моей голове прервался. Я опять прикорнул и, наконец, безмятежно заснул. Утро любого московского дворника – хлопотное время. Мегполис – столько всегда работы! Но мне нравилось трудиться ранним утром: людей на заре в центре города практически никогда не

было. Дирекция музея имени Серова никаких претензий ко мне не высказывала, — она вообще меня не замечала. Так, видимо, принято у людей: трудится работник исправно, ну и бог с ним. Меня эта **их** ментальность очень устраивала. Я продолжал прилежно исполнять свои обязанности, а все свободное время проводил в библиотеке. Все новые и новые книги доставляли мне из хранилища, и они все более убеждали меня в ошибочности генетической архитектуры людей. **Их** алчность, жадность, сексуальная распущенность, зависть, озлобленность, мягкотелость, коррумпированность, правовой нигилизм, вранье, провокационность, алкоголизм, интриганство, низкий уровень интеллекта — все это сопровождало, сопровождает и будет сопровождать **их** породу. Все попытки избавиться от этих пороков с помощью язычества, иудаизма, мусульманства, христианства ничего не дали и дать не могли. В истории человеков было время, когда царствовали

аристократы, когда правили миром военные, когда главенствовали политики, когда последнее слово оставалось за физиками, когда властвовали финансисты. Сейчас миром распоряжаются глобалисты. Но на этом все. Можно ставить жирную точку! Никто из *них* не смог изменить homo sapiens. *Их* пороки не только не исчезли, они приумножились! Расцвели пышным цветом, заблагоухали. Подорожали в цене! Теперь надо платить, чтобы украсить себя короной порока. Повсеместно проводят конкурсы, чтобы стать обладателем титула – «Отменной лгуни», «Сексуальной крали», «Блестящего интригана», «Царственного завистника», «Великолепного алкаша», «Злого гения», «Потрясающей потаскухи», «Вождя криминалитета», «Короля бизнеса». Эй, вы, церковники, идеологи, пропагандисты, газетчики, писатели, политики, юристы и управленцы! Признайтесь, наконец, во всеуслышание: у вас ничего не вышло. Не получилось! Все ваши

старания начались с нуля и пришли к нему же! Порода homo sapiens деградирует! Скорость падения нравов и интеллекта увеличивается! Уступите место генетикам, господа. Теперь пришло их время. Уверен, что у них получится, потому что ими будет управлять cosmicus! Я, Василий Караманов! С помощью рукотворных мутаций, генной инженерии я сделаю из **вас** путивльцев. Эволюционный феномен меня не устраивает своей медлительностью. Я хочу, я буду действовать сам! Быстро! Основательно! Надежно! На все времена! Доверьтесь, прислушайтесь, от вас требуется лишь одно: не мешать! Не сопротивляться! Знаю, как это трудно для вашей ментальности – отдать себя разуму... Подметая улицы, я так глубоко уходил в себя, настолько забывал о реальности, об окружающем мире, что не только не чувствовал и не замечал свою работу, но никогда бы не вспомнил ни одного движения совком или метлой, лопатой или граблями. Мое пребывание в реальной жизни

любой сторонний наблюдатель подверг бы искреннему сомнению. Приглядевшись ко мне, добропорядочный, почтенный господин воскликнул бы: «Так не живут! Это не человек! Спасайте его!» Да, глубокая сосредоточенность, да, пренебрежение к внешней составляющей человека, да, всеохватность мизантропического мышления, да, очарование одиночеством, да, увлечение абсолютным разумом отличали меня от окружающих. Но внешне я выглядел так же, как *они*, был только ярко-рыжим. А в остальном – ничего примечательного: голубоглазый, как многие русские; выше среднего роста, как большинство сверстников. Я был безденежным и безымянным, как основная масса россиян; безродным, не знающим своей генеалогии, каких в России десятки миллионов! Единственное, что меня отличало, – это убеждение в путивльском происхождении, желание добиться новых, перспективных особенностей для землян. Исключительно один среди ста пя-

тидесяти миллионов соотечественников, назвавшись путивльцем, мечтал я избавить **их** от всего человеческого. Именно издевательское безобразие мира нынешнего с новой силой толкало меня просиживать многие часы в Государственной библиотеке. Парадоксы человеческого разума провокационно будоражили мое сознание; невероятная по размаху амплитуда между интеллектом редчайших личностей и массы не давала мне покоя. Именно здесь я видел потрясающие возможности для биологического прорыва! Для невероятного биологического прогресса! И тогда же я понял, почему **они** назвали себя «разумными»: свои низменные инстинкты, проявления в себе наследия олигоцена редчайшие из **них** увидели собственными глазами. И ахнули! А эти ахи и охи разочарования приблизили **их** к путивльцам! К разуму! Я был уверен, что накопленный веками материал поможет мне успешно решить поставленные перед самим собой задачи. Теперь мои иссле-

дования качественно изменились: я уже вел записи, планировал систему мутаций, в теории составлял биохимические коктейли, способные изменять архитектуру генов, приступил к фундаментальному изучению ДНК, еще раз вернулся к тем исключительным сочетаниям, когда психопатия и психоз положительно коррелируют с гениальностью. Одно из них – эпилепсия, связанная, с одной стороны, со способностью бесконечно и назойливо копаться в мелочах, а с другой – с безудержным и всепроникающим стремлением к компенсаторному демонстрированию своей хорошеи, даже наилучшеи. Самой яркой фигурой этого типа является Федор Достоевский с доминантно-мономерным наследованием диагноза эпилепсии не менее чем в трех поколениях. Именно исключительность способностей нередко порождает то патологическое напряжение, тот мощный стимул к собственному выражению, которые прослеживаются почти у каждого гения. Лермонтов

целиком поглощен своими личными проблемами, каждый его герой – это он сам! А если порыться у Эфроимсона, то можно встретить другие яркие случаи... «Ой, что это со мной? – подумал я. – Мысли буквально разрывают голову. Сколько их вмещается? Это же какая-то космическая бездна! А может, я тоже поражен этой болезнью? Ведь мои родители были странными существами...» Тут впервые у меня возник страх перед разумом. «Нет-нет, необходимо очень деликатно расширять его объем, вращивая медленно, как саженец мощной вечнозеленой пихты. Иначе действительно можно сойти с ума». В моей дворницкой лачуге уже появились исследовательские приборы, я обзавелся компьютером, анализатором и другой полезной техникой. Казалось, что я вот-вот по-настоящему серьезно начну генетическое моделирование путивльца. Фантастическая будущность этого вида невероятно воодушевляла меня. Я постоянно твердил себе: «Мой час про-

бил! Мой час пробил! Период спокойного наслаждения избытком материального мира заканчивается. **Их** пение, танцы, бевсовство – от нехватки ума! **Они** стонут из-за дефицита роскоши, визжат от избытка гардероба!» Однако мысль проверить **их** ген честности и порядочности не оставляла меня. Насколько люди, давая обещания избирателям, искренни в своих поступках и помыслах? Меня глубоко разочаровывало то фатальное обстоятельство, что политики менялись прямо на глазах: они говорили об одном до выборов, но делали совсем другое после них. «Этот эксперимент может быть очень полезным, – подумал я. – Перед началом главных манипуляций мне не хватает именно таких данных. Необходимо размотать клубок **их** генетических особенностей». Новизна задания бодрила, будоражила воображение. Однажды в полдень, когда дворницкая работа была выполнена, я переоделся все в тот же китайский костюм, надел те же самые вьет-

намские кроссовки и направился в окружное отделение партии «Вперед, Россия!». Их офис находился на улице Льва Толстого. Свежевыкрашенное трехэтажное здание было украшено национальным флагом. «Ты куда?» – спросил меня вахтер. «Хочу записаться в партию». – «А, иди направо, зайдешь в одиннадцатый кабинет». Меня встретил мужчина средних лет. Полное лицо, лысая голова, мелкие, смятые уши, шрам на шее, унылый взгляд, вызывающий жалость. «Тебе чего?» – уставился он на меня. «В партию пришел записываться». – «Деньги есть?» – «Нет!» – «Надеюсь, ты не деньги пришел зарабатывать? Где работаешь?» – «Дворником, в Центральном округе». – «Вот тебе на! Тебе к коммунистам надо шагать, чего ты к нам пришел?» – «Могу, конечно, к коммунистам. Но пришел к вам». – «На что рассчитываешь? В чем ищешь выгоду? Что будешь у нас просить? Должность старшего дворника округа, победу на конкурсе “Самый умный

уборщик России” или место начальника домоуправления?» – «Нет, мне ничего не нужно!» – «Как так?» – «Я ни в чем не нуждаюсь». – «Справка от психиатра имеется?» – «О чем?» – «Что здоров». – «Нет, никогда не брал. Принести?» – «Пожалуй. Ты что, сторонник наших идеалов?» – «Каких?» – «Наших! Другие партии скомпрометировали себя в Думе. А мы самые лучшие». – «Надеюсь». – «Какие задания хочешь выполнять?» – «Любые». – «Любые-любые?» – «Да! Какие дадите». – «Ну да ладно со справкой. В какое время дня ты бываешь свободен? – «Днем, с двух до пяти, и после семи вечера». – «Может, у нас в офисе прибирать станешь? Мусора здесь не так много, окурки да бумага. Но без оплаты. На общественных началах. Я тебе комнатку небольшую выделил бы, метров пять, но с окном. Как?» – «Хорошо! Ничего не имею против вашего предложения. Я в партию пришел не для того, чтобы условия ставить». Я с такой легкостью с ним со-

гласился, что он заподозрил какой-то подвох. По его логике никак не мог обычный человек так просто принять столь невыгодные и унижительные предложения. «А ты, как его, наши веники не уведешь? – прищурился он. – Нынче они больше доллара стоят. А в хозяйственной комнатке их целых три штуки! Да еще метла для улицы стоит, лопата, совок, туалетная бумага. Как ты насчет того, чтобы украсть, а?» – «Меня это не интересует». – «Так красиво каждый сказать может, согласен? Ладно, начинай работать, а там посмотрим. Помни: в нашей партии весь милицейский крупняк состоит! После испытательного срока, может, дам тебе ключи от хозяйственной комнатки. Но чтобы понимал главное: ты работаешь не на коммерческую структуру, а на известную общественную организацию. Если не видишь здесь существенной разницы, то, выходит, молод еще. Не дорос! Наша партия – самая многочисленная в стране. Значит, ты начинаешь трудиться на

свое Отечество. Это очень почетно, парень. Не исключено, что станешь получать более сложные поручения. Например, задействуем тебя в качестве курьера или доверенного лица на важных мероприятиях. Вон у тебя какая мускулатура! Понял?» Я кивнул головой, поинтересовался некоторыми техническими деталями – все ли помещение убирать, нужно ли мыть полы, какими средствами, где расположены мусорные бачки и так далее. Впрочем, вопросы, которые я задавал, вполне укладывались в условия эксперимента, давеча задуманного. Я искал ответ на вопрос, есть ли в политическом сословии нечто такое, оригинальное, что необходимо учесть в будущем, при построении нового генетического ансамбля, – и именно поэтому уже на следующий день начал трудиться уборщиком в офисе партии «Вперед, Россия!». Нынешний эксперимент я не ограничил никакими сроками, терпеливо дожидаясь случая, который объяснил бы специфику партийцев,

характерные признаки **их** гена совести. Что могло быть интересного у **них** для путивльцев? «Мало ли, – правда, скептически думал я, – а вдруг что-то очень даже полезное? Ведь, кроме банальных мыслей из **их** предвыборных призывов, должно же быть нечто непознанное, что позволяет этой породе существовать, делает ее жизнеспособной! Но что?» Дни в офисе на улице Толстого текли уныло, здесь мало что происходило, куда бы я был вовлечен. Но меня не покидала мысль, что очень скоро Землю ждет триумф биологического прогресса. Впрочем, это обстоятельство не вызывало у меня никакой эйфории. Я продолжал выполнять свои функции на обеих работах; моя добрая воля и прилежность в труде заметно сказались на чистоте партийных помещений. Они преобразились: за свои «кукольные» деньги я регулярно покупал освежающий ароматизатор, приобрел пепельницы, расставил на подоконниках горшки с цветами, протирал до белиз-

ны туалетные кабинки и унитазаы. Но моя постоянная замкнутость и молчание вызывали у **них** настороженность и недоверие. Похоже, одни считали меня придурком, другие – затаившимся доносчиком. «Пусть этот рыжий выйдет, при нем я говорить не стану». Или: «Кто нашел этого дебила?» Или: «Вместо мытья полов этому безмозглому шкафу надо поручить скулы конкурентам выворачивать». Но мой обостренный слух *cosmicus* улавливал и другие реплики: «Тебе жениться время пришло. Пол драишь, как проштрафившийся муж». – «В нем столько женственности, он совсем не матерится, не пьет. Что, увлекается парнями?» – «Ему надо доплачивать. Пусть встречает наших гостей на вокзалах и в аэропортах». И эти, с людской точки зрения, оскорбительные высказывания только сильнее убеждали меня в явном превосходстве путивльской ментальности над **ними**. Сравнивая себя и **их**, я снова и снова задумывался над трагической судьбой

человеческого вида и перспективой cosmicus. Одиночество дарило мне необыкновенные возможности для сравнений, однако теперь одиночеством я мог наслаждаться только на тюфяке дворницкого сарая. Сотни людей ежедневно обивали порог офисного здания партии «Вперед, Россия!». Это угнетало мое сознание. Для эксперимента мне нужен был лишь один из *них* – самый типичный представитель партийных кроманьонцев, а не толпы чело­веков из смертельно больной эпохи. И вот однажды меня вдруг вызвал к себе влиятельный функционер и спросил: «Слушай, рыжий, есть ли у тебя приличный костюм?» – «Не совсем понимаю, что вы имеете в виду, но есть китайский костюм». – «Сколько ты за него заплатил?» – «Около сорока долларов». – «А туфли?» – «Вьетнамские кроссовки» – «Цена?» – «Восемь долларов». – «И все?» – «Мне хватает». – «Где ты отовариваешься таким барахлом?» Я ничего не ответил. Он вызвал водителя

и приказным тоном бросил: «Рыжего отвезешь в магазин “Калигула”. Я позвоню, чтобы его приодели. Он должен быть похож на представителя нашей партии, а не на шаромыгу. Усек? Давай, он сейчас спустится. – Потом ко мне: – В шестнадцать часов в “Шереметьево” прибывают наши гости из Екатеринбурга. В виповском зале ты должен встретить господина Струговщикова. Он будет не один. Весьма влиятельный человек и спонсор партии. Поднесешь к машине багаж, отвезешь в гостиницу, поможешь устроиться. – Функционер вытащил из стола бумажник, достал из него триста долларов и бросил их мне. – Возьми! В зале есть бар. Наш гость с удовольствием пьет куантро. Заранее закажи этот напиток и пару стаканов свежавыжатого апельсинового сока. Как только он появится, подходи к нему со словами: “Партия «Вперед, Россия!» приветствует вас в Москве”. А барменша тут же должна предложить ему выпивку. Если кто-то из его окружения

пожелает водки, виски, коньяку и так далее, немедленно заказывай. Понял?» – «Да, но как я его узнаю?» – «Ты что, никогда не видел по телевизору Струговщикова?» – «Прошу прощения, нет». – «Деревня! Подойдешь на паспортный контроль, дашь пять долларов, они на него укажут. Теперь все ясно?» – «Да!» – «Чтобы выглядел с иголки! И меньше болтай. Если спросят о твоей деятельности, скажешь, что начинающий коммерсант, активист партии. О своих тряпках и метлах ни слова! Понял?» – «Да!» – «Тебя ждет водитель. Вначале приведи себя в порядок. Езжай!» Экипировавшись в «Калигуле», я отправился на первое задание партии. Зал VIP представлял собой небольшое помещенье – конечно, только по сравнению с залами Государственной библиотеки или теми, где партия «Вперед, Россия!» проводила многолюдные встречи. Я подошел к пограничнику, протянул ему пять долларов и попросил о помощи. Слава богу, он знал Стру-

говщикова в лицо и пообещал указать на него. Видимо, выглядел я действительно респектабельно, на меня смотрели с уважением и интересом. Я заказал куантро, три стакана апельсинового сока и стал ждать гостей партии в нескольких метрах от паспортного контроля. Вскоре мне навстречу с широкой улыбкой уже шел мужчина средних лет. Большая голова, спортивное телосложение, европейская одежда. Я взглянул на пограничника. Он мне улыбнулся. «Струговщиков!» – так я понял знак – и тоже шагнул навстречу. Приезжий протянул мне руку: «Привет, старина!» – «Добрый день». – «Ты кто?» – «Василий Караманов, партия «Вперед, Россия!», занимаюсь бизнесом...» – «Какими делами вороchaешь?» Я не знал, что ответить, замялся и еле выдавил: «Торговля...» – «Замечательное дело, голубчик. Торговля – венец бизнеса! Нынче в нашей России золотая лихорадка! Старик, скажи, ты сможешь мне помочь?» – «Да!» – «Слушай, я прилетел

из Парижа. Обещал своей дочери купить несколько пар обуви. Но не успел. А утром вылетаю в Сибирь, идут последние съемки моего нового фильма. У нее тридцать шестой размер. Смог бы ты купить несколько пар – зимних и демисезонных?» В этот момент подошла барменша и протянула поднос. «Что у тебя?» – «Куантро и свежесжатый сок!» – «Куантро – не мой напиток! – он взял с подноса стакан сока и жадно выпил. Барменша застенчиво улыбнулась. – Ты знаешь компанию “Пять Д”?» – спросил он меня. «Нет». – «Вот тебе визитка, выполнишь мое поручение?» – «Да!» – «Окей! Значит, девичья обувь!» – бросил он и тут же удалился. «Вы его хорошо знаете?» – спросила барменша. «Нет, в первый раз вижу!» – «Кто же в России не знает Микету Михайлова, известного актера и режиссера? Вы шутите? Я же не стану просить, чтобы вы взяли для меня автограф!» – обиженно бросила она. «Нет-нет, я действительно вижу его впервые...» Тут я за-

метил, как пограничник махнул рукой, указывая глазами на лощеного господина с мечтательным взглядом. «Прошу прощения, вы не Струговщиков?» – подскочил я к нему. «Он самый». – «Я из партии “Вперед, Россия!”». Мы приветствуем вас в Москве. Разрешите угостить вас куантро». – «Куантро всегда кстати. Сонечка, а тебе что?» – обернулся он к своей спутнице. «Я выпила бы... я выпила бы... я съела бы дольку лимона». – «Пожалуйста, дольку лимона», – обратился я к барменше. «На сахаре?» – спросила она. «Да, пожалуй, на сахаре», – ответила спутница Струговщикова. После короткой остановки у бара мы направились в гостиницу «Балчуг». Здесь попрощались. Я вернулся в офис на Толстого. Написал отчет о расходах, дождался функционера, давшего мне задание, рассказал о встрече Струговщикова в аэропорту и положил на стол оставшиеся деньги. О Михайлове не стал говорить. стакан сока, который он выпил, оплатил из своих денег.

«Где ты научился такому порядку? – удивился партиец. – Ух ты какой! Ты что, о карьере мечтаешь? Скажи, ведь мечтаешь же!» – «Нет». – «А почему все расходы только в две строки записал и сдачу принес? Здесь что-то не так! Подозрительно! Если другие, кто делегации встречают, о твоём порядке узнают, помнут тебе бока. Они списки составляют на три-четыре листа с первого задания. На втором, третьем выезде уже тетрадки пишут. А ты – две строчки... У меня есть для тебя другое задание. Ты знаешь, что в ближайшее воскресенье в Москве пройдут выборы в городскую Думу?» Я промолчал, потому что не имел об этом никакого понятия. «Так вот, завтра от моего имени заедешь на фирму “Вигона” к господину Удочкину. Он даст тебе пятьдесят тысяч долларов. Эти деньги необходимо отвезти в офис профашистской партии “Национальное негодование” господину Покорному. Они должны организовать массовый митинг в поддержку

нашего конкурента. Передай деньги и проверь, как они готовы к этой акции. Я должен знать, какое количество плакатов, портретов, транспарантов, листовок будет использовано в этом шествии. Они обещали вывести на улицы до семи тысяч человек. Реальна ли эта цифра за два дня до митинга? Усек?» – «Да». – «Какие ко мне вопросы?» – «Прошу прощения, как ваше имя? Я знаю, что вы мой начальник, но не больше...» Функционер улыбнулся и бросил: «Начальство надо знать не только в лицо. Моя фамилия Куракин, Степан Степаныч Куракин. Как, слышал?» – «Да, понятно». В секретариате я взял адрес фирмы «Вигона» и вышел из офиса. На мое место уборщика был уже принят другой парень. «Почему они финансируют митинг фашистов, поддерживают своего конкурента? – подумал я. – Видимо, чтобы дискредитировать его. Чтобы избиратели пришли в ужас от “сторонников” претендента. И отдали голоса *их* кандидату! Какой извращенный ум у

человеков! Чего, в таком случае, могут стоить *их* предвыборные обещания? Ген лжи развит у *них* самым невероятным образом». Вечерние часы я решил посвятить господину Михайлову. Направился в дворницкую, достал часть сбережений и засеменял в обувной магазин на Садовом кольце, вблизи Планетария. Мне было не просто любопытно – я шел на эксперимент с обувью с благоговением, стараясь запомнить все детали этой истории, чтобы иметь еще один ракурс представления о человеческом материале, который, по моему мнению, нуждался в срочной модификации. «Поглядим, Василий, чем закончится столь необычная страничка: первого встречного просить купить дочери обувь. К тому же проситель, оказывается, представляет элитное сословие. Прекрасная интрига!» – думал я. Признавшись продавщице, что не имею никакого опыта в приобретении туфель для девушек, я попросил помочь мне. «Какой размер?» – понимающе улыбну-

лась она. «Тридцать шестой». – «Зимний тридцать шестой покупать без примерки опасно. Могут оказаться маленькими. Возьмите две пары: тридцать шестой и тридцать седьмой. Если одна из пар не подойдет, принесете назад». – «Хорошо», – согласился я. Одним словом, меня уговорили купить восемь пар. Две модели по две – зимние, две по две – демисезонные. «Надули, сбывли товар, увеличили оборот», – мелькнуло у меня в голове. Я был уже давным-давно убежден: людей известными методами изменить никак нельзя. «Мутационный застой царствует в этом виде!» – усмехнулся про себя я. Фирма «Пять Д» располагалась в Большом Козловском переулке. Я перешел на внутреннюю сторону Садового кольца и побрел по указанному в визитке адресу. Тут меня стала настойчиво одолевать мысль, что для того, чтобы считать себя истинным путивльцем, мне настоятельно необходимо вернуться в родной город. «Что, опять встречаться и жить рядом

с известной по Путивлю публикой? А почему нет? Ведь я не сделаюсь человеком, я сотворю из **них** путивльцев». Картинки моего горького детства стали преследовать меня со всей беспощадностью. Но если раньше, буквально несколько лет назад, они вызывали у меня бесконечные переживания, желание сделать все для **их** скорейшего исчезновения, то теперь я ощутил жалость, сострадание, легкую иронию по отношению к этим людям, к человекам вообще. А ненависти в моем сердце уже не было. Я как бы примирился со статусом *cosmicus*, существующего бок о бок с **ними**. Повзрослев, прочитав много умных томов, я узнал больше о себе, лучше изучил **их**. И вдруг открыл в себе незнакомые прежде душевные нити, связывающие меня с этими порочными существами. Нет, никаких симпатий к **ним** во мне не было и не могло быть. Но если до сих пор я был уверен, что путивльца охраняет ум, что им движет исключительно сознание, то тут вдруг откры-

лось нечто новое, сердечное! Я и не предполагал, что у меня есть сердце, – не как технический орган, а как чувствующий. Что это? Насколько необходимо оно cosmicus – не как аппарат насыщения клеток кислородом, но как чувствующий лоскуток материи? Чувствующий не глобально, а периферийно, не за весь космос, а за самого себя. Я поймал себя на мысли, что появившиеся во мне мягкость и терпение по отношению к человекам есть результат того, что во мне «открылось сердце». Я стал не злиться на *них*, а иронизировать по поводу *их* несовершенства. Я начал приходить к пониманию, что *их* пороки – не от злого умысла, что, может быть, встреча cosmicus с *ними* случилась несвоевременно. Если бы я встретился с кроманьонцами через миллион лет, то *их* генный ансамбль был бы уже рационально изменен мутациями, то есть самой природой. И я бы увидел наделенных универсальным разумом путивльцеподобных существ, рядом с

которыми комфортно было бы жить где-нибудь во Вселенной. А на кого сейчас сердиться? С кого спрашивать, что я сам не вовремя оказался в Путивле? Но тут другая мысль возникла словно бы наперекор предыдущей: «Если не заменить человек в ближайшее время, то через миллион лет встретиться будет не с кем. Не услышанный, не востребованный, не воспринятый разум кончает жизнь самоубийством. Такие случаи описаны давно. Жаль». Именно после этих размышлений я стал называть **их** «мои незамысловатые кузены». Тут я пришел в себя, осмотрелся, взглянул на название улицы и понял, что почти у цели. Пройдя еще два строения, я оказался у дома номер одиннадцать по Большому Козловскому переулку. Меня встретил вахтер: «Куда?» – «Я принес обувь по просьбе Микеты Михайлова. Для его дочери». – «Кто ты такой, паспорт есть?» – «Есть удостоверение дворника музея Серова». – «Ты чего гонишь, какой ты дворник? У тебя

прикид за пять тысяч долларов! Открой сумку, рыжий», – взялся охранник за дубинку. Я распахнул полиэтиленовый пакет. Он осмотрел обувь и спросил: «Ты чего, правда дворник?» – «Да». – «Хорошо платят или торгуешь картинами? Сколько твой Серов стоит?» – «Бог его знает. Платят нормально, картинами не торгую, цену серовским полотнам не знаю». – «Слышишь, хватит дурить, а? Небось, башмачками тоже приторговываешь?» Я подумал: «Ну, как можно злиться на несовершенство? Он-то абсолютно не понимает, и вокруг него тоже никому в голову не придет, что *их* жалеть надо. На бракованную вещь не злятся, на ее производителя собак не спускают. Не станешь же лаять на природу... Ну так что,пустишь? Или у тебя обувь оставить?» – взглянул я на него в упор. Здоровый мускулистый парень, лет тридцати. Глаза зеленые, небольшие, как оливки в борще столовой «Вперед, Россия!». Широкие скулы, большой рот. Срезанный

подбородок. «Чего уставился?» – поднимает он дубинку к поясу. «Жду». Охранник с недовольным видом снимает трубку: «Тут шефу принесли обувь. Говорят, что они заказывали. Чего делать? Слушаюсь! – Потом передает трубку мне: – Ответь!» «Расскажите, о чем идет речь?» – услышал я в трубке мужской голос. «Михайлов просил меня купить дочери обувь. Я ее принес. Вот вам вся история». – «В сумке только обувь или еще что-то?» – «Ничего другого. Восемь пар обуви!» – «Вы получили деньги под расчет? Или хотите оставить сдачу?» – «Деньги я вовсе не получал. Он просил купить зимние ботинки и демисезонные туфли». – «А почему восемь пар купили? На чьи деньги?» – «Или возьмите пакет, или соедините меня с Михайловым», – недовольно бросил я. «Минутку... Он сейчас занят, но просил, чтобы вы оставили обувь у охранника». – «Больше ничего не сказал?» – «А что вы еще от него ждете?» – «Как что?..» Впрочем, я тут же передал

трубку охраннику, положил на пол покупки и вышел на улицу. Этот небольшой эпизод лишь усилил желание как можно быстрее вмешаться в генетику человека. «Какие несчастные: у *них* совершенно нет способности смотреть на себя со стороны!» Я медленно поплелся по Бульварному кольцу к себе в Староваганьковский переулок. От непривычки носить модельную обувь на ноге вздулся пузырь. У Государственной библиотеки меня подобрал партийный «Мерседес» и доставил на фирму «Вигона», где я сразу был препровожден в шикарный кабинет господина Удочкина. На вид ему было лет тридцать пять – сорок. Короткие светлые волосы, едва заметная бородка, бегающие глаза, небольшой вздернутый нос. «Слушай, “Вперед, Россия!”, я уже устал спонсировать вашу контору. Можешь сказать Степанычу, что мою фирму со всех сторон обложили чиновники. Каждый просит, тянет, выцарапывает. Устал! Порой хочется все бросить и уехать в

Мексику. Какой тут бизнес! А он еще присылает всяких экспертов и безмозглых ученых... То им книгу надо помочь напечатать, то командировку во Францию оплатить, то денежное пособие выдать! Они спорят, кто придумал Евросоюз, а я должен деньги платить! Нынче достает меня из инвестиционного фонда какая-то пустопорожняя, амбициозная тетка – то ли Плинкина, то ли Млинкина. Так и хочется послать ее на х... Теперь с этим митингом. Возьми деньги, но больше в этом году на меня не рассчитывайте. А если Степаныч не снимет осаду чиновников и экспертов, то в будущем году я найду себе более комфортную крышу. Запоминай и все дословно повтори своему шефу. – Он небрежно положил на стол сверток. – Как обещал, в пакете пятьдесят тысяч. Забирай! Вопросы есть?» – «Нет! Все понял. Так я пошел?» – «Перед получением денег вы, словно ужи, увиваетесь вокруг Удочкина, а взяли деньги – уноситесь как угорелые. Больше сказать нечего?»

– «Прошу прощения, господин Удочкин, я курьер, других полномочий у меня нет. Могу лишь обещать, что ваши слова передам Куракину. Чего вы от меня еще ждете?»

– «Ничего! Что сказать курьеру? Но вид у тебя, как у заморского джентльмена! Давай, пока! Не забудь передать Степанычу: работать на бюрократов и никчемных ученых устал! Пошли они все на х...». «А может, это я обычный человек, только немного сумасшедший? – вдруг подумалось мне. – Или не немного, а полностью. И все размышления о несостоятельности рода homo sapiens – лишь плод моего болезненного воображения. Ведь мать у меня была наркоманкой, отец убийца, – в глазах людей я какой-то потомственный выродок! **Они**, возможно, знают обо мне значительно больше, чем я сам о себе. Я нигде не принят, меня никто никогда никуда не приглашал. Ни одна девушка не захотела со мной знакомиться, ни один парень не захотел со мной говорить – а их в библиотеке сотни!

Конечно, значительно меньше, чем в магазинах – там их миллионы, – но все же есть! Коллектив библиотеки меня не замечает, музейные работники уже несколько лет чуждаются Караманова. Из театра меня выгнали, в офисе партии “Вперед, Россия!” я несколько месяцев лишь драил полы, мыл окна и унитазы, ухаживал за цветами, – на меня никто не обращал внимания. Михайлов попросил купить обувь – и даже не принял, не сказал спасибо, не вернул деньги! Однозначно, **они** ко мне относятся как к идиоту. Бесчувственному существу, роботу: подай, принеси, убери, подмети! На что еще способен Василий Караманов? Как это все выдает людей! **Они** видят во мне пустышку, кретина. Ну, кто из **них** в моем возрасте с удовольствием метет улицы? Неудачник! Психически больной! Неполноценный! Ведь все прочие находятся в постоянной погоне за финансами, за положением в обществе, за местом в тусовке, за сексуальными удовольствиями. А кто я?

Если меня эти устремления не волнуют, а они наиболее типичны для россиян, то как ко мне относиться? Кого во мне видеть? Такое ощущение, что я действительно сумасшедший! Может, оставить эту мою идею, которая выдает во мне умалишенного, и найти счастье в жизни моих незамысловатых кузенов? В нынешней жизни? То есть не думать ни о каком будущем? Исключительно сумасшедший может размышлять о проектах, которые реализуются через жизни многочисленных поколений. Когда-то и где-то там, в неведомом! Типичный человек мечтает получить все в своем отрезке времени. Что ему будущее? Зачем прошлое? Действительно, перестать воспалять разум и принять *их* принципы существования. Ведь это не так уж сложно! Зарабатывать деньги я уже научился: трюки, использованные мной у подъезда Генерального штаба, сохранятся у *них* на все времена и во всех сферах. Дуришь офицера, пенсионера, почтальона, всё ведом-

ство, страну в целом. Богач! Олигарх! Красота! Вон сколько таких дурил в обществе! Оно пухнет от *них*. И все востребованы: на экранах, на площадях, в Кремле! *Им* пишут оды, сочиняют стихи, музыку, *их* назначают министрами, советниками, народными артистами. Попробовать? А вдруг получится? Учредитель фирмы “Я” – Василий Данилович Караманов. Предприниматель Караманов: доктор наук; академик РАН; заслуженный юрист; мастер спорта международного класса; член высшего совета партии “Вперед, Россия!”; приближенный Патриарха; постоянный участник встреч предпринимательской элиты с Председателем правительства; главный спонсор общественного движения “Возрождение казачества”; член редколлегии журнала “Высота взгляда”; депутат Государственной Думы; министр федерального правительства; любовник Монарховской, Покамады, Ролиной; заместитель председателя Правления банка “Аллегро”; друг мэра, собутыльник спи-

кера Мелезнева, советник секретаря Совбе-за; попечитель приюта незаконнорожденных детей олигархов; член общественного совета по соблюдению закона о предоставлении личных свиданий заключенным “Матросской тишины”; колдун Роисеева, приятель Биронова, завсегдатай давосского экономического форума, тамада первомайского застолья крупнейших работодателей России! Вот так вам всем! Состоялся Караманов? Начнете любить Василия Даниловича? Станете приглашать его на тусовки, поить чаем, кормить шашлыками, целовать в губы, лезть к нему в постель, петь дифирамбы, присваивать почетные звания? А ведь альтернатива всему этому золотому времяпрепровождению очень сомнительна! На *их* взгляд – просто сумасшедшая альтернатива. Что привлекательного можно найти в жизни молчаливого дворника, в тьюфяке, набитом ветошью, в дряхлом сарае, в чтении мало кому известных авторов, в раздумьях над новым гене-

тическим ансамблем путивльца, в постоянных экспериментах, в бесконечных пробах? Что во всем этом соблазнительного? Кто в состоянии обменяться такими жизнями? Кто посмеет пренебречь первой во имя второй? Кто предпочтет незаметное, жалкое существование, которое влачу я? У кого найдется такая сила духа, такой размах воли, чтобы заняться чем-то другим, кроме ублажения собственного Я? Забыть соблазны человеческого мира, не обращать внимания на шикерию, игнорировать роскошь, презирать почести, не интересоваться богатством, закрыть сердце перед женщинами, пропускать мимо ушей хвалу, чихать на внешний вид, на приближенность к сильным мира сего! Разве есть такой россиянин? Можно ли с ним встретиться? И все же, если взглянуть на себя *их* глазами, я абсолютно ненормальный. Тихий, но спятивший, выживший из ума. С утопическими фантазиями шизофреника. – Тут я усмехнулся: – Вот-вот, все, что сейчас при-

шло мне в голову, – это мнение человекoв. Именно **они** так думают. И пусть **они** считают меня сумасшедшим, это даже весьма кстати. Но я-то знаю себя, как никто другой! Попытаться изменить **их** биологический вид к лучшему – вот истинная добродетель путивльца, существа совершенно новой мутационной эпохи. **Они** никогда не ценили благодать природы. **Они** понимают ее как собственность, не подозревая, что являются ее стволовым продолжением. Но мой искренний призыв к началу нового витка эволюции, к активному участию в собственном биологическом совершенствовании не вызовет у **них** никакого энтузиазма. В **их** генах закреплена лишь потребность к спросу! Поэтому я должен четко понимать, что для всех окружающих Василий Караманов – идиот. С этим мнением необходимо смириться, ничего другого ни в коем случае не доказывать». Успокоившись, вновь обретя внутреннюю уверенность, я взглянул в окно автомоби-

ля и прочел название улицы – Милютинская. Мы подъезжали к небольшому строению, к дому номер семнадцать. «Мерседес» притормозил. Здесь в полуподвальном помещении располагалась профашистская партия «Национальное негодование». Прихватив с собой пакет с деньгами, я спустился в партийный офис и спросил господина Покорного. «Среди нас господ нет, уважаемый товарищ», – сказала молодая прокурорная женщина в ярко-желтой кофточке. Она была маленькая, щупленькая, с мешками под глазами. Пачка сигарет висела на шнурке прямо на ее плоской груди. Так обычно женщины носят ювелирные изделия. «Прошу садиться! Товарищ Покорный сейчас к вам выйдет. Как доложить?» – «Скажите, пожалуйста, что приехали с улицы Льва Толстого», – мне не хотелось называть партию, от которой я прибыл. «Льва Толстого, от движения “Вперед, Россия!”?» – «Точно». – «А, ну тогда проходите в кабинет». Господин Покорный оказался не-

высоким, толстеньким, заросшим бородой человечком. Без удивления, но крайне почтительно он поднялся со стула, протянул небольшую ручонку и сказал: «Я жду вас уже целых три часа! Привезли?» – «Да. Все, что вам обещали, вот в этом пакете». Он лихорадочно принялся разрывать бумагу, в которую были упакованы деньги. Увидев перед собой десять пачек пятидесятидолларовых банкнот, господин Покорный судорожно схватил их, прижал к груди и пропищал: «Революционный инструмент получен. Мало! Мало! Но можно действовать! Дайте мне деньги, и я переверну мир! Скажите, – обратился он ко мне, – есть ли возможность поднять ставки? Хотя бы еще десять тысяч, лучше, конечно, тридцать! Наша партия остро нуждается в долларах, евро, фунтах, рублях. Соображаете?» Мне показалось, что он играет в легкое помешательство на идеологии. «Прошу прощения, я всего лишь курьер. Этот вопрос вам надо задать Куракину». – «А у вас деньги есть?»

– «Да». – «Сколько?» – «Пять или семь долларов». – «Дайте их нам! У нас огромные расходы: шутка ли, поднять семь тысяч человек! Дайте, дайте ваши деньги!» Я протянул пятидолларовую купюру. «Вы сказали – семь, а даете пять? Почему экономите на наших затратах? Революция – дорогое дело!» Я отдал еще два доллара, думая совсем о другом, а Покорный между тем продолжал: «Я безоговорочно предан идее обновления России. Больше всего меня злят олигархи. Они стали теперь скупать крестьянские земельные наделы. Куда мы денем аграриев? Их больше тридцати миллионов! “ГУЛАГ для богачей!” – вот предвыборный лозунг нашей партии. Вы понимаете масштаб зова?» Его писклявый голос вернул меня к реальности. Я сказал: «Господин Куракин хотел узнать, как вы подготовились к митингу». – «Мы готовы на пятьдесят тысяч семь долларов, и не больше! Пусть прибавит еще пятьдесят, тогда мы будем готовы на сто тысяч семь

долларов. Так и передайте! У нас тридцать плакатов, на которых наши девушки в партийной форме целуют вашего опасного конкурента Паренаго. Пятьдесят транспарантов с надписью: “Паренаго вместе с нашей партией переделает Россию и весь мир”. Сто постеров, на которых Паренаго шагает в наших рядах, двести портретов, на которых он красуется в партийной форме, с подписью: “Голосуйте за кандидата партии «Национальное негодование»!” Довольны? Скажите Куракину, что мы можем удвоить наглядную агитацию. Тогда у вашего конкурента не останется ни одного шанса. В округе, где проводится голосование, партия имеет три процента. Не наша публика. Мы сильны в других регионах, в других слоях общества. Что это означает для вас? Паренаго наберет не больше пяти процентов! Ваш кандидат проходит в городскую Думу. Празднуется победа! Еще пятьдесят тысяч долларов, и дело сделано. Скажите об этом Куракину». Я спокойно

слушал пылкую речь партийца. Он не подыскивал слова, а говорил быстро, словно заученными фразами. «Хорошо», – отозвался я и поднялся из полуподвала на улицу. Поучительный пример полного разлада в генной машине человекoв увидел я на примере Покорного. Бездна *их* духовной действительности утомила меня своей безобразной непредсказуемостью. Я вновь подумал, что у путивльцев над всем должен господствовать разум. Через двадцать минут я был уже в офисе партии «Вперед, Россия!». Около часа пришлось ждать Куракина, делавшего доклад на каком-то совещании. Я доложил ему о встречах с Удочкиным и Покорным. Он почти не слушал, то и дело разговаривая по телефону, и в какой-то момент остановил меня: «Слушай, Василий, меня эти стоны страждущих совершенно не интересуют. Откажется Удочкин оплачивать наши счета – закроем его бизнес. Разговор тут короткий. У нашей двери стоит очередь таких типов. Не мы их

ищем, а они сами просят нас принять капиталы для выборов. Да, именно так! Предложение фашистов интересное. Чтобы окончательно раздавить Паренаго, необходимо доплатить этому Покорному требуемую сумму. У меня мало времени, так что слушай: без моего звонка сам отправляйся к Удочкину и потребуй деньги для партии “Национальное недовольство”. Если он откажет, скажи ему, что Куракин пригрозил закрыть бизнес. Думаю, он даст тебе необходимую сумму. Деньги отвезешь в офис фашистов. По этому вопросу все. Потом заедешь в типографию “Основной инстинкт” – это на Пресне, – возьмешь у них семьдесят тысяч листовок в поддержку Паренаго и тридцать пять тысяч долларов – откат за размещение заказа. Производство листовок оплачивал наш спонсор, трастовая компания “Мамон”. Все это передашь в консалтинговую фирму “Ямин и дочери”. Они обязались под утро в воскресенье расклеить эти листовки на лобовые стекла ав-

томобилей всего округа. На листовках специальный клей, просто так их не сорвешь. Тут нужен адский труд. Так что наш конкурент Паренаго надолго застрянет в печени избирателей. Затем заедешь к Горпиницу, водитель знает адрес. Возьмешь у него взрывпакет и доставишь к началу встречи с избирателями партии “Родная сторона”. Встреча состоится в зале “Россия”. Там передашь его Рылобойщикову – ты должен его знать, он частенько околачивается в четырнадцатом кабинете. Напомнишь, пусть взрывает пакет минут через пятнадцать после начала встречи. Не волнуйся, к настоящей бомбе он не имеет никакого отношения. Это специальный газ: вонища такая, словно всех опустили с головой в яму с дерьмом. Через минуту все разбегутся. Встреча будет сорвана. Голосов избирателей у них окажется меньше, чем у нас. Теперь ступай. Я должен уезжать. Завтра утром доложишь». Я вышел из кабинета, спустился к себе в каморку и присел на стул:

«Неужели это **их** типичный образ жизни? В этом и есть **их** политическая этика? Имидж элитного сословия? Чем выше каста, тем безобразнее мораль! Чем богаче новые русские, тем аморальнее **их** поступки. Даже в тюрьмах и лагерях я такого вероломства не встречал! Надо бежать от **них**. Немедленно укрыться в одиночестве». Я снял с себя модный костюм иностранного производства, развязал галстук, расстегнул сорочку, стащил ботинки и облегченно вздохнул. Возникло такое ощущение, что я вернулся в привычную, правда, временную среду. Стремление к новой путивльской жизни захватывало все неотступнее. Но внутренний голос успокаивал: «Подожди, Караманов! Еще немного надо потерпеть. Скоро, скоро все начнется». Самоуверенной походкой, преисполненный решимости действовать дальше, преступить все границы дозволенного, но добиться своего, я навсегда оставил офис партии «Вперед, Россия!». По дороге в свою лачугу я

вдруг вспомнил, что думал некоторое время пробыть среди ученых, чтобы провести дополнительные эксперименты. Что они дадут нового? И какую науку выбрать? Мне нужны были один-два эпизода общения с учеными людьми, чтобы понять **их** полезность в моей программе. Пойти к математикам? Это неопределенно и долго. Обратиться к физикам? В качестве эксперта по «единообразию концепции несимметричного тензора поля» или другой темы? У солидных физиков необходимо оформлять специальный допуск в **их** центры. На это могут уйти месяцы. А мне время терять нельзя. Постучаться к генетикам? Боюсь, **они** чрезвычайно консервативны, можно оказаться в трясине, выбраться из которой будет не так-то просто – и, опять же, на это потребуется время. К биологам, химикам, экономистам? Экономисты – самые мобильные. И к ним напрямую обращаться вовсе не надо: выбрал на компьютере статистику, взял карандаш и готовь анализ!

Сейчас начало апреля 2004 года. Значит, за 2003 год цифры в статистическом ведомстве уже есть. Вот и тема: «Анализ экономического развития России за 2003 год». Пишу работу, прихожу в исследовательские институты, предлагаю обсудить. Есть контакт! А он-то мне и нужен. Значит, можно изучить *их* особенности и меру полезности в создании совершенно нового букета генов. Ну, отлично, довольно быстро определился. Завтра же начну работать. Зайду в интернетовский библиотечный зал и стану просматривать динамику показателей, набирать материал для статьи. С этими мыслями я дошел до своей хибары в Староваганьковском переулке и завалился на тюфяк, ощущая облегчение от того, что так быстро порвал с сословием политических интриганов. Тут мне пришло в голову, что среди всех слоев общества дворники – самые независимые. Впрочем, делать такое умозаключение я не вправе, так как не знаком ни с одним из своих коллег по уборке

дворов и улиц. Потом мысли стали расплываться, преобразуясь в не совсем ясные, короткие, призрачные видения. Запустение воцарилось вокруг меня. Наконец, я отчетливо увидел перед собой выгребную яму, и какой-то незнакомый, напористый голос приказал: «Эй, рыжий, начинай!» «Что он имеет в виду?» – подумал я. Голос тем временем продолжал: «Пока не вычистишь эту трехметровую колдобину, не видать тебе путивльского царства!» Поначалу растерявшись, я, однако, быстро взял себя в руки: «Что он меня пугает? Я же не человек, работы не боюсь. Трехметровая яма? Ну, сколько мне надобно? Два часа, три, пять? Ради биологического прогресса я готов на все! Если вопрос стоит так, то хоть сто лет буду вычищать!» Глубокая путивльская сосредоточенность позволяла работать азартно, напористо. Справа и слева от меня росли горы людских отходов. Запах стоял удушающий. Но казалось, прошел не один год, а уровень дерьма в яме не умень-

шался. Он возрастал. И незнакомый голос пропал, и людей никого вокруг не было, а я все продолжал и продолжал работать. Наконец, оказавшись выше пояса в шлаках, я задумался: зачем мне был навязан этот сизифов труд? Что это за намек? Кто-то посылает мне сигнал, что мир путивльцев никогда не наступит? Чепуха! Обязательно придет *наше* время! Это у *них* ничего не получится. Тем временем я оказался уже по горло в дерьме. От горизонта до горизонта во все стороны простиралось море вонючих шлаков. Чтобы продолжить борьбу и доказать всем, и прежде всего самому себе, что cosmic – это новый эволюционный этап развития разума, я поплыл. Стремительно и воодушевленно. Со смердящей стихией я боролся очень долго: день и ночь десятки тысяч раз сменяли друг друга. Но силы нисколько не покидали меня. Более того, они росли. Когда я, наконец, увидел на западном горизонте ленточку голубизны, то вначале подумал, что это мираж. Но по мере

приближения к этой полоске я стал слышать шум волн, крики чаек, ощутил соленый бриз моря. Я уже видел прозрачную, наполненную солнцем воду, игру дельфинов, полет летучих рыб. «Как это, – подумал я, – где же этот самый рубеж между фекалиями человеческими и райскими кущами путивльцев? Что, между уходящим и приходящим биологическими видами нет никакой твердой границы? Заканчивается желтая отвратительная жижа – и буквально тут же начинается прекрасный мир путивльцев? Значит, между нами нет даже одного шага? Неужели я так близок к людям? Ведь нет никакой промежуточной линии, где в мутной жидкости смешивались бы два вида – *homo sapiens* и *cosmicus*, где появилась бы порода, потерявшая некоторые черты человека, но еще не успевшая обрести во всей полноте приметы путивльцев. Ведь между ослом и лошадю имеются мулы, между тайгой и тундрой – лесотундра, между рыбами и млекопитающими – зем-

новодные, между днем и ночью – сумерки. Почему же ничего нет между кроманьонцами и путивльцами? Но между неандертальцами и кроманьонцами тоже ничего не было! Пару тысяч лет они существовали вместе, а потом неандертальцы вымерли. Видимо, чтобы из людей сотворить истинных путивльцев, понадобится тысячелетие. А как мне одному с этим справиться, если главный вопрос – значительное увеличение продолжительности жизни – не решен? Я просто не успею! Например, пауку, чтобы из Путивля добраться до Владивостока, понадобятся тысячелетия. Давай, Караманов, точно подсчитаем: между этими городами – восемь тысяч километров, то есть восемь миллионов метров. Домовый паук в день преодолет десять, пусть двадцать метров. В любом варианте, чтобы покрыть этот путь, он затратит от одной тысячи ста до двух тысяч двухсот лет. Так и я – откуда мне взять такой ресурс времени? Остается одно: решить проблему бессмер-

тия. Как, одному? Да! Пока одному. Ведь я совершенно один в течение, казалось, вечности преодолевал человеческие фекалии и добрался-таки до путивльского океана! И никакой помощи homo sapiens не чувствовал. В будущем обществе люди абсолютно не будут востребованы. Я первый поставлю **им** шлагбаум. **Они** не в состоянии принять вызов эволюции!.. Но паука ведь можно взять в спичечную коробку и самолетом доставить во Владивосток. На это уйдет не больше десяти часов! То есть я могу использовать новейшие технологии для ускорения мутационных процессов и добиться бессмертия еще при собственной жизни. Только для себя? Конечно, никто из **них** мне там не нужен! Но есть живущие маститые ученые, чьи книги я с удовольствием читаю: Джеймс Уотсон, Виктор Маккьюсик, Игорь Шафаревич, Джозеф Стиглиц, Илья Пригожин, Роберт Мертон, Леонид Корочкин, Алексей Абрикосов, Юрий Алтухов и еще десятки, сотни людей. Как по-

ступить с *ними*? Восхищаться *их* мыслями, но не замечать *их* отсутствия? Проводить *их* в вечное ничто без капли сожаления, без горечи утраты в себе самом?» Тут во мне опять проснулся голос сердца, что было совершенно не по-путивльски: надо найти компромиссное решение этого тяжелейшего вопроса... Где же, однако, берег? Куда плыть? Сколько еще осталось? Или для того, чтобы стать истинным путивльцем, мне вначале необходимо превратиться в существо, живущее в воде? Впрочем, этой неожиданной мысли я несколько не испугался, даже усмехнулся, подумав: а из кого же тогда лепить cosmicus? Вокруг нет никакого другого материала, кроме меня самого. Неужели только из Василия Караманова? Если обстоятельства вынуждают, то готов с удовольствием принять вызов! Я продолжал плыть по лазурной глади моря, а берег никак не показывался. Но я не искал никакого утешения, мне нравилось находиться одному в безбрежных про-

сторях океана. Я мечтал покорить эту сияющую бездну, стать ее интеллектуальным хозяином. Надо отметить, что путивлец Василий Караманов никогда не мечтал о материальном благополучии. Деньги, ценности, другая собственность не интересовали меня вовсе. Если бы я оставил жизнь в Москве, в любом другом городе, мне не с чем было бы прощаться: дома, наполненного аксессуарами комфорта, я не имел и никогда не стремился иметь. Он был мне не нужен. Аскетическая обстановка лачуги способствовала вечному стремлению к одиночеству, побуждая к чисто путивльским размышлениям. Впрочем, и какое бы то ни было величие, кроме величия разума, было для меня анахронизмом. Что такое роскошь и почет для cosmicus? Это только у моего незамысловатого кузена они могли вызывать восторг. Стремление к ним попросту не заложено в наш генный ансамбль; так чем же тут гордиться? И еще: именно в это время я обнаружил в себе со-

вершенно феноменальную способность – ничего не есть. Я пил океаническую воду, она была совсем не соленой. И другого ничего не хотел. Это обстоятельство радовало меня: я вспомнил свои соображения о том, что путивлец должен быть рентабельным, и на себе почувствовал, как эти соображения реализуются. Другое обстоятельство еще больше удовлетворяло меня: всю жизнь я мечтал о полном одиночестве – и вот получил его! Полное! Бескрайнее! Не успел я об этом подумать, как прозвенел будильник. Я очнулся, нехотя, через силу открыл глаза, ухмыльнулся тому, что все, что я принимал за реальность, было лишь сном. Мысли продолжали проясняться, я полностью очнулся, собрался, позавтракал и вышел на работу. Во время уборки музейного двора я вспомнил о своем решении подготовить анализ состояния российской экономики. И почувствовал некоторую растерянность: этот проект был задуман в реальности – или во сне? Четкого ответа на

этот вопрос я никак не находил. «Помутнение памяти? Что-то новое происходит в моей голове». Закончив работу, я вернулся в сарай, помылся, переоделся и направился в Государственную библиотеку. Свой труд я назвал так: «Российская экономика в тисках ошибок». На две недели я вошел в него полностью: настойчиво знакомился со статистикой, анализировал цифры, размышлял о ходе реформ, о возможности административной перестройки. И только после того, как собрал многочисленные материалы, я все свободное от основной работы время уже не покидал лачугу и на стареньком компьютере тщательно набирал статью. Экономическая аналитика и несколько публицистических мыслей легли в основу моего материала. В нем не было ничего особенно выразительного или впечатляющего. Это были мысли независимого исследователя, объективные и бескомпромиссные, которых так не хватает современной России. Когда работа была завер-

шена, я купил пачку бумаги – интернета у меня не было, – распечатал текст и решил направиться по адресам научно-исследовательских институтов и редакций газет. Меня чрезвычайно интересовало, как оценят труд путивльца столичные эксперты. Редакции многих центральных газет находятся в самом центре города, то есть рядом с музеем Валентина Серова. Мне понадобилось пятнадцать минут, чтобы пешком добраться до «Вестей». При входе в редакцию останавливает охранник: «Вы к кому?» – «К редактору», – отвечаю я. «К самому Михаилу Божокину? Он вас ждет?» – «Нет. Я здесь ни с кем не знаком. Принес экономическую статью. Хочу предложить ее газете». – «А, тогда пройдите к телефону. Номер справочной указан на панели». Я набрал указанный номер. Женский голос посоветовал оставить материал на проходной. «Я позже спущусь и сама заберу его. Звоните через пару дней», – произнесла дама. После этого я направился в

«Столичные новости», редакция которых находилась напротив газеты «Вести». Потом съездил в другие общероссийские газеты. Ни один из сотрудников редакций не согласился со мной встретиться. Каждый предлагал лишь вестинский вариант: оставить статью на проходной. «**Они**, видимо, думают: что там мог написать Василий Караманов, неизвестный автор?» – мелькало у меня в голове. На следующий день я направился в Институт экономики, потом в Научно-исследовательский финансовый институт, затем в Институт мировой экономики, а уже под конец рабочего дня – в Институт экономики переходного периода. Попытки установить контакт с научными сотрудниками этих центров оказались вообще нулевыми. Телефонный разговор обычно был очень коротким. Я едва успевал сказать: «Добрый день, я подготовил аналитическую статью о состоянии российской экономики и хотел показать вам», – как слышал короткий комментарий: «У нас

выдача рецензий – платная услуга: одна страница стоит двадцать долларов. За чтение же одной вашей страницы мы берем два доллара. Начинайте разговор с другого: согласны ли вы с тарифами и какой у вас объем текста». Я заикался, совершенно не зная, что ответить на такой неожиданный вопрос. Честно говоря, я и не подозревал, что за вхождение в научные круги надо платить! На этом разговор заканчивался... Страна, в которой я жил, все больше огорчала меня, и я сожалел, что не мог изменить окружающий мир мгновенно. Медленно возвращаясь в свою дворницкую хибару, я снова думал о том, что сегодня люди находятся в состоянии глубочайшего кризиса. И речь здесь не о морали – биологическая катастрофа ожидает *их*! Через несколько дней я позвонил в «Вести». Знакомый женский голос небрежно бросил: «А, Караманов, прочли вашу статью. Но она огромная – в ней пятнадцать страниц. Это целая газетная полоса! За полосу мы

берем тридцать, даже пятьдесят тысяч долларов. Я говорила с редактором, он согласился разместить ее за двенадцать тысяч долларов. Принесете деньги наличными – через два дня материал будет опубликован. Алло, вы еще на линии?» Потрясенный, я повесил трубку. Что же я написал такого, что за публикацию необходимо платить столь огромный капитал? В ней что, реклама товара *cosmicus*? Что, между строк **они** прочли, что я беру гонорар за опутивливание? И этот гонорар исчисляется пятизначными долларовми цифрами? Я стал вспоминать некоторые абзацы моего материала, чтобы еще раз попытаться понять, в чем тут дело. Я писал: *«Никакого тайного соблазна или злого умысла анализировать состояние российской экономики современного этапа у меня нет. Мотив, вынуждающий меня в первый раз обратить ваше внимание на грубейшие ошибки экономической политики власти, можно найти в гражданском чувстве, в том состоянии ума и серд-*

*ца, к которому медленно, но приходят россияне. В этом чувстве сквозит дух доброты и боль за судьбу нации». За такие строчки газетчики берут деньги? Может, за другой абзац они решили выставить счет? «Россия переживает жесточайший кризис. Мы стали мало читать, забываем Гоголя, Достоевского, Толстого. Мы не хотим слышать Чайковского, Мусоргского, Шостаковича. Перестали восхищаться полотнами Брюллова, Верещагина, Левитана. Мы больше не помним таких великих имен, как Павлов, Ландау, Вавилов, Тамм. Мы больше не хотим знать Карамзина, Соловьева, Ключевского. Мы уверились, что российский дух нуждается лишь в поп-культуре, поп-политике, поп-науке, поп-экономике. Что все академическое и вечное нам вредно, как мороз молодой поросли. Но как после этого можно всерьез говорить о том, что мы живем в самодостаточной, богатой стране?» Именно эта открыто высказанная мысль побудила **их** требовать доллары? Совре-*

менная Россия поменяла веками существовавший порядок: раньше эксперты получали гонорары за свои труды – теперь, видимо, они облагаются поборами за право высказывать свои мысли. Что это – признак расцвета новой цивилизации или ее упадка? Впрочем, возможно, все дело в том, что в аналитическую статью я включил пассажи явно не из лексикона ученых-экономистов. В редакции наверняка была бы другая позиция, если бы весь текст выглядел, например, так: *«Если же рассмотреть динамику промышленного производства в территориальном разрезе, то обнаруживаются и вовсе поразительные явления. Подавляющая часть прироста промышленного производства обеспечена в районах добычи нефти и газа, производства металлов в Москве и в Петербурге. Столица обеспечила свыше сорока процентов роста промышленности в стране. Кстати, в Москве наиболее быстро развиваются отрасли, связанные с нефтяной промышленностью –*

нефтехимия, фармакология, нефтяное машиностроение. Прирост промышленности в Петербурге на двадцать шесть процентов произошёл за счёт крупных военных заказов по экспортным сделкам. В абсолютном же большинстве регионов России наблюдается стагнация производства. Страна все более и более превращается в нефтяное Эльдorado типа Венесуэлы и Нигерии, где за пределами столицы и нефтяных регионов господствуют деградация производства и беспросветная нищета». Я никак не мог понять смысл тарифа: двенадцать тысяч долларов. Какой прок ученому платить такие деньги, чтобы опубликовать статью в ежедневной газетенке? Тут я вспомнил еще один абзац и подумал: видимо, в России за критику правительственного курса авторы платят газетчикам. Например, именно этот пассаж мог вызвать у редакторов «Вестей» жажду наживы: «Объем ГКО-ОФЗ к концу 2003 года составит около 30 миллиардов долларов. При сохранении

современных тенденций к увеличению темпов эмиссии ГКО-ОФЗ их пирамида уже через четыре года в 1,5 раза превысит пирамиду, созданную перед дефолтом в середине 1998 года. Дефолт и его разрушительные последствия для экономики Правительством уже забыты. Самое поразительное, что никакой потребности в создании новой пирамиды государственных ценных бумаг нет. В 1994–1998 годах все возрастающая эмиссия ГКО-ОФЗ мотивировалась чиновниками как средство, необходимое для покрытия растущего дефицита федерального бюджета. Однако эти времена прошли. Из года в год бюджет сводится с профицитом. Зачем же тогда строить новую финансовую пирамиду, наращивая внутренний долг? Никакого ответа на этот вопрос Правительство не дает». Успокоив себя тем, что **их** мир полон византийских тайн и парадоксов, я с еще большей осторожностью позвонил в «Столичные новости». Некто Токучаев стал рассказывать о фи-

нансовых проблемах, о неясном будущем газеты. Я заторопился положить трубку и подумал: правильно, что прервал разговор. Было бы очень неприятно опять услышать коммерческое предложение. Может, этого и не случилось бы, но зачем рассказывать мне о проблемах редакционной кухни? В другие газеты я звонить не стал. И, судя по тому, что мой материал «Российская экономика в тисках ошибок» не был нигде опубликован, поступил разумно. Мой труд вызывал лишь финансовый интерес: все требовали доллары. В результате эксперимента с учеными и прессой я уже окончательно понял: культурный кризис – это лишь внешнее проявление генетического разлома человека. Мой опыт «хождения в люди» закончился ничем. Точнее, он начался с желания понять, можно ли что-то полезное найти у *них* для путивльцев. Но вся практика общения с *их* миром убедительно доказала: «чего-то полезного» в *них* нет или почти нет. Тут неизвестно почему

я вспомнил Герберштейна: «У русских соблюдаются удивительные церемонии: человеку с небольшим состоянием нельзя въезжать на лошади в ворота дома какого-нибудь вельможи. Для людей бедных и неизвестных труден доступ даже к обыкновенным дворянам: те весьма редко показываются в публику с той целью, чтобы сохранить более весу и уважения к себе». Эти наблюдения – двухсотлетней давности. Но человек по-прежнему не принадлежит самому себе, он является заложником своей генной архитектуры. Правда, есть в *них* еще некоторые тайны, но в основном все понятно, и уже ничто не вызывает у меня жажду познания. Только на один вопрос я не мог найти ответа: как поступать с авторами замечательных книг, чьими мыслями я восхищаюсь. Но тут неожиданное предположение словно встряхнуло меня: «Так, может, другие люди тоже располагают немалым количеством интересных мыслей, просто *их* быт отвратителен?» Напрашивался

элементарный вывод: существует огромная пропасть между геном, ответственным за мыслительный процесс, и геном, определяющим поведенческую линию. Видимо, как раз здесь закодирован **их** непреходящий порок: мысль постоянно противоборствует с чувством. Из-за противодействия сердца разум никак не может полностью раскрыться, показать свою мощь. Он как бы под замком, сердечные флюиды тормозят его взлет. Моя задача – снять этот порочный код. Да-да, именно с этого необходимо начать! На следующий день я проснулся с твердым желанием приступить к своей главной работе. Это желание было давним, но, честно говоря, я ранее не совсем понимал, с чего именно начинать. Во что вбить первый гвоздь? И тут совершенно неожиданная идея пришла мне на ум: необходимо судебное расследование, в котором будут проанализированы все «за» и «против». Но для чего это делать, тут же испуганно спросил я себя, если вся про-

грамма опутивливания человекoв залoже-на лишь в моем сознании? Кто же выступит истцом, если об этом никто не знает и знать не может? А я им сам и окажусь – под псевдонимом и в человеческом обличьe. А адвокатом? Я сам им буду – в адвокатской мантии. А прокурором? Я напялю на себя форму прокурора с погoнами. А судьей? Я сам, в седом с кудряшками парике, опущусь в кресло с высокой спинкой. Но кто будет свидетелем? Я сам стану участковым, подглядывающим в замочную скважину за всеми событиями. А кто будет обвиняемым? Опять же я сам, в китайском костюме и вьетнамской обуви! Когда начнется процесс? Немедленно! Вот подмету в последний раз улицы, переоденусь – и моя берлога в Староваганьковском переулке станет местом судилища. Все шестеро участников вдруг зааплодировали, заулыбались, сладко зачмокали, как будто только и ждали этого решения. Кажется, они вовсе забыли, что существуют лишь в моем вооб-

ражении. Вот те на! Оберни плод воображения в человек – тут же *они* начинают о своих особых правах заявлять. Но Василий Караманов найдет на вас управу! Я был уверен, что для моего исследования необходим правовой статус. Для принятия окончательной концепции – решение суда! Для смелых решительных действий – приговор! Чтобы никто никогда не посмел меня назвать выскочкой! Мол, придумал черт знает что и неистовствует с вариантами мутаций, скрещивая абсурдное, смешивая несовместимое, сливая в единый коктейль зловонное и благоухающее, чистейшее и заразное. Я даже стал быстрее убирать улицы, чтобы немедля выйти на суд. Надо было спешить. Все стало наконец понятно, все выстроилось в логическую линию, и сознание успокоилось. Прежние поиски собственного *Я* обрели, казалось, покой, в котором я так нуждался с самого детства. Я торопился на суд, но чувствовал себя совершенно спокойно. Я был уверен,

что сегодняшний день завершит мои мучительные искания, даст мощный импульс к развитию дела всей моей жизни. Пусть никто не сомневается: мне, обвиняемому, есть что сказать! Но я готов был слышать и упреки. Даже обвинения. Я вбежал в свой сарай, быстро разделся, над умывальником помыл лицо и руки, надел свежую рубашку, костюм, причесал свои рыжие волосы и громко, торжественно объявил: «Встать! Суд идет!» Все повскакивали со своих мест. С этого мгновения я уже всем своим существом принадлежал судебному процессу. Я верил, что для вопрошающих и отвечающих есть только одна единица измерения – поток мутаций. Выравнивается генная архитектура – и все правовые и морально-этические составляющие навсегда тонут в сознании. Прокурор лениво приподнялся, зевнул, опять уселся на стул и продолжил читать журнал «Красная площадь». Судья, устроившись в кресле с высокой спинкой, первым взял слово: «Уважаемые господа!

Сегодня в нашем суде слушается дело по иску гражданина России Ивана Спесивцева к гражданину России Василию Караманову. Предмет иска: в суд поступило заявление от истца, Ивана Спесивцева, в котором он утверждает, что господин Караманов Василий самостоятельно, не имея на эту деятельность государственной лицензии, проводит опыты по генетическому изменению человека. Что противоречит российскому законодательству». «Что за псевдоним – Спесивцев? Мог бы что-нибудь получше придумать», – мелькнуло у меня в голове. «В этой связи суд считает необходимым, – продолжал судья, – выслушать стороны по существу вопроса. Пожалуйста, господин Спесивцев, вам слово». Я смотрел на руки судьи,двигающие по зеленому сукну стола лупу на длинной костяной ручке, и старался верить в разум моих незамысловатых кузенов. Но истец выглядел весьма озадаченно. Он как две капли воды походил на вздорного столичного чиновни-

ка. Того самого бюрократа, который властвует над всем российским бытом. Его бегущий взгляд выдавал мздоимца, еще не определившегося, на чем же тут можно заработать. Впрочем, он долго не рассусоливал: видимо, нащупал жилу, приободрился и начал прямо по существу: «Я располагаю данными, что Василий Караманов с самого раннего детства возненавидел людей, неизвестно по каким причинам стал считать себя сверхсуществом, которое назвал “путивльцем”, или *cosmicus*, и всю свою жизнь посвятил поискам мутационных формул, чтобы, не запрашивая разрешения российского Правительства, приступить к изменению генетической модели наших сограждан. В своей частной лаборатории в Староваганьковском переулке в самое ближайшее время господин Караманов хочет придать этому процессу интенсивную динамику. Я как субъект российского права категорически против этого амбициозного псевдонаучного покушения на человека.

Прошу суд запретить господину Караманову заниматься вмешательством в генную структуру людей. Для этого в России имеются многочисленные научные центры: Институт биологии гена имени Вавилова и Институт общей генетики РАН РФ, Институт генетики и селекции микроорганизмов, другие исследовательские учреждения. Ну что нового в генетике могут дать нам изыскания старательного московского дворника? Провинциала без среднего даже образования? Все, чем он хочет заниматься, смертельно для нас. Повторяю: смертельно, господа! Лучше пусть дальше метет свою территорию. Моет полы в музее Валентина Серова. Там проку от него куда больше. Он уже освоил профессию, наловчился, приобрел стаж, получает премиальные. Его в отпуск надо отправить. Пусть едет в Анапу. Морской воздух быстро проветрит замусоренные мозги. Это как сапожник без сапог, так и дворник с мусором в голове! – В этом месте истец рассме-

ялся – дескать, удачное сравнение придумал! – Отпуск даже положен по трудовому законодательству. А он его нарушает. За все годы работы уборщиком он ни разу отпуском не воспользовался. Надо оштрафовать музей! За нарушение закона каждый субъект хозяйствования обязан платить. А ему после отдыха надо возвращаться на свою работу, жениться, купить квартиру, растить детей, и пусть живет себе, как приличный человек. Требую запретить ему даже думать об этом совершенно дурачком, античеловеческом проекте. Он что же, вздумал смеяться над *нами*? И кто? Дворник? Таких чудаков в нашей России полным-полно. Все прекрасно знают, что дурак – он и есть слабоумный, какого бы толку ни была его причуда. Они все заканчивают жизнь или тюрьмой, или тяжелейшим алкоголизмом, или неизлечимым психическим расстройством. Ваша честь! Я вместе с вами хочу спасти скромного, безобидного человека и хорошего работника от по-

рочной, взбалмошной идеи. Впрочем, дай ему волю, обеспечь правовым полем – ведь удавит всех! Не пожалеет ни детей, ни стариков! Если мое глубокое убеждение стоит вашего внимания, господин судья, то я заявляю: Караманов чрезвычайно опасен для российского общества. Требую наложить судебный запрет на его исследования. У меня все, я закончил». Воцарилась тишина. Казалось, каждый перебирал в памяти свои самые убедительные аргументы. **Они** больше походили на персонажей романов Льва Толстого и Михаила Булгакова, чем на плод моего воображения. Прокурор, оглядываясь по сторонам, старательно, даже как-то настойчиво смахивал с пиджака перхоть и ковырялся пальцем в ухе. Адвокат прилежно, тщательно выводя каждую букву, записывал в блокнот, видимо, текст выступления или редактировал реплики, которые хотел бросить в лицо участникам процесса, при этом глядя на них с нескрываемой злобой. Милиционер, напротив,

томно закрыл глаза, явно показывая, что испытывает самые приятные ощущения. Казалось, что все происходящее на суде его не касается. Но это было неправдой: правая рука участкового находилась под столом, он сложил дулю и направил ее в сторону адвоката. Судья, щелкая указательным пальцем по левой щеке, раздумывал. Он старался казаться спокойным и мудрым, как и подобает первому лицу в суде, и в основном молчал. Его скучная мина настораживала меня. «Неужели он не понимает, какой вулкан бушует в моем сознании!» Наконец, он бросил на меня острый взгляд, как бы опомнился и заявил: «Слово предоставляется обвиняемому. Прошу вас, господин Караманов. Что скажете по существу предмета иска?» – «Ваша честь, начну с главного: я не скрываю ни от суда, ни от российской общественности, что уже давно вынашиваю идею скорейшего генетического изменения человеков. На то есть у меня множество причин». – «Вы не име-

ете никакого права говорить как Господь Бог или Президент страны! Вы дворник, Караманов! Я протестую! Обвиняемый не имеет права делать такого рода заявления – что, дескать, у него есть причины изменить род человеческий. Подобные публичные высказывания можно расценить как оскорбление суда!» – прервал меня прокурор. «Ваша честь, – вскочил адвокат, – или мы дадим господину Караманову возможность высказаться, чтобы провести судебное расследование, или ничего не поймем в этом запутанном деле». – «Согласен! – сказал судья. – Обвиняемый, продолжайте». Я взглянул в сторону милиционера: из-под стола по-прежнему глядела на адвоката пухлая дуля. «Что он хочет этим сказать? – подумал я. – Впрочем, посмотрим, процесс только начался». Перед выступлением мне хотелось собраться с мыслями. В моей голове мелькали тысячи самых экспрессивных выдумок, одна озорней другой, но разум просматривал их беспристрастно,

как опытный режиссер – отснятые кадры, тут же бракуя ненужное и сохраняя полезное. Поэтому я был холоден в мыслях и горяч в аргументах. «Ваша честь, когда ученые занимаются генетическим изменением сельскохозяйственных продуктов – кукурузы, пшеницы, сои, сахарной свеклы и так далее, – почему не слышно протеста общественности? Почему она молчит? И не просто молчит, а бойко пользуется этими продуктами в своем рационе питания. Что заставило **их** решиться на такой беспрецедентный поступок в истории цивилизации – изменить генетику злаков, фруктов и овощей, складывавшуюся не одну сотню тысяч лет? И что, изменился вкус хлеба? Картофель потерял способность вариться? Из свеклы стало невозможно добывать сахар? А из рапса теперь нельзя давить масло? Что, с гречишного поля пчелы не собирают мед? Нет! Проблема в том, что все осталось как прежде. Как в далеком прошлом! В этом и есть самая большая беда! Ваша

честь! После того, как власть в России полностью перешла к экономистам, людской генный ансамбль стал подвергаться атакам безраздельной рентабельности. А повышение рентабельности в первую очередь зависит от уровня динамики спроса. Чем активнее спрос – тем меньше затраты, тем выше рентабельность. Таким образом, экономические законы стали деформировать и так недоразвитую генную архитектуру моих незамысловатых кузенов. **Их** интеллект стал снижаться. Попса захлестнула основы биологического вида. Человеков становится все больше, **их** число постоянно растет, но количество разума сокращается. Он скудеет. Вот в чем беда! Для того, чтобы пшеница стала давать больше урожая с меньшими затратами, чтобы рапса собирали с гектара не четыре, а десять тонн, чтобы при жиме из сои получалось не сорок три процента масла, а все восемьдесят, их надо генетически модифицировать. То же самое необходимо проделать и с людь-

ми! Для того, чтобы человек стал рентабельным, чтобы он принял вызов высшего разума осваивать космос не с помощью экрана телевизора, а самостоятельно, чтобы его интеллект был в состоянии прокормить не только его самого, семью, соотечественников, а еще множество голодных и обездоленных, чтобы он ел, пил, дышал значительно меньше, чтобы комфортно чувствовал себя при самых невероятных температурах, чтобы, наконец, он стал бессмертным, то есть приобрел исключительно высокую рентабельность, – он тоже должен подвергнуться генетическому ремонту и обновлению». Бесконечные, но похожие переплетения всего жуткого, человеческого, того самого ненавистного, что стало вызывать у меня отвращение еще в раннем детстве, в последнее время уже меньше занимали меня. «Это оттого, – думал я, – что я стал редко размышлять над **их** поступками. Сделав окончательный вывод, что **они** нуждаются в срочном моем вмешательстве,

я стал меньше интересоваться **их** образом жизни. Диагноз был поставлен, и дальнейшее изучение этого биологического вида потеряло всякий смысл. Разве найдется кто-нибудь, владеющий самодостаточным разумом, кто поспорит со мной концептуально, кто заявит, что землянину всего этого не нужно, что все это какая-то ахинея? Просмотрите тома лучших из людей, вдумайтесь в **их** мысли, абстрагируйтесь от бытовой реальности. Ведь она всегда такая лживая, распущенная до безобразия... Ваша честь! В природе не существует инструментов, способных заглушить мое стремление смоделировать новый биологический вид – cosmicus! Ни один существующий разум не найдет доводов, чтобы убедить меня, что мой план преступен, что программа невыполнима, что идея безнравственна. Какой аспект ее можно объявить порочным, если речь идет о совершенствовании биологического существа? О самодостаточности, о новом уровне разума! Я говорю о путивль-

цах, сверхчеловеках, которые расселятся по всей Вселенной. Люди сами не хотят шагнуть за пределы своих возможностей. Почему? Вот что я исследую. Загнанные геном спроса и потребления, **они** с моей помощью должны освободиться от этой крепостной зависимости. Ведь для этого нет никаких препятствий. **Им** не хватает только дерзкого желания, поиска и уверенности в успехе. **Ваш** Вернадский писал: “*Homo sapiens* не есть завершение создания, он не является обладателем совершенного мыслительного аппарата. Он служит промежуточным звеном в длинной цепи существ, которые имеют прошлое и, несомненно, будут иметь будущее!” А Циолковский продолжил: “Прогресс организмов шел непрерывно и не может остановиться на человеке”. Если вы поддержите мой проект, Ваша честь, то вам явится далекое будущее, и не неизвестно когда, а сейчас, сегодня, при вашей жизни. С надеждой на вас, с гордостью за великое дело – я закончил». – «Да,

закрутили вы, молодой человек, – озадаченно заметил судья. – Что тут скажешь? Лихо! Придется расследовать иск дальше. Пока картина смутная. Господин прокурор, пожалуйста, вам слово». Прокурор оттопырил губу, нехотя поднялся со стула, пристально осмотрел всех присутствующих, каким-то злобным взглядом окинул меня, скрестил руки на животе и громко начал: «Господа! Я довольно часто по служебным делам бываю в психиатрических клиниках. Мне не раз приходилось встречаться с душевнобольными, которые выдавали себя за Моцарта, Наполеона, Гегеля, Сталина, учеников Иисуса Христа, Жириновского! Скорее всего, в лице господина Караманова мы столкнулись с подобным случаем маниакального состояния. Чтобы продолжить судебное расследование, я настаиваю на психиатрической экспертизе. Мы должны знать, судим мы больного или здорового обвиняемого». – «Да, прекрасная мысль! – вскочил истец. – Я полностью

поддерживаю прокурора! Пусть также предоставит справку о доходах». – «Ваша честь! – поднялся со стула мой адвокат. – У меня имеется заключение психиатров, констатирующее, что мой подзащитный абсолютно здоров. Разрешите передать вам этот документ?» – «Пожалуйста, я подошью его к делу. Господин прокурор, вы закончили?» – «Нет, нет!» – «Тогда пожалуйста...» – «Мы все отлично знаем цену таким справкам! Назовите диспансер, выдавший ее, и я озвучу сумму, заплаченную вами за медицинское заключение. Фальшивка! Тем не менее считаю необходимым продолжить выступление. Итак, перед нами молодой человек. По документам ему тридцать три года, фактически – тридцать, и шесть из них он провел в заключении. Может такой гражданин вызывать у суда доверие? Хочу спросить вас: слыхано ли такое дело, чтобы простой московский дворник заявлял о необходимости генетической модификации рода человеческого? А? За-

дайте этот вопрос любому гражданину нашего Отечества, ответ будет однозначным и категоричным: нет! Абсурдность, болезненность такого рода притязаний очевидна, уважаемые господа. Россия стоит уже более тысячи лет, четыреста из которых являлась империей, а тут, в начале двадцать первого века, рыжий замухрышка, хоть и высокого роста и крепкого телосложения, но неуч, вдруг заявляет, что мечтает уничтожить наши ценности, традиции, религию, фольклор, нашу кухню, наконец! Как же русский человек сможет просуществовать без водочки, картошечки, селедки? Без пирожков с капустой? Борща? Перед нами изверг, господа! Выродок!» – «Протестую, Ваша честь! Подобная бранная речь запрещена на судебных слушаниях, – опять вскочил адвокат. – Прокурор постоянно выходит за рамки процессуального кодекса». – «Прошу вас, господин прокурор, соблюдать нормативную лексику. Спасибо! Можете продолжать!» – «Извините. Вер-

немся к существованию вопроса: гражданин Караманов не раз помышлял найти способ, чтобы принудить граждан России к исчезновению. То он хотел с помощью, видимо, каких-то ведовских сил всех состарить до восьмидесятилетнего возраста; то предполагал, благодаря тайным зарубежным технологиям, лишить всех женщин способности к деторождению; то вдруг, исподтишка, заморским ядом отравить все население родной страны; то объявить стерилизацию всех российских мужиков и вместо репродуктивных органов имплантировать им железы, вырабатывающие кремы для деликатных угощений. – В зале суда раздались протестующие выкрики, но кое-кто зааплодировал. – То собирался переселить всех в открытый космос, чтобы наши богатейшие земли достались другим народам. Если Караманов не лишен разума, не сумасшедший, то он действует по какому-то вражескому сценарию. Скорее всего – заокеанскому. Там, за бугром, еще со времен Ивана

Третьего стали зариться на наши необъятные плодородные территории. На наш чернозем, залежи нефти и газа, уральское и колымское золото. Он шпион, господа, диверсант, марионетка в руках врагов нашего православного Отечества! А эти обстоятельства отягчают его деяния и подпадают под статьи Российского уголовного кодекса. Ваша честь! Я перечислил не все его преступления. Он разрабатывал концепцию создания нового существа на биологической базе человека, крысы и свиньи. Хотел “лепить путивльцев из крыс”, – эти действия подпадают под Статью 177 “Незаконное предпринимательство” и наказываются лишением свободы сроком до пяти лет. Обвиняемый считал себя сверхчеловеком, – пропаганда этой философии наказывается по статье “Расовая вражда”. Чтобы экономить деньги для своих экспериментов, он призывал сбрасывать трупы в яму. Эти призывы подходят под статью 244 – “Надругательство над телами умерших и местами их

захоронения”. Наказание предусматривает до пяти лет лишения свободы. Караманов – богохульник; он не только не признает Бога, но насмехается над верующими, его высказывания дискриминируют, нарушают права, свободы, интересы человека. В Уголовном кодексе есть Статья 136, наказывающая виновных в таких преступлениях на срок до пяти лет. Он желает запретить великий русский язык – язык, на котором написаны лучшие образцы мировой литературы, язык Достоевского, Толстого, Шолохова, Пушкина. Это деяние называется Статьей 148 – “Воспрепятствование осуществлению права на свободу совести”. Обвиненные по этой статье могут ожидать наказания сроком до трех месяцев». Я хотел возразить, но тут же передумал. «Судебное разбирательство затянется до утра. Бог с ним, – успокоил я себя, – мне бы получить нужный вердикт... Ваша честь! – обратился я к судье. – Разрешите на минутку выйти на свежий воздух. Я стал зады-

хаться!» – «Нет! Покидать зал заседания никому не дозволено. Оставайтесь с нами. Иначе мне придется надеть на вас наручники и выставить охрану». – «Я очень сомневаюсь, что он работал только дворником, – заявил встревоженный истец. – Я уверен, что он обладает приличным капиталом. Пусть признается, где он его хранит!» «Не думает ли он, что я хочу выйти, чтобы проверить сохранность своих ценностей? До какого абсурда доводит *их* глупость!» – пришло мне в голову. «Считаю, что некоторая болезненность реакции моего подзащитного объясняется повышенной эмоциональностью господина прокурора», – вскочил с места мой защитник. «Прошу не кипятиться, уважаемый адвокат, – поправил на голове седой парик судья. – Я веду заседание и не позволю посягать на мои права». В зале раздался слабый смешок. Потом кто-то раскашлялся, а другой бросил: «Пора кончать с Карамановым!» Несколько голосов прокричали:

«Продолжайте, нам ничего еще не ясно!» В этот момент подал голос участковый: «Кого мы судим, господа? Караманов – он же придурок, и заключение психиатра меня ни в чем не убедит. Я слежу за ним несколько лет. Он совершенно ничего не пьет. Женщин к себе не водит, с альтернативщиками в особых отношениях не состоит. Такое поведение не назовешь человеческим. Давайте спросим его самого: кто он? К какой породе принадлежит? Ведь законы писаны для граждан нашего Отечества, то бишь для русских людей. А он-то кто? Себя называет путивльцем. Может, сделать запрос в Академию наук? Пусть пояснят, что за существо этот “путивлец”. Имеем ли мы право применять к нему Гражданский или Уголовный кодекс страны? Ведь русские исконно известны своими гуманистическими идеалами. Может быть, в рамках этих традиций все до банальности просто: нужно запереть его в клетку и поместить на Самотеку, в театр зверей Натальи Дуровой. У

нее предостаточно всяких экзотических животных, и на волю они совершенно не просятся. Получают необходимое питание, ветеринарный присмотр, свободно, без административной цензуры общаются с посетителями театра, их охраняет закон. Что можно придумать лучше для существа неустановленного биологического вида? Но меня чисто по-человечески интересует вот какой вопрос: будет ли Караманов по чему-нибудь тосковать? По сигаретам? Я уже говорил: он не курит. По женщинам? Уже отмечалось, что они его не волнуют. По водке? Он, к сожалению, ее не пьет. По чему же скучать будет наш Караманов, а? Хочет думать, размышлять о псевдонаучных проблемах? Мечтает об исходе человечества? Пусть ломает мозги в металлической клетке, а? Чем же там плохо? Как раз созданы все условия для умствования! Потом, у него богатый опыт: не один год он провел за решеткой. Ваша честь, как вы смотрите на мое предложение прервать су-

дебное расследование, чтобы попросить ученых провести экспертизу: что за фрукт такой наш обвиняемый? К какой породе он принадлежит? Тем более что я в баню तो роплюсь, уже неделю как не мылся. Все служба! А его имущество передайте в наше отделение милиции. У нас с техническим оборудованием плоховато». – «Протестую! – выкрикнул, вскакивая с места, мой адвокат. – Личность обвиняемого удостоверена паспортом Российской Федерации за номером 45 03 120347, подтверждена трудовой книжкой. В деле подшито свидетельство о рождении Караманова Василия Даниловича, многие другие документы российского образца. Все имущество дворника Караманова – на государственном учете. Так что передавать нечего». – «А компьютер, а лаборатория?» – «Прошу оставаться в рамках расследования, – уныло заявил судья. – Теперь вам слово, уважаемый защитник. Только прошу по существу иска». В этот момент я заметил, что участ-

ковый сложил под столом пальцы обеих рук в дули и направил их прямо на адвоката. «Ваша честь! Уважаемые дамы и господа!» – торжественно начал адвокат. Я огляделся: никаких дам в зале не было. «Чего это он? Заученная профессиональная фраза? Или он знает, о чем говорит: под мужскими одеждами спрятаны женские тела? Ох, с этими людьми всегда какие-то малоприятные неожиданности!» Между тем адвокат продолжал: «В России около миллиона всего мужского населения постоянно находится за решеткой. Но это вовсе не значит, что пришло время перестать ремонтировать тюрьмы и начать спешным порядком возводить зверинцы или театры для волков, медведей и хищных птиц и помещать наших арестантов вместе с дикими животными. – Тут адвокат взглянул на дули участкового и, нервно мотнув головой, произнес: – Я имею в виду прежде всего нашего свидетеля. Это он кандидат в зверинец!» – «Протестую!» – заявил, не вста-

вая с места, прокурор. «Тебя самого надо в зоопарк, вместе с подзащитным. А я буду носить вам сухари, ха-ха-ха!» – бросил милиционер. «Что за беспорядок в зале? Защитник, ведите себя прилично, не то придется лишить вас слова! – несколько вяло произнес судья. – Продолжайте, но в меру уважительно. Порядок в зале касается, впрочем, всех! Надеюсь, понятно!» – «Василий Караманов положительно характеризуется с основного места работы, – продолжал защитник. – Никакого нарушения трудового законодательства работодателем протокольно не зафиксировано. У меня на руках два поощрения. Одно – юбилейное: в канун празднования десятилетия новой России он получил премию в размере одной тысячи рублей. Другое вознаграждение ему вручили в связи с отставкой бывшего президента страны. Некоторые спонсоры по этому поводу выдали всем дворникам Центрального округа столицы, вычистившим улицы, с которых навсегда съе-

хал бывший президент, чтобы и следов не осталось, премиальные – по три тысячи рублей. В их число попал и господин Караманов. В трудовой книжке есть соответствующая запись. Прошу подшить к делу справки об отсутствии налоговых задолженностей у обвиняемого. Этим документом, надеюсь, нездоровое любопытство господина истца будет удовлетворено. По справке из Государственной библиотеки господин Караманов за время регистрации прочел более полутора тысяч томов. Это означает, что в неделю он читал по две-три книги. Авторов, которых он выбирал для прочтения, в обычной библиотеке не найдешь, – прошу подшить к делу список этих книг, заверенный администрацией читального зала. Караманов изучал книги на русском, английском и немецком языках. Из них 97 авторов – это ведущие генетики страны и всего мира, 83 – известные физики, 75 – математики и астрономы, 65 – биологи, 59 – химики, 46 – историки, 37 – фи-

лософы, 29 – экономисты, 21 – антропологи, 17 – медики-анатомы, 9 – зоологи, 8 – палеонтологи. Сотни книг мировой художественной литературы, статей из научных журналов и академических сборников. Многие из вышеуказанных книг он требовал по нескольку раз. Можно ли такого прилежного читателя считать безграмотной личностью? Непросвещенным злодеем? Дремучим дворником? Он никогда не скрывал, что мечтает модернизировать человеческий интеллект, физиологические возможности *homo sapiens*. Но, господа, мы же сами хотим видеть своих детей умнее, богаче, здоровее нас! В тиши своей дворничкой лачуги, в одиночестве, которое стало его постоянным спутником, он словно подслушал нашу мечту и стал думать на эту тему самостоятельно. Академически! Но все его действия ограничивались лишь созданием проектов. Он еще не сделал ни одного конкретного шага. Как законопослушный гражданин своего Отечества, он

пришел в суд и просит вас дать ему право заниматься этим великим делом на законных основаниях. Он просит вас лично, Ваша честь, выдать ему лицензию, чтобы приступить к обновлению человеческого материала. Он верит, что у него все получится. Он убежден, что на смену homo sariens придет модифицированное существо, cosmicus, лишенное традиционных пороков, от которых мы сами никак не можем избавиться. Ни церковь, ни Конституция, ни пропаганда высоконравственных идеалов не дают нам ощутимых результатов. Вдумайтесь: шесть с половиной тысяч лет назад были созданы Северное и Южное Египетские царства, позже объединенные. Царство просуществовало около четырех тысяч лет. Фараоны и жрецы Древнего Египта страстно мечтали воспитать в человеках нравственное начало. За четыре тысячи лет – то есть сорок столетий, 160 поколений – им это не удалось. Египет пал, народ исчез полностью, смешался с други-

ми племенами, и сегодня его найти невозможно. Есть только один путь: реконструировать мумии через ДНК. Чуть больше тысячи лет назад на эти земли пришли арабы. Они опять строят новую цивилизацию – на том же человеческом материале. Зачем? Ведь финал известен заранее! Пять с половиной тысяч лет назад было создано царство Мохенджо-Даро. Его правители создали великую хараппскую культуру. Мечтали об искоренении человеческих пороков. И что? Просуществовали полторы тысячи лет. Пятнадцать веков, шестьдесят поколений. Ничего не сделано. На эти земли хлынули арийские племена. Мохенджо-Даро было разгромлено, перестало существовать, его народ исчез, культура сохранилась лишь частично в виде ископаемых памятников. Около пяти тысяч лет назад между Тигром и Евфратом было создано царство Аккад. Некоторые историки считают, что Эдем – райские кущи – находился в этом процветающем царстве. Оно про-

существовало немногим более тысячи лет. Сорока – примерно – поколениям прививали ценности добра и нравственности. Эта изнурительная борьба ничем не закончилась. Царство было разграблено и уничтожено. Население исчезло. Около трех с половиной тысяч лет назад было создано Урарту. Это царство просуществовало около семисот лет. Намерения были те же. Тридцать поколений пытались понять истинные ценности. Под набегами варваров Урарту пало и было полностью разрушено. Отдаленных потомков коренного народа Урарту можно встретить лишь среди дагестанских племен. Современники Платона мечтали покорить зло. Ничего не вышло. Зла стало больше! Граждане Римской империи пытались повысить культуру нации. Закончилось опять крахом. Ничего не получилось! Ученики и последователи Иисуса Христа – минуло уже почти две тысячи лет – продолжают нести веру в чудо избавления человечества от пороков. И что?

Чего-нибудь добились? Сколько книг написано, чтобы улучшить нравственность человека, сколько молитв прошептано, сколько обрядов совершено в церквах, синагогах, мечетях, сколько лекций прочитано, сколько стихов, песен, музыки посвящено этой теме! Что же изменилось в человеке? В его нравственном статусе? В его генной архитектуре? В его разуме? В его сердце? Стал он более законопослушным? Нет! Более гуманным? Нет! Более устремленным к знаниям? Нет! Полюбил ли род человеческий всей душой? Тоже нет! Сделал он что-нибудь, что приблизило бы его к вечной жизни? Нет! Захотел ли переселиться в космос? Тоже нет! Стал ли он более добрым, мечтающим, читающим, изучающим? Нет! Нет! Нет! Не стал! И, судя по состоянию нынешнего уровня цивилизации, не станет! Древние египтяне были уверены, что они вечны. Граждане Мохенджо-Даро считали, что их страна будет неугасимой. Подданные Аккада называли

свою нацию неувядаемой. Жители Урарту верили, что они немеркнущие. Древние греки считали себя непреходящими, римляне – нетленными. Россияне тоже видят себя во всех временах. Какая жалость! В этой мысли, в этой обреченной надежде нет ни капли разума. Взгляните в папирусы и пергаменты – они могут убедить каждого, у кого есть разум. Итак, со времен Древнего Египта до наших дней сменилось триста поколений. Со времен Атлантиды – шестьсот поколений, Кро-Маньона – две тысячи поколений. И никакого фундаментального результата! Как ни старались умнейшие, как ни бились воинствующие, как ни пытались благороднейшие – никакого осязаемого итога нет. Человек остается таким же, каким он был на Кармеле, в Кро-Маньоне, на землях Междуречья! Сам биологический вид себя изменить не может. Давайте, Ваша честь, доверимся Василию Караманову. Ведь он стал чистильщиком улиц не случайно. Он хочет продолжить

свою деятельность “дворника”, избавляя человечество от пороков и слабых мест нашей геномной архитектуры. И работать в этом направлении он будет по-новому. Без званий и титулов, без отчетов в фискальные структуры и органы милиции. Давайте выдадим ему мандат на исследования, на творчество, на попытку создания нового биологического вида – *cosmicus*, или путивльца. Каждый из нас в душе чувствует настоятельную потребность совершенствовать себя. Но без внешнего толчка этот рынок невозможен. История цивилизации не одну тысячу лет доказывает простую истину: сами люди не способны на это! Дискуссия на эту тему теперь окончательно завершена. Обвиняемый ждет приговора! Войдем, въедем, влетим в эпоху генетиков! Вручим им власть над нами. Я лично уверен, что у Караманова все получится!» «Браво, защитник! Они поймут меня, они разрешат мне действовать!» – мысленно зааплодировал я. В тот момент мне очень

хотелось верить в это. Тут прокурор демонстративно зевнул, ничем не прикрывая свой в железных коронках рот, лениво поднял руку и заявил: «Ваша честь, никак не пойму, присутствуем мы на судебном расследовании или на спектакле. Позвольте мне сказать несколько слов». – «Говорите!» – «Как можно доверить гражданину Караманову эксперименты над русским человеком, если он видит в нас лишь один негатив? В его взглядах на русских столько отрицательного, столько субъективного, что диву даешься: как он мог вырасти в нашем обществе? А ведь в нас есть и хорошее! И прекрасного значительно больше, чем всякой наносной дряни. Например, он бросил работу в Большом театре, потому что главному постановщику администрация не вручила подаренных цветочных лебедей. Что за повод! Это же смешно! А почему он не обратил внимания на то, что дирекция театра создала все условия, чтобы Юрий Григорьев смог поставить гениальный ба-

лет? Управлять таким огромным творческим организмом, как Государственный Большой театр, – дело весьма хлопотное, требующее огромных способностей. Почему же не замечен талант менеджеров, обеспечивающих успешную работу всего коллектива? При чем тут цветочные фигуры? В сознании Караманова запечатлелся только этот факт, вовсе незначительный. Или, например, он высмеял кинорежиссера и артиста Михайлова. А почему он не поклонился его незаурядному таланту? Подумаешь, восемь пар обуви купил! Еще неизвестно, какой по качеству! Взял ли Михайлов туфли для своей дочери, отдал домработнице или выбросил на помойку? Попали они вообще в его руки или оказались у посторонних? А как талантливый человек, он мог просто забыть о деньгах: что для него восемьсот долларов? Каждый из нас иногда упускает из виду необходимость вернуть что-то. Я сам довольно часто забываю вернуть долги. Но это не вызывает у людей ни-

какой агрессивной реакции! Так, иногда напомним при случае. Михайлов поставил несколько замечательных фильмов, которые полюбились нашему зрителю. Но об этом ни слова, этого как бы не существует. Что-то тенденциозен этот Караманов! Я бы ему не доверил вести такой сложный эксперимент, о котором здесь идет речь. Или возьмем театр на Яузе. Георгий Нелюбов – это целая эпоха в российском театральном искусстве. Подумаешь, запретил вынести цветы! Он ли сам? Может, пожарник вмешался? Или охрана? Вон сколько нынче взрывов в Москве! А пару недель назад взорвали президента Чечни! Чего носить по театрам архитектурные цветочные формы? Возьми, как все наши граждане, букет цветов – проблем не будет! А если даже он и запретил вынести эту цветочную рюмку? Он же артист, могла же рюмка напомнить ему о водке или о портвейне! А он, может, неделю как завязал! Тут все не так просто! Неизвестно, по каким причинам не состо-

ялся вынос этих вонючих цветов. Так од-
нобоко о русском человеке судить нельзя.
Нам рассказывают о незначительных эпи-
зодах в жизни талантливых людей и тут же
делают вывод: надо менять генетику чело-
века. А почему, гражданин Караманов, не
подумать над изменением твоего генети-
ческого ансамбля? Тебе тридцать лет. А
чего ты добился? Читал какие-то книжки.
На самом деле читал или на студенток по-
глядывал? А? Под юбки! Есть ли у тебя на-
учные труды, статьи в нашей печати, пуб-
личные лекции? Ты еще ничего не сделал
в этой жизни. Твой рабочий инструмент –
метла! У тебя никто не собирается ее отби-
рать! Пожалуйста, улучшай вид московс-
ких дворов и улиц. Собирай мусор, разво-
ди цветники, стрижи газоны. Впрочем, этим
делом можно заниматься не менее успеш-
но и в неволе. В тюрьмах и лагерях! Но
браться за такие опасные и никчемные про-
екты, как генетическое изменение русско-
го человека, мы тебе не дадим! Не позво-

лим! Впрочем, хочешь изменять иностранцев – я немедленно сниму свои категорические возражения. Дам тебе даже бесплатный совет: начинай с поляков. Обязательно с поляков! Или с латышей. Не по твоему ли рецепту они русский язык из школьной программы выдавливают? А? Ты мечтаешь о путивлизации наших соотечественников, а они – о латышизации всех русскоговорящих. Странная между вами связь. Все весьма подозрительно! Я буду просить суд запретить тебе на правовом поле России заниматься этими фашистскими экспериментами. Выбор у тебя небольшой: или даешь подписку, что отказываешься от своей идеи, или выезжаешь за бугор, или получаешь новый срок и едешь в дальнюю командировку на Северную Двину, лес валить. Там сама жизнь заставит тебя забыть генетику и кибернетику. Все!» Преисполненный собственной значимости, прокурор самодовольно усмехнулся, пригрозил мне пальцем – дескать, смотри у

меня, сорванец! – и замолчал. Его восторженный вид говорил о том, что чувства переполняют его. Оскорбляя путивльца, прокурор предавал анафеме разум: он словно бросал его под ноги, топтал и покрикивал: «У нас свой ум, никакой другой нам не нужен!» Я молчал и размышлял о другом. Следить за всеми участниками судебного расследования оказалось очень непростым делом. Милиционер постоянно менял позы и ужимки, манипулировал пальцами, складывая их в тайные знаки и загадочные фигуры. Прокурор то усмехался, то недовольно напрягал лоб, на котором выступали пояса морщин, то испуганно таращил глаза, и его веки касались бровей; весь его вид свидетельствовал о том, что прокурор грешит тщеславием, уж очень круто он задирал нос. Адвокат безостановочно что-то записывал, впрочем, время от времени вскакивая с репликами; иногда он как бы забывал, что хотел сказать, и надолго застывал с отрешенным видом. Судья, каза-

лось, был невозмутим. Он лишь обводил глазами лица участников процесса и внимательно всматривался в них, иногда даже направлял на изучаемого свое увеличительное стекло, словно хотел что-то высмотреть потаенное, понять, запомнить. Потом делал пометки и выбирал себе новый объект исследования. Во всем этом проглядывала приличная людская потеха. Но меня эти картинки **их** быта вовсе не веселили: они вызывали озабоченный интерес, как у главного проектировщика путивльцев. Наблюдая за участниками процесса, я вдруг ощутил неведомые мне прежде сомнения. «Изначальный материал слабый, удастся ли получить путивльца? – думал я. – Наделал этим процессом столько шума... А вдруг ничего не выйдет?» Тут ко мне подошел господин Спесивцев и на ухо шепнул: «Для чего тебе все это надо? Только не говори, что для науки, для биологического рывка. Я не хочу слушать этот порожняк. Признайся, сколько денег можно

заработать, – тогда обеспечу поддержку. За бесплатно не работаю. С любого дела беру двадцать процентов. Надумаешь – подай знак. Жду!» Едва он отошел от меня, как мой чуткий слух уловил брошенную, видимо, себе под нос реплику истца: «Небось, задумал фирму открыть, чтобы какие-нибудь липовые таблетки выпускать и от населения бабки грести. Пусть долю отстегивает!». «О чем это он? – удивился я. – С чего он двадцать процентов просит? С объема генного ансамбля? Но как можно такое вычислить? А передать? Какая-то несуразная просьба. А про таблетки? Что это с ним?» Похоже, никто всерьез не проникся теми идеям и чувствами, которыми я пытался заразить участников процесса. На меня глядели лишь мрачные, иронические, требовательные глаза моих незамысловатых кузенов. Складывалось непонятное ощущение: то ли **они** хотели оплевать меня, то ли использовать в каком-то коммерческом проекте. И мне вспомнилась

мысль Николая Федорова о еще несовершеннолетнем возрасте homo sapiens. Я улыбнулся: терпимость путивльца обязывала меня выслушать весь поток критики. «Слово предоставляется главному свидетелю, – заявил судья. – Пожалуйста, офицер милиции, вам слово». – «В нашем отделении нет компьютера. А преступность в городе растет. Вот я и подумал: можно наложить штраф на Караманова и изъять у него электронную машинку. Хоть его компьютер и старый, но нашей службе участковых подойдет. Тут говорили, что у обвиняемого имеется своя биологическая лаборатория. Биология и криминалистика – близкие профессии. Ваша честь, если вы вынесете вердикт, запрещающий Караманову продолжать занятия генной инженерией, то постановлением суда отпишите всю его технику нам. Мы испытываем острую нужду во всех этих склянках и колбах. Впрочем, об этом я уже говорил, а сейчас хотел бы сказать о другом. Наш адво-

кат все время что-то записывает. Мне кажется, он готовит фельетон в газету. Представляете, открываем мы завтра “Вести” – и видим себя в гротескном свете. Можно просить вас вынести постановление суда, согласно которому я изъял бы у него все записи? И никакого фельетона не будет». – «Вы, пожалуйста, ближе к расследуемому делу!» – еле слышно перебил его судья. «А как же с адвокатом? Мне совершенно не хочется в карикатурную статью попасть. Вам тоже не советую!» – «Подойдите ко мне после вынесения приговора по главному делу. Вам еще есть что сказать суду? Но только по существу дела». – «Нет, я закончил». – «Тогда прошу всех выйти. А вы, Караманов, останьтесь. Для подготовки приговора суда я должен вас коротко проинтервьюировать. Вердикт суда разрешается слушать всем желающим». – «Как так? Зачем нам выходить?» – возмутился прокурор. «Что, в России новое законодательство?» – решительно

подскочил к судье адвокат. «Судья подкуплен! Жди сюрпризов!» – в сторону пробормотал милиционер. «Если гонорара не будет, я подам иск в высшие инстанции! – склонился к моему уху господин Спесивцев. – В России так дела не делаются. Обманешь – тебя ждет наказание по понятиям! Сколько ты ему обещал?» – «Дай компьютер по-хорошему. Иначе все равно отнимем! Все возьмем!» – заявил участковый. «Если в этот раз не посадим, то в следующий раз обязательно отправим на лесоповал! На пять – почему на пять? – на десять лет! На всю жизнь!» – ухмыльнулся прокурор. «Держитесь, я уверен в благоприятном исходе!» – пожал мне руку адвокат. Тут все они вышли; я услышал голос судьи: «Караманов, прошу подойти ближе, чтобы я мог с вами говорить!» Это был уже третий суд в моей жизни. Сухие слова я знал наизусть: «Именем Российской Федерации...» Впрочем, судья начал с другого: «В ваших мыслях проглядывает

новизна, но ее так мало, что всякий раз приходится брать лупу, чтобы увидеть что-то существенное. Французский философ Кондорсе в 1795 году в своей работе “Эскиз исторической картины развития человеческого духа” писал, что “в ходе своего развития, в поступательном совершенствовании человечества будет все более увеличиваться срок человеческой жизни и даже появится возможность человеческого бессмертия”. Что вы скажете по этому поводу?» – «Господин судья, среди людей было немало умнейших личностей. Философ Кондорсе – один из них. Но предвидеть какое-то событие, не имея духовных сил его приблизить или осуществить, и попытаться реализовать эту научную программу – две совершенно разные вещи. Его соотечественник Ренан тоже допускал возможность воскресения. Он писал, что в череде непрерывных эволюций Вселенная будет заселена существами новой и исчезнувших цивилиза-

ций. В высказываниях одного из предшественников иммортализма* Герцена можно встретить следующую мысль: “Смерть вовсе не лежит в понятии живого организма, она вне его, за его пределом”. Или у Радищева: “Блаженство твое, совершенство твое есть цель...” Но разница между нами в том, что я могу, я хочу, я стану заниматься этой проблемой практически. Поймите, как только путивльцы обретут бессмертие, они тут же выйдут за грань времени и пространства, для них перестанут существовать условности, влечение к плотским утехам, культ вещизма и попсы. Деньги утратят какой-либо смысл, единственной ценностью станет разум. Разум, не закованный в цепи, не обледеневший, как шапка полюса, не разваленный и обесцененный, как советский рубль. Разум будет сопоставим с безмерным пространством Вселенной. Господин судья, материя не имеет конца. Эта

* **Иммортализм** — концепция физического бессмертия человека.

простая мысль вам давно известна. Но почти все философы приходили к предвидению “того самого времени” в результате интеллектуальных поисков, я же осознал свое предназначение с самого рождения, почти ничего не зная об *их* трудах. Вот в чем разница. Я прошу вас разрешить мне действовать. Многие говорили о новых генетических, эволюционных возможностях – Декарт, Огюст Конт, Пристли, Радищев, Соловьев, Герцен и так далее. Но только Василий Караманов – с вашего разрешения, разумеется! – возьмется за это великое дело по-настоящему. Надежность моего внутреннего мира позволяет строить далеко идущие планы». Некоторое время судья молчал. Потом медленно заговорил: «Вы сами сказали, что человек разумный прошел определенный путь развития за две тысячи поколений. Позвольте, но ведь это совершенно немного, почти что ничего! С другой стороны, с эпохи кембрия, когда впервые появляются зачатки центральной

нервной системы, до возникновения головного мозга в современном понимании прошло более пятисот миллионов лет. Хотя сам этот процесс уводит нас намного дальше, в глубь геологических эпох. Поэтому можно ли требовать от человека слишком много? Он еще даже не в колыбели, он в материнской утробе! Скажите, любезный, почему вы так яростно, ненаучно нетерпеливы? Ведь если проанализировать ваши желания, то напрашивается вывод: вы мечтаете не столько усовершенствовать человека, сколько вступить в соревнование с самой природой. У материи, видимо, существует свой график. Насколько прозорливо вмешиваться в него пусть даже вам, путивльцу? Это словно вызов мировому разуму: один из начальных продуктов материи, то бишь вы сами, начинает спорить с универсумом. Лист спорит с деревом, волос с человеком, клык с кабаном, перо с птицей. Насколько это перспективно, научно, в конце концов? Вы сами можете на-

блюдать в рамках одной человеческой жизни, какие колоссальные изменения претерпевает демографическая картина на планете. Если белых, или кавказцев, по данным ЮНЕСКО на 2000 год было 25 процентов от всего народонаселения планеты, то к 2025 году их число сократится до 13, а к 2050 году – до 9 процентов. Это ли не показатель того, что в самой материи происходят колоссальные изменения – как в масштабах всего универсума, так и в его составляющей, у человеков? Господин Караманов, вы как-то рассказывали об Автобусе-*Vita*, следующем по определенному маршруту. Я не стал бы с вами спорить, если бы вы предложили новый маршрут. Но вы хотите пересадить всех пассажиров на неизвестный вид транспорта. Разумно ли это? Не погибнет ли человечество на неведомой скоростной машине?» – «Ваша честь! Время – это прежде всего гармония. Если оценивать его с позиций сегодняшнего дня, конца мая 2004 года, все ушедшее

время представляется заторможенным созидательным процессом. Если вглядываться в будущее – видна лишь эпоха разрушений, не столько физических катаклизмов, сколько изменений внешней картины мира. Между созиданием и разрушением всегда присутствует настоящее. Главнейшая ошибка многих современных философов и экологических мыслителей – экологов – заключается в том, что *они* отождествляют человека лишь с частью органической материи, говоря вашими словами, с листочком или даже прожилкой в листочке. Некоторые сравнивают *его* с картофелем, другие – со свеклой, со всей той живностью, что нас окружает. Гниет переспелая капуста – и точно так же гниют человеки. Вот *их* мнение. То есть *они* хотят вписать кроманьонцев в “возможности одной планеты”, в единый список других биологических видов, обделенных главнейшей субстанцией – разумом! *Они* ни во что не ставят разум и считают, что человек – бу-

кашка в универсуме. Его место – только Земля, или даже только своя страна, содружество государств, но не больше. Как можно согласиться с таким тезисом? Как можно до такой слепоты дойти? Тело, конечно, можно сравнить с букашкой, согласен, потому что и сама Земля – тоже букашка, и не только она – вся Солнечная система похожа на букашку в нескончаемой Вселенной. Но не разум! Разум уникален, его надо только взрастить, и тогда он покорит всю безграничную материю. Путивлец Караманов открывает вам новую истину: все биологические виды человека являются составной частью самой материи и развиваются вместе с ней. Не после нее, не вслед за ней, не справа или слева, не с интервалом, не с промежутком во времени и пространстве, а параллельно, вместе, как единое целое. Человеки умны настолько, настолько сама материя разумна! Но поскольку разум распределен между людьми неравномерно, с большой разницей в КПД –

впрочем, как и в самой природе, – я беру на себя обязательство увеличить его составляющую в каждом из **вас**». – «Прошу прощения, непонятно, что имеется в виду, когда речь идет о неравномерности разума в материи? – проговорил судья. – Когда вы говорите о людях, тут можно с вами согласиться, я помню ваши соображения о среднем уровне интеллекта. Но... материя?» – «Луна – это часть материи? Да! Ее функция в процессе мирового развития и совершенствования ничтожно мала. И, напротив, Солнце – потрясающий КПД! А в универсуме свободно блуждает не меньше паразитов, чем по нашим дорогам от Москвы до Путивля. Совершенно бесполезные мертвые звезды можно сравнить с никчемными людьми. Особенно из поп-культуры, попсы вообще. Они тоже горят, но бессмысленным светом. Он не греет и не освещает. Но, Ваша честь, давайте заглянем в будущее. Во всем бессмысленном и, на первый взгляд, примитивном можно найти пре-

красный строительный материал! Если разум землян должен быть равен разуму Вселенной, то всем даровано право изменять самих себя. Пока из всех миллиардов землян выделяюсь один Я. Единственный cosmicus. Дайте генетикам вольно управлять людьми, и уже через тридцать лет вы почувствуете, как начнет изменяться **их** мир! Из людей начнут рождаться Я – путивльцы. А все труды философов и провидцев прошлого станут культурным фундаментом, на котором начнет развиваться новый биологический вид – cosmicus. Дайте лицензию хотя бы на проведение первого эксперимента: я могу открыть в Москве, на Фрунзенской набережной, Центр по генетической модернизации людей. Сколько в России умоненавистников? Например, попры, завидующей интеллектуалам? Не знаете? Все **они** тайно или открыто станут просить меня взрастить **их** разум. Очередь окажется нескончаемой». – «Может быть, может быть, – погрузился судья.

Он почему-то начал вглядываться в свою лупу, как в зеркало: стал что-то поправлять в своем парике, протер глаза, погладил подбородок. – В вашей гипотезе есть вещи, которые противоречат реальному развитию цивилизации. Например, религия. Почему вы ее отвергаете? Вы считаете, что Библия написана для избранных. Ничего подобного. Она написана для всех!» – «Einspruch!»* – вырвалось у меня. – Знаете ли вы, против чего протестовал Лютер? Помимо всего прочего, его возмущал запрет Ватикана переводить Библию на немецкий язык. Значит, до семнадцатого века Библия издавалась исключительно на латинском языке. Кто же мог ее читать в Европе, кроме избранных интеллектуалов и клерикалов? Что, простой немец, француз или англичанин знали латынь? А когда сняли этот запрет в России? Лишь во второй половине девятнадцатого века вышла в свет

* **Einspruch** – протестую (*нем.*)

первая Библия на русском языке! Вот что я имел в виду. Господин судья, в процессе собственного развития земляне в различные эпохи поклонялись разнообразным символам: солнцу, морю, скалам, растениям, звездам, Богу! Софокл и Гомер писали свои произведения задолго до христианства. Что, они содержат антихристианские мысли или призывы? Или что, советские писатели создавали свои сюжеты на антихристианских догмах? Возьмите Шолохова: замечательный писатель, но атеист, а вы не найдете у него ничего богохульного. Христианство, мусульманство, иудаизм, другие религии – это интенсивные интеллектуальные упражнения для развития разума. Его фундаментальной этической основы. Это универсальные удобрения для роста сознания! Развился бы разум так высоко, если бы *ваши* собратья оставались без Бога в душе и в мыслях? Нет! Никогда! Именно религия открыла глубину познания самого себя и мира. И, хотя христиан-

ский ренессанс прошел, многие из **вас** еще на десятки поколений сохраняют в себе “анонимное христианство”. Для меня же религия – это школа взросления ума, это университеты, куда может заглянуть каждый путивлец. Не больше! Если путивлец мечтает сотворить новый биологический вид, где каждый будет наделен божественными способностями, то религией станет **Я** каждого нового cosmicus. Если **Я** не станет Богом, то не займет должного места в универсуме! Мои мечты как раз и должны быть реализованы в этом огромном проекте! Насколько вы способны его понять и одобрить? На первый взгляд он может показаться мало кому доступным. Впрочем, тут гадать незачем: разум сам подскажет. Но когда я говорю **Я** – это и не альтруизм, и не эгоизм. Философия путивльца созвучна мыслям Николая Федорова: “Жить надо не для себя и не для других – а со всеми и для всех!” Поэтому я так тороплюсь получить ваш вердикт». – «Подумайте, человечество

или его большая часть пользуется той же лексикой, мы испытываем те же чувства, думаем о тех же нравственных проблемах, о которых вы толкуете. В чем же разница между нами?» – спросил судья каким-то подавленным тоном. «**Вы** взвалили свои проблемы на Господа Бога. Чуть что – перед сделкой, встречей с дамой, приемом на работу, перед футбольным матчем, перед игрой в казино, любым другим бытовым случаем – **вы** обращаетесь к нему с молитвой о помощи! Таким образом **вы** потеряли самих себя. Если кто желает иметь Бога в душе – никаких возражений. Но **вы** хотите иметь его на все случаи жизни, как палочку-выручалочку. То есть превращаетесь в крепостных духа и тела. Без собственного **Я**, которым он **вас** одарил, **вы** становитесь совершенно неинтересными для путивльца существами. Бог создал **вас** по своему подобию, он даже дал **вам** душу! И это делает землян особенными существами во всем универсуме. О, как Отец всего

сущего устал от ваших молитв! Перестаньте просить у него постоянной помощи, владейте разумом самостоятельно! Обретите свое *Я*! Тогда **вы** познаете и своего Отца! Ведь он – это *Я*. Смог ли я убедить вас, что оттягивать неизбежное, эволюционное губительно прежде всего для самих человек?» – «С чего вы хотите начать? – озираясь по сторонам, почти шепотом спросил судья. – Вы что-то такое уже наметили?» – «Я начну с изгнания из геномной архитектуры человека гена спроса на материальные блага». – «А дальше?» – «Расширю полномочия гена духовного потребления, чтобы достаточно быстро взрастить **их** разум». – «А что еще?» – «Вы же прекрасно знаете всю мою программу! Дайте мне решение суда. Будьте уверены, я все задуманное выполню!» – «Последний вопрос: скажите, экспертиза психиатров, предоставленная защитником, куплена?» – «Почему вы так решили?» – насторожился я. «Нынче время такое. Пожалуй, мне теперь необ-

ходимо удалиться для вынесения приговора. По моему сигналу зовите всех участников процесса в зал заседания. Я буду оглашать приговор!» Я вышел в музейный двор. Было темно и прохладно. Кремлевские куранты отбивали точное время: три часа утра. Я стал с нетерпением ждать вердикта. Ох, скорее бы!»

Москва, март – май 2004

**Для обогащения
души и разума
читайте книги
Александра
Потёмкина**

**Другие книги
Александра Потёмкина**

«Изгой», роман

«Игрок», повесть

«Бес», повесть

Наши книги вы можете приобрести
в книжных магазинах и Интернете
или заказать в ИД «ПоРог»
по тел. (495) 611-03-39, (916) 859-04-82

Другие книги Александра Потёмкина

«Стол», повесть

«Отрешенный»,
сборник рассказов

«Мания», роман

Наши книги вы можете приобрести
в книжных магазинах и Интернете
или заказать в ИД «ПоРог»
по тел. (495) 611-03-39, (916) 859-04-82

**Другие книги
Александра Потёмкина**

«Человек отменяется»,
роман

«Кабала», роман

«Русский пациент», роман

Наши ниги вы можете приобрести
в книжных магазинах и Интернете
или заказать в ИД «ПоРог»
по тел. (495) 611-03-39, (916) 859-04-82

Александр Потёмкин
«Я»

Редактор
Наталья Егорова
Художественный редактор
Анастасия Потёмкина
Художественное оформление
Игорь Резников

Издательский Дом «ПоРог»

Генеральный директор
Ирина Толмачёва

Подписано к печати _____
Формат 70x90 1/32. Бумага офсетная
Печать офсетная. Печ. л. 12
Тираж 7000 экз. Заказ № _____
Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленного оригинал-макета
в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы. 97.